

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 16 • № 2 • 2024 • АПРЕЛЬ-ИЮНЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Звягельская И.Д. — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Серунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор Малеванная Е.А.

Технический редактор Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 16 • No. 2 • SPRING • 2024

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor *Ekaterina A. Malevannaya*

Technical Editor *Bogdan A. Avdeev*

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

**Периодичность —
четыре выпуска в год**

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 20.08.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,5.

Уч.-изд. л. 10,7. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 12719. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

Тема в фокусе: контуры многополярного мира

Вступительное слово заместителя министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова	7
М а л ы ш е в Д.В. ШОС и БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка	9
Г а с п а р я н А.Ю., М е л к о н я н Т.А. Международно-политические аспекты деятельности ОПЕК+ в контексте энергетической дипломатии России и Саудовской Аравии до и после начала СВО ..	32
М у р а т ш и н а К.Г. Совещание министров обороны АСЕАН-плюс: структура, особенности, динамика развития (2010–2022)	57
К у з н е ц о в Д.А., Д м и т р и е в а В.А. Гуманитарная дипломатия и страны Глобального Юга: тенденции и дискурсы	89
С т р и г у н о в К.С. Преступные организации Бразилии как субъекты неклассических войн в форме криминального мятежа	125

Диалог научных школ Московского университета

В а с и л ь е в В.П. Глобальные программы устойчивого развития: кризис достижения целей	176
---	-----

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

Focal Point:

Contours of a Multipolar World

A Welcome Message from the Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.A. Ryabkov	7
Malyshchev D.V. SCO and BRICS in an Emerging Multipolar World Order	9
Gasparyan A.Yu., Melkonyan T.A. International Political Aspects of OPEC+ Activities in the Context of Energy Diplomacy of Russia and Saudi Arabia before and after the Start of the Special Military Operation	32
Muratshina K.G. ASEAN Defence Ministers Meeting-Plus: Institutional Structure, Specific Features, and Evolution (2010–2022)	57
Kuznetsov D.A., Dmitrieva V.A. Humanitarian Diplomacy and the Countries of the Global South: Trends and Discourses	89
Strigunov K.S. Brazilian Criminal Organizations as Subjects of Non-Classical Wars in the Form of Criminal Rebellion	125

Lomonosov Moscow State University: Dialogue of Scientific Schools

Vasilev V.P. Global Sustainable Development Programs: Challenges to the Achievement of the Goals	176
--	-----

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ТЕМА В ФОКУСЕ: КОНТУРЫ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Обзорная статья / Review article

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С.А. РЯБКОВА

Мир последовательно и необратимо движется к многополярности. Повышается экономический потенциал, а с ним и потребность играть самостоятельную роль в международных делах со стороны новых центров силы в Азии, Африке, Латинской Америке. Растет понимание рудиментарного характера чьей-либо исключительности в процессе принятия решений по глобальным вопросам. На смену миропорядку, построенному на гегемонии так называемого коллективного Запада, приходит система с множеством полюсов и цивилизационных платформ.

Разрушается и культурно-идеологическая подпорка однополярного мира — унификация на основе западных установок. Неолиберальные воззрения на этику, культуру, историю и общественные отношения приобретают всё более изощренные трактовки и в купе с пренебрежением к иным обычаям и духовным ценностям всё чаще вызывают отторжение у мирового большинства.

Классическая многосторонняя дипломатия с универсальным охватом участников стараниями западных стран практически парализована и занимается второстепенными сюжетами, в то время как проблемы глобальной повестки дня никуда не уходят. За ответами страны всё чаще обращаются к региональным структурам, таким как АСЕАН, ЛАГ, Афросоюз, СЕЛАК, которые становятся всё более значимыми факторами в мировой политике. Растет влияние на глобальные процессы кросс-региональных форматов, в частности БРИКС. В рамках этих объединений страны, представляющие различные самобытные цивилизации, взаимодействуют на основе равноправия и взаимного уважения, а также принципов открытости

и солидарности. Их общая цель — развивать последовательный, прагматичный, открытый и транспарентный диалог и сотрудничество, которые будут служить не только общим интересам развивающихся стран и государств с формирующимися рынками, но и строительству гармоничного мира, где обеспечены прочный мир и общее процветание.

Российская Федерация, участвуя в работе различных многосторонних форматов, последовательно придерживается курса на формирование демократического многополярного мира и укрепление глобальной безопасности и стабильности, реформирование архитектуры глобального управления, с тем чтобы голос Глобального Юга и Востока звучал весомее и был услышан. Россия осуждает применение односторонних принудительных мер, несовместимых с Уставом ООН.

В этом году наша страна председательствует в БРИКС. Девизом председательства выбрано «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Руководствуясь им, Российская Федерация будет способствовать укреплению образа объединения как оплота многополярности, наращивать сотрудничество во всех форматах и подключать к БРИКС заинтересованные страны. Главная цель России на этом направлении — содействовать поступательной трансформации БРИКС в один из ключевых элементов новой системы глобального управления, более представительной и отражающей чаяния мирового большинства, построенной на принципах уважения национального суверенитета и социокультурной самобытности всех стран и народов.

Реализация этих целей Российской Федерации и продвижение интересов стран мирового большинства невозможны без тщательной научной проработки. Хочется надеяться, что исследования, собранные в данном выпуске научного журнала «Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика», смогут внести важный вклад в процесс осмысления проблем и перспектив построения нового, более справедливого мирового порядка.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации,
Чрезвычайный и Полномочный Посол, шерпа России в БРИКС
С.А. Рябов

Д.В. Малышев*

ШОС И БРИКС В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

2024 год станет этапным для развития как Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), так и БРИКС — уникального переговорного формата стран с быстроразвивающейся экономикой. В этом году в Казани пройдет саммит БРИКС, а Астана уже встретила саммит ШОС, который ознаменовался принятием ряда важных инициатив. Анализ итогов и исторического значения этих встреч на высшем уровне является темой для отдельного исследования, в данной же статье мы посмотрим, в каком состоянии к ним подошли и БРИКС, и ШОС, с какими проблемами они сейчас сталкиваются и какие перспективы перед ними открываются в условиях глобальной перестройки системы мировой политики. В первой части статьи рассмотрены основные этапы формирования и современные тенденции развития ШОС. Автор подчеркивает, что помимо борьбы с традиционными вызовами государства — члены ШОС активно сотрудничают в настоящий момент и в сфере противодействия новым угрозам, связанным в основном с проявлениями сепаратистских настроений, наркоэкспансией, распространением терроризма и исламского экстремизма. В этом контексте страны ШОС особенно внимательно следят за быстро меняющейся обстановкой в Афганистане. Автор заключает, что входящим в ШОС государствам удалось создать солидную договорно-правовую базу и работающие механизмы взаимодействия, в то же время по ряду проблем между ними наблюдаются противоречия, а порой и прямые расхождения. Во второй части выявлены этапы формирования и современные тенденции развития БРИКС. Отмечено, что в последние несколько лет деятельность БРИКС активно расширяется как в количественном отношении — за счет

* Малышев Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии, Молдовы и Украины Центра постсоветских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (e-mail: dimal.68@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0304-8785).

включения в объединение всё новых стран, так и в качественном — благодаря освоению новых форм и направлений сотрудничества. В этой связи особое внимание обращают на себя усилия по запуску новой валюты БРИКС и взаимодействие в рамках Нового банка развития. По мнению автора, саммиты ШОС в Астане и БРИКС в Казани в 2024 г. призваны вывести развитие этих международных структур, с которыми связаны надежды на становление нового, более справедливого мирового порядка, на качественно новый уровень.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, многополярность, полицентричный мировой порядок, глобальное большинство, Глобальный Юг, Афганистан

Для цитирования: Малышев Д.В. ШОС и БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 9–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-9-31.

Dmitrii V. Malyshev

SCO AND BRICS IN AN EMERGING MULTIPOLAR WORLD ORDER

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997*

The year 2024 will be a milestone for the development of both the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and BRICS, a unique negotiating format for rapidly growing economies. This year, Kazan will host the BRICS summit, and Astana has already held the SCO summit, which was marked by the adoption of a number of important initiatives. The assessment of the results and historical significance of these summits requires a special study, in this article we will look at the state in which both BRICS and SCO approached them, what problems they are currently facing and what prospects open up to them in the context of a global transformation of the IR system. The first section examines the main stages of the formation and current trends in the development of the SCO. The author emphasizes that in addition to addressing traditional challenges, the SCO member states are actively cooperating in countering new threats, such as separatism, drug trafficking, terrorism, and Islamic extremism. In this context, the SCO countries are particularly attentive to the rapidly changing situation in Afghanistan. The author concludes that although the SCO member countries

have managed to create a solid legal framework and effective mechanisms of interaction, there are contradictions and even clashes between them on a number of issues. The second section identifies the stages of formation and current trends in the development of BRICS. The author notes that in the last few years, BRICS have been actively expanding both quantitatively by including more and more new countries in the association, and qualitatively, exploring new forms and areas of cooperation. In this regard, special attention is paid to the efforts to create a BRICS currency and to cooperation within the framework of the New Development Bank. According to the author, the SCO summits in Astana and BRICS in Kazan in 2024 should bring the development of these international structures, which embody hopes for the establishment of a new, fairer world order, to a qualitatively new level.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, BRICS, multipolarity, polycentric world order, global majority, Global South, Afghanistan

About the author: *Dmitrii V. Malyshev* — PhD (History), Leading Research Fellow, Section for Belarus, Moldova and Ukraine at the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: dimal.68@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0304-8785).

For citation: Malyshev D.V. 2024. SCO and BRICS in an emerging multipolar world order. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 9–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-9-31. (In Russ.)

Современная система международных отношений не может существовать без разноформатных международных структур. Это и международные организации, и межгосударственные неформальные объединения. Именно под такие характеристики четко подходят Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС (BRICS — Brazil, Russia, India, China, South Africa). ШОС является полноценной международной организацией со своим уставом (Хартией ШОС)¹, фиксированным составом членов, четко обозначенными целями и принципами, признанной в качестве международной организации со стороны ООН (со 2 декабря 2004 г. ШОС имеет статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее (ГА) ООН, а 1 сентября 2023 г. на

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 07.06.2002. Доступ: <http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=86> (дата обращения: 23.05.2024).

пленарном заседании 77-й сессии ГА была принята специальная резолюция ООН А/77/L.107 о сотрудничестве между ООН и ШОС²).

БРИКС — это своеобразный переговорный формат стран с быстроразвивающейся экономикой. Основные государства — участники объединения входят и в ШОС, а некоторые аспекты взаимодействия, в первую очередь социально-экономического, характерны и для ШОС, и для БРИКС. Изучение особенностей их функционирования как форматов современного международного сотрудничества представляет, по нашему мнению, значительный научный интерес, особенно с учетом вступления всей системы международных отношений в период глобальной и радикальной трансформации. Рубежным событием в этом отношении стало начало специальной военной операции России на Украине.

Известный российский ученый-международник С. Караганов определил суть разворачивающихся процессов следующим образом: «Европейская и, в первую очередь, немецкая элита находятся в состоянии исторического провала. Из-под их 500-летнего господства выбита его основа — военное превосходство, на котором строилось экономическое, политическое, культурное доминирование Запада. С помощью такого превосходства они перекачивали мировой внутренний национальный продукт в свою пользу. Сначала грабили колонии, а позже делали то же самое, но более изощренными методами»³. И в этой связи деятельность ШОС и БРИКС приобретает уже не только и не столько региональный, сколько глобально-международный характер — как противостояние «коллективному Западу», или, по выражению того же С. Караганова, «коллективному меньшинству», которое раньше называли «золотым миллиардом» и которое всеми силами пытается сохранить свое господство в меняющемся мире. Роли данных международных структур (особенно ШОС) в трансформации мирового порядка посвящен ряд научных исследований. В частности, к этой проблематике обращался и автор

² Принята очередная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Сотрудничество между ООН и ШОС» // Шанхайская организация сотрудничества. 07.09.2023. Доступ: <https://rus.sectscsco.org/20230907/Prinyata-ocherednaya-rezolyutsiya-Generalnoy-Assamblei-OON--Sotrudnichestvo-mezhdu-OON-i-ShOS-954717.html?ysclid=lyq3uaocjo349858481> (дата обращения: 23.05.2024).

³ Куда течет река — 2024. Сергей Караганов: Россия закончила свое европейское путешествие // Российская газета. 27.12.2023. Доступ: <https://rg.ru/2023/12/27/kuda-techet-reka-2024.html?ysclid=lxlo3fkbd0878764425> (дата обращения: 18.05.2024).

данной статьи в работе, приуроченной к 20-летию создания ШОС [Малышев, 2021].

В целом следует признать, что разноплановая деятельность ШОС и БРИКС достаточно хорошо освещена в исследованиях ученых-международников из России и стран СНГ. Так, роль ШОС в урегулировании крайне непростой ситуации в Афганистане, который непосредственно граничит с зоной ответственности ШОС — регионом Центральной Азии, а по некоторым классификациям и сам входит в этот регион, проанализирована в работе политолога из Узбекистана А. Умарова «Афганистан и региональная безопасность Центральной Азии: начало XXI века» [Умаров, 2017]. Тематике современного развития и роли ШОС посвящены и работы молодых ученых. В качестве примера можно привести монографию К. Рахимова, в которой рассмотрена деятельность данной структуры в обеспечении безопасности в Евразии, противодействии как традиционным, так и новым угрозам безопасности в Центральной Азии [Рахимов, 2024]. Нельзя не упомянуть и коллективную монографию Института Китая и современной Азии РАН «Китай, Россия и ШОС в системе безопасности Евразии. Проблемы многостороннего взаимодействия в условиях глобально-региональной конфронтации и антироссийского санкционного давления», в которой проведен анализ актуальных проблем международной обстановки как в мире в целом, так и в регионе стран ШОС, в частности проанализированы новые методы взаимодействия России с дружественными странами и ключевыми партнерами по организации [Китай, Россия и ШОС..., 2023].

К сожалению, в англоязычном сегменте данная проблематика представлена достаточно слабо. Из недавних исследований отдельного упоминания заслуживает изданная в Лондоне монография «Шанхайская организация сотрудничества. Исследуя новые горизонты» [The Shanghai Cooperation Organization..., 2022], в которой дан анализ современного развития ШОС, предпринята попытка спрогнозировать основные направления деятельности данной международной структуры на современном этапе.

Что касается БРИКС, то в последнее время этот формат также привлекает повышенное внимание научного сообщества. Историческим вехам развития БРИКС посвящен сборник статей, который вышел в ИМЭМО РАН, где авторы проанализировали основные этапы становления этого объединения, взаимоотношения его ведущих

стран-участниц (России, Китая и Индии), перспективы развития в обозримом будущем [На пороге второго десятилетия БРИКС, 2017].

Особенно хотелось бы выделить изданную в двух частях монографию «Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве», в которой показаны особенности переплетения процессов глобализации и регионализации в государствах — участниках объединения, представлен подробный анализ их экономик, ключевых направлений и приоритетов инновационного развития [Развитие стран БРИКС..., 2014].

В качестве примера системного анализа развития стран БРИКС можно также привести монографию «Страны БРИКС: сотрудничество и партнерство в условиях многополярного мира», в которой на основе обширного материала рассмотрены национальные стратегии развития экономик данных государств, исследованы ключевые и знаковые решения саммитов БРИКС, потенциал отраслевых приоритетов их сотрудничества [Страны БРИКС..., 2019].

В основном все исследователи подчеркивают одну ключевую мысль: эти структуры заняли свою нишу в системе современных международных отношений, они способствуют ее развитию, а их деятельность привлекает всё большее внимание стран мирового сообщества.

Тем не менее сейчас, когда Россия, Китай, Индия, Бразилия, в какой-то мере ЮАР начинают заявлять о себе как о по-настоящему глобальных игроках, деятельность ШОС и БРИКС приобретает качественно новое значение. 2024 год является знаковым для развития как ШОС, так и БРИКС. В Казани пройдет саммит БРИКС, а Астана встретила саммит ШОС. Анализ итогов и исторического значения этих встреч на высшем уровне может стать темой для отдельного исследования, в данной же статье мы посмотрим, в каком состоянии оба этих объединения подошли к этому этапному для них году, с какими проблемами они сейчас сталкиваются и какие перспективы перед ними открываются в условиях глобальной перестройки системы мировой политики.

Основные этапы формирования и современные тенденции развития ШОС

Обе международные структуры зарождались и развивались (а в настоящее время параллельно развиваются) в непростой исторической ситуации. Так, появлению ШОС способствовало поэтапное

урегулирование территориальных споров между Китаем и бывшими советскими республиками, которые начались еще во времена СССР и не были решены после его распада [Титаренко, 2012]. Предтечей ШОС стало возникновение «шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан и Киргизия), которая как раз и занялась урегулированием проблемы приграничных споров. 26 апреля 1996 г. в Шанхае состоялась первая встреча лидеров этих пяти государств, которые и по сей день входят в ШОС. Тогда же был подписан первый базовый документ будущей ШОС — Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы, которое часто не совсем официально называют «Шанхайской декларацией»⁴. Не вдаваясь в подробности, отметим самую главную идею этого документа: стороны обязывались отказаться от использования вооруженных сил в районе границы для нападения друг на друга.

14–15 июня 2001 г. в саммите в Шанхае принял участие Узбекистан. Эта страна, хотя и не граничит с Китаем, играет значимую роль в развитии региона Центральной Азии, который «шанхайская пятерка» изначально обозначила зоной своей ответственности. Главным итогом этого саммита стало создание ШОС в составе на тот момент шести государств⁵.

ШОС создавалась не только и не столько как региональная структура, она подразумевала именно стратегическое партнерство между странами⁶. Учредительные документы организации (Декларация о создании ШОС, Шанхайская конвенция, Хартия ШОС) определяли ее как формат, направленный на «укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства, поощрение эффективного сотрудничества между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической,

⁴ Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. 26 мая 1997 г. // Консорциум «Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901763237> (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: Материалы Третьего заседания Форума ШОС (Пекин, Китай, 19–21 мая 2008 г.) // Официальный сайт председательства РФ в ШОС 2014–2015 гг. Доступ: <http://scorussia.ru/news/20141216/1013261774.html> (дата обращения: 07.05.2024).

⁶ Барский К. Шанхайская организация сотрудничества: новое слово в мировой политике // Международная жизнь. 2011. № 8. Доступ: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/511> (дата обращения: 07.05.2024).

культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях, совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»⁷. Предполагали документы ШОС и «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях»⁸. Наиболее активную роль в продвижении этой повестки играл Китай, для которого конкретным воплощением «трех зол» (терроризма, сепаратизма и экстремизма), зафиксированных в его собственной военной и внешнеполитической стратегии, стало движение за создание государства Восточный Туркестан в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Эта сфера остается основной для ШОС и по сей день⁹. Вместе с тем страны-учредители особо отмечали, что ШОС «не является союзом, направленным против других государств и регионов»¹⁰.

ШОС можно назвать своеобразным стратегическим и, говоря шире, геополитическим ядром Евразии, которое имеет твердые позиции в Центральной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, эта структура по мере своего развития становилась всё более многофункциональной, расширялся набор ее компетенций в различных сферах деятельности. При этом основное внимание традиционно оставалось сосредоточено на вопросах обеспечения безопасности и поддержания мира на континенте Евразия. На это, в частности, указывает опубликованное в июле 2021 г. сообщение для СМИ российского МИДа о Заседании Совета министров иностранных дел ШОС в Душанбе: «Приоритетом шосовского сотрудничества остается сфера безопасности. В данном контексте предполагается провести анализ перспектив усиления потенциала ШОС в противодействии всё более тесно переплетающимся вызовам и угрозам

⁷ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 15.06.2001. Доступ: <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=83> (дата обращения: 23.05.2024).

⁸ Хартия Шанхайской организации сотрудничества...

⁹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Официальный сайт Президента России. 14.06.2001. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁰ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества...

безопасности, включая терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков, трансграничную организованную преступность, риски в информационной среде и др.»¹¹

Соответственно помимо борьбы с традиционными вызовами государства — члены ШОС активно сотрудничают и в сфере противодействия новым угрозам, связанным в основном с проявлениями сепаратистских настроений, наркоэкспансией, распространением терроризма и исламского экстремизма.

Реализация задач ШОС по борьбе с терроризмом возложена на специализированное подразделение — функционирующую с 2004 г. Региональную антитеррористическую структуру (РАТС). Она занимается сбором и анализом информации об экстремистских организациях, формирует банк данных о лицах и объединениях, оказывающих поддержку преступникам, содействует в подготовке и проведении оперативно-разыскных и иных мероприятий по борьбе с ними, контактирует с международными структурами схожего целевого назначения. Помимо антитеррористической борьбы РАТС ШОС всё чаще вовлекают в работу по противодействию новым вызовам безопасности: киберугрозам, торговле людьми и наркотиками.

Последнее направление занимает особое место в деятельности ШОС. Борьба с наркоторговлей ведется в рамках утвержденной на саммите ШОС в Циндао (9–10 июня 2018 г.) «Антинаркотической стратегии государств — членов Шанхайской организации сотрудничества на 2018–2023 годы», которую продлили на саммите ШОС в Астане в 2024 г. на 2024–2029 г.¹² В этом документе обращается внимание на то, что средства, получаемые от продажи наркотиков, идут на подпитку деструктивной деятельности террористических организаций. Для азиатских участников ШОС данная проблема особенно актуальна, поскольку перед ними остро стоит угроза распространения наркотиков из стран «опиумного золотого треуголь-

¹¹ О заседании Совета министров иностранных дел государств — членов Шанхайской организации сотрудничества и встрече министров иностранных дел государств — членов ШОС и ИРА в формате Контактной группы «ШОС — Афганистан» // МИД РФ. 12.07.2021. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4811705 (дата обращения: 25.05.2024).

¹² Саммит ШОС в Астане: какие решения приняли главы государств // Tengrinews. 04.07.2024. Доступ: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/sammit-shos-astane-kakie-resheniya-prinyali-glavyi-540384/ (дата обращения: 04.07.2024).

ника» (Таиланд, Мьянма, Лаос), которая, в частности, подрывает безопасность Индии и Китая. В этой связи взаимодействие ШОС с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в борьбе с наркоугрозой рассматривается как весьма перспективное.

Важные решения, нацеленные на активизацию деятельности ШОС в сфере безопасности, были приняты на саммите организации в сентябре 2021 г. в Душанбе. К ним относится создание в качестве отдельного постоянно действующего органа Антинаркотического центра ШОС со штаб-квартирой в столице Таджикистана, Центра информационной безопасности ШОС (Республика Казахстан), Центра по противодействию международной организованной преступности в городе Бишкеке (Кыргызская Республика). Решено было также учредить на базе РАТС ШОС Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств — членов ШОС в городе Ташкенте.

Опасным очагом региональной нестабильности оставался Афганистан. Именно туда из Таджикистана, охваченного до 1997 г. вооруженным гражданским противостоянием, бежали противники центральной власти из числа участников Объединенной таджикской оппозиции; в Афганистане также нашли прибежище радикально-исламистские группировки Узбекистана, где в 1999 г. прогремело несколько террористических актов.

В ШОС внимательно следят и за быстро меняющейся обстановкой в Афганистане, где в конце августа 2021 г. к власти снова пришел «Талибан» (признан в России террористической организацией). В Душанбинской декларации, единодушно поддержанной всеми участниками саммита ШОС, Афганистану посвящен третий раздел, где отмечено, что страны — члены организации «выступают за становление Афганистана в качестве независимого, нейтрального, единого, демократического и мирного государства, свободного от терроризма, войны и наркотиков. Государства-члены считают исключительно важным создание в Афганистане инклюзивного правительства с участием представителей всех этнических, религиозных и политических групп афганского общества»¹³. Из этого следует, что ШОС и ее специализированные

¹³ Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 17.09.2021. Доступ: <http://rus.sectsc.org/news/20210917/779142.html> (дата обращения: 28.05.2024).

структуры намерены участвовать в процессе афганской стабилизации, в становлении Афганистана как мирной и свободной от терроризма страны. Позиция как России, так и других государств ШОС сводится к тому, что они не поддерживают «Талибан» (а в РФ ее деятельность запрещена решением Верховного Суда от 14 февраля 2003 г.), но при этом готовы вести диалог с действующим правительством Афганистана для стабилизации ситуации в регионе Центральной Азии.

При этом, в отличие от Организации Договора о коллективной безопасности, ограничивающей свою деятельность рамками Содружества Независимых Государств, ШОС стремится утвердить себя в качестве важного политического центра в Евро-Азиатском регионе в целом. Приданию ШОС такого статуса во многом способствовало ее расширение за счет ряда крупных региональных государств. В 2017 г. полноправными участниками ШОС стали Индия и Пакистан. Туркменистан, СНГ, АСЕАН, ООН обрели в организации гостевой статус. Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка стали партнерами ШОС по диалогу, а Афганистан, Монголия и Иран — наблюдателями. 17 сентября 2021 г. Совет глав государств ШОС на своем заседании в Душанбе изменил статус Ирана, приняв решение о начале процедуры его приема в организацию в качестве ее полноправного участника.

Входящим в ШОС странам удалось создать солидную договорно-правовую базу и работающие механизмы взаимодействия. Однако по ряду проблем, относящихся к сфере безопасности, между участвующими в ШОС государствами наблюдаются несовпадения, а порой и прямые расхождения. Таков, в частности, вопрос о дальнейших перспективах организации в качестве военно-политического объединения. Россия больше заинтересована в использовании ШОС как механизма военного партнерства, однако это не встречает поддержки со стороны КНР и Узбекистана.

Китай, который, как и РФ, является противником стратегического присутствия США в регионе Центральной Азии, заинтересован в развитии потенциала ШОС скорее не как военной, а как торгово-экономической структуры. В подходе Пекина преобладают также опасения утратить лидирующую роль в ШОС в случае усиления военной составляющей организации, что выдвинет на передний план Россию, превосходящую пока в военном отношении других участников ШОС. Для поддерживающего Китай Узбекистана, за-

конодательно закрепившего в качестве целей оборонной политики «неучастие в военно-политических блоках, оставление за собой права выхода из любого межгосударственного образования в случае его трансформации в военно-политический блок»¹⁴, неприемлемым станет само пребывание в рядах ШОС, если организация трансформируется в военный союз.

Есть и несовпадение позиций по проблеме предлагаемого Москвой использования ШОС в качестве основы для создания некоего энергетического клуба. По понятным причинам трудно гармонизировать подходы России, одного из крупнейших в мире производителей энергоносителей, и Китая — одного из крупнейших импортеров нефти и газа. КНР закупает большие объемы энергоносителей в странах постсоветской Центральной Азии и предпочитает осуществлять сделки в рамках двусторонних контактов, а не на базе формализованной многосторонней структуры, где лидерство могла бы перехватить РФ. При этом с Пекином солидарны и участвующие в ШОС центральноазиатские страны-экспортеры Казахстан и Узбекистан — просто в силу огромной заинтересованности в китайских потребителях.

Нет полного совпадения мнений в ШОС и по афганской проблематике. Не все страны-участницы отдают предпочтение формированию консенсуса в Афганистане между «Талибаном» и различными группами влияния в рамках Контактной группы ШОС — Афганистан (ее деятельность, приостановленная в 2009 г., возобновилась в октябре 2017 г.). Российский лидер призвал на саммите в Душанбе активизировать ее работу¹⁵, а президент Таджикистана предложил усилить на афганском направлении деятельность РАТС. Однако глава Узбекистана, к которому в 2022 г. перешло председательство в ШОС, выдвинул инициативу по расширению формата встреч за пределами Контактной группы ШОС — Афганистан¹⁶. Шавкат

¹⁴ Оборонная доктрина Республики Узбекистан, утв. Законом Республики Узбекистан от 9 января 2018 г. № ЗРУ-458. Статья 9. Доступ: <https://lex.uz/docs/3495906> (дата обращения: 31.05.2024).

¹⁵ Заседание Совета глав государств — членов ШОС // Официальный сайт Президента России. 17.09.2021. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/66706> (дата обращения: 02.06.2024).

¹⁶ Мирзиёев выступил на саммите ШОС в Душанбе: основные тезисы // Sputnik Узбекистан. 17.09.2021. Доступ: <https://uz.sputniknews.ru/20210917/mirziyoev-vystupil-na-sammite-shos-v-dushanbe-osnovnye-tezisy-20534990.html> (дата обращения: 03.06.2024).

Мирзиёев подчеркнул, что особая роль в этом плане принадлежит ООН, которая «могла бы взять на себя еще бóльшую ответственность за мобилизацию и координацию международных усилий по содействию Афганистану»¹⁷.

Есть сомнения в том, что расширение ШОС за счет новых членов придаст большую результативность ее деятельности. Сложности согласования позиций по выработке единой стратегии существовали в организации с момента ее возникновения (например, расхождения стратегических приоритетов РФ и КНР), но пошли по нарастающей после синхронного приема в ее ряды Индии и Пакистана. Это может оказаться справедливым и в отношении перспектив пребывания Ирана в ШОС. Он был принят главным образом по инициативе Пекина и Москвы, которые, по всей видимости, постарались таким путем опередить своих западных конкурентов — не допустить сближения Ирана с ними в случае успешного завершения переговоров с США по ядерной сделке и снятия с ИРИ международных рестрикций. Россия и Китай исходили также из того, что для будущего ШОС важным станет участие Ирана в разрешении крайне нестабильной ситуации в Афганистане.

Что касается решения спорных территориальных проблем, то, хотя в рамках ШОС ведется соответствующая работа, конфликтные ситуации, возникающие время от времени между Китаем, Пакистаном и Индией или между Таджикистаном и Киргизией, как правило, не рассматриваются организацией, которая оставляет их на усмотрение участников конфликтов. В итоге это значительно снижает коэффициент полезного действия ШОС.

В отличие от более распространенной модели коллективной безопасности, предполагающей наличие государства-лидера и общего противника, ШОС представляет собой в какой-то мере альтернативную многостороннюю региональную систему безопасности. В планах участников ШОС нет целей создания на ее основе формата «азиатского НАТО» или же формирования наднациональных институтов, которые занимались бы поддержанием коллективной безопасности. Наличие военно-политической составляющей в деятельности ШОС не подразумевает трансформации этой международной орга-

¹⁷ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на встрече в формате «ШОС — ОДКБ» // Президент Республики Узбекистан. 18.09.2021. Доступ: <https://president.uz/ru/lists/view/4623> (дата обращения: 03.06.2024).

низации в какое-либо подобие военного союза. В сфере обеспечения региональной безопасности и стабильности в основе стратегии ШОС лежит противодействие скорее новым угрозам, которые возникают перед входящими в организацию государствами: терроризму во всех его формах и проявлениях, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, трансграничной организованной преступности. Важными задачами ШОС остаются обеспечение международной информационной безопасности, укрепление безопасности границ, совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, отмыванием денег и коррупцией.

В середине сентября 2022 г. в узбекском Самарканде состоялся очередной саммит ШОС, основным событием которого стало получение статуса полноправного члена данной международной организации Исламской Республикой Иран. Вхождение ИРИ в ШОС имеет значение как для Тегерана, так и для самой этой организации: Иран получает возможность выйти из международной изоляции, а ШОС укрепляет позиции на Ближнем и Среднем Востоке. Всё это явно ставит под сомнение жизнеспособность американского (а шире — Западного) гегемонизма, успешность его попыток изолировать отдельные страны, особенно Россию и Иран, от общемировых процессов¹⁸.

Кроме того, в последние несколько лет важным сегментом развития и взаимодействия в рамках ШОС стала экономическая составляющая. В этой связи очень значимым событием можно считать обсуждение на Самаркандском саммите проблем дедолларизации экономик стран ШОС, перехода во взаиморасчетах на национальные валюты. А вступление ИРИ в данную организацию облегчает реализацию и многих транспортно-логистических маршрутов, так как Иран является своеобразным «мостом», по которому идет транзит с Севера на Юг, образующий дублер Суэцкого канала, что само по себе поднимает статус ШОС¹⁹.

Двум арабским государствам — Египту и Катару — был представлен статус партнеров по диалогу с ШОС. По итогам саммита

¹⁸ Заседание Совета глав государств — членов ШОС...

¹⁹ Встреча в Самарканде изменит мир: что эксперты ожидают от саммита ШОС // Sputnik Узбекистан. 15.09.2022. Доступ: <https://uz.sputniknews.ru/20220915/vstrecha-v-samarkande-izmenit-mir-cto-eksperty-ojidayut-ot-sammita-shos-28112475.html> (дата обращения: 14.06.2024).

была принята Самаркандская декларация, основная мысль которой сводится к признанию необходимости формирования справедливого и многополярного миропорядка²⁰.

В 2023 г. впервые в ШОС председательствовала Индия как полноправный член этой международной организации. Ряд инициатив выдвинул Китай. В частности, в своем выступлении председатель КНР Си Цзиньпин озвучил несколько ключевых тезисов видения дальнейшей деятельности ШОС: 1) противостояние гегемонизму и силовой политике Запада, создание полицентричной мировой политической системы; 2) повсеместное противостояние односторонним экономическим санкциям; 3) сопряжение китайской инициативы «Пояс и путь» со стратегиями развития различных стран, входящих в ШОС, в том числе посредством перехода во взаиморасчетах на национальные валюты²¹.

Интерес к ШОС в последнее время демонстрирует и Афганистан, который является наблюдателем в организации с 2012 г., и этот его статус не изменился после прихода в стране к власти талибов в сентябре 2021 г., после чего она даже получила новое название — Исламский Эмират Афганистан. В Нью-Делийской декларации было подтверждено стремление членов ШОС способствовать созданию независимого и свободного от войн и наркотиков Афганистана. Но пока это только очень призрачные перспективы.

Следует подчеркнуть, что не все лидеры государств ШОС оценивают ее развитие с одинаковым оптимизмом. В этом отношении показательным было выступление президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева. Он обратил внимание, что за 20 лет своего существования ШОС не удалось реализовать ни одного крупного экономического проекта²².

²⁰ Забродин А. От поступательного до наступательного один шаг. Как участники саммита ШОС в Самарканде говорили и молчали о конфликтах // Коммерсант. 16.09.2022. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5569434> (дата обращения: 17.06.2024).

²¹ Саммит ШОС как вариант «евразийской доктрины Монро» // Каспийский институт стратегических исследований. 07.07.2023. Доступ: <https://caspien.institute/product/direkciya-mezhdunarodnyh-programm-kisi/sammit-shos-kak-variant-evrazijskoj-doktriny-monro-38450.shtml> (дата обращения: 19.06.2024).

²² Токаев заявил, что ШОС за 20 лет не удалось реализовать ни одного крупного проекта // Ведомости. 04.07.2023. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/07/04/983638-shos-ne-udalos-realizovat> (дата обращения: 18.07.2024).

Основные этапы формирования и современные тенденции развития БРИКС

Группу БРИКС достаточно трудно сравнивать с ШОС хотя бы по причине того, что она в итоге так и не стала полноценной международной организацией, это скорее некий международно-переговорный формат (таких структур в мире существует большое количество, достаточно вспомнить «G7» или «G20»). Но при этом нельзя забывать, что ведущими странами как ШОС, так и БРИКС являются Россия, Индия и Китай. Первый саммит БРИК состоялся 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге, и на нем было принято «Совместное заявление лидеров стран БРИК», в котором была определена основная цель этой международной структуры: разносторонний диалог и сотрудничество государств с рыночной экономикой, которое обеспечит мир и общее процветание входящих в данную структуру стран²³. Само международное объединение БРИКС возникло 18 февраля 2011 г., когда на третьем саммите БРИК в китайском городе Санье к этой международной структуре присоединилась ЮАР²⁴. С этого момента БРИКС можно определить как группу «больших экономик» с потенциалом открытого «терминала» (*gate*), которая фактически охватывает четыре крупных региона: Азию, Африку, Европу и Латинскую Америку²⁵. Уже тогда общие показатели этого объединения представлялись очень впечатляющими: это 43% мирового населения, 30% мирового ВВП, 17% доли в мировой торговле, 45% рабочей силы, порядка 45% сельскохозяйственной индустрии, 26% площади нашей планеты [Арансибия, 2016].

За период существования БРИКС в рамках этой структуры формировались разнообразные форматы сотрудничества, охватывающие различные сферы деятельности: Академический форум БРИКС,

²³ I саммит БРИК — Совместное заявление лидеров стран БРИК (г. Екатеринбург, Россия, 16 июня 2009 г.) // Национальный Комитет по исследованию БРИКС, Россия. Доступ: <http://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 11.06.2024).

²⁴ Декларация, принятая по итогам III саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 г.) // Национальный Комитет по исследованию БРИКС, Россия. Доступ: <http://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 11.06.2024).

²⁵ Декларация XIV саммита БРИКС — Пекин // Национальный Комитет по исследованию БРИКС, Россия. Доступ: [https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/XIV_саммит_БРИКС_Пекинская_декларация_\(г.Пекин_Китай_23_июня_2022_года\).pdf?1666870770](https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/XIV_саммит_БРИКС_Пекинская_декларация_(г.Пекин_Китай_23_июня_2022_года).pdf?1666870770) (дата обращения: 11.06.2024).

Банк развития БРИКС, Деловой форум БРИКС, Кинофестиваль БРИКС, Юридический форум стран БРИКС, Сетевой университет БРИКС и др. В рамках объединения реализуются Энергетическая стратегия, Антитеррористическая стратегия, проводятся Спортивные игры БРИКС [Лунев, Юртаев, 2022]. В целом основными направлениями сотрудничества следует признать экономическое и гуманитарное [Юртаев, 2016].

При этом в последние несколько лет БРИКС расширяет формы и направления своей деятельности. В частности, в июне 2022 г. в Пекине состоялось заседание саммита в новом формате «БРИКС+», в котором помимо руководителей государств этой международной структуры приняли участие президенты и главы правительств стран, не входящих в БРИКС: Алжира, Аргентины, Египта, Индонезии, Ирана, Казахстана, Камбоджи, Малайзии, Сенегала, Таиланда, Узбекистана, Фиджи, Эфиопии. Всего же в этом саммите приняли участие представители 18 государств Азии, Африки и Латинской Америки, которые в основном обсуждали проблемы расширения БРИКС. Ключевой темой этой встречи стало формирование многополярного мира, основанного, как заявил президент РФ Владимир Путин, на принципах демократического многополярного порядка, равноправия, справедливости и уважения друг к другу²⁶.

На этом же саммите было принято решение расширить связи БРИКС и с рядом близких ему по духу международных структур: АСЕАН, Африканским союзом, Карибским сообществом (КАРИКОМ), Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Ассоциацией регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана (АРСИО)²⁷.

Идею расширения БРИКС поддерживают ведущие государства этой международной структуры — Россия и Китай. Для Москвы такая политика представляет особый интерес в условиях вводимых коллективным Западом всё новых санкций. Участники обновленной БРИКС могут бросить вызов странам «Группы семи» («G7») и успешно конкурировать с ними в ситуации системного кризиса, который охватил эти государства.

²⁶ Встреча «БРИКС плюс» // Официальный сайт Президента России. 24.06.2022. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/68700> (дата обращения: 20.06.2024).

²⁷ Участники встречи «БРИКС плюс» выступают за многополярный порядок // TV BRICS. 24.06.2022. Доступ: <https://tvbrics.com/news/uchastniki-vstrechi-briks-plus-vystupayut-za-mnogopolyarnyy-poryadok/> (дата обращения: 20.06.2024).

Более того, БРИКС может стать структурой, которая вообще не будет зависеть от лидеров глобального капитализма во главе с США и Великобританией, хотя это, конечно, только отдаленная перспектива, так как относительно устойчивым выглядит пока только евразийский костяк БРИКС, представленный Россией, Индией и Китаем. В ЮАР и Бразилии крайне непростой остается как экономическая, так и политическая ситуация²⁸. В частности, в ЮАР правящая долгие годы партия Африканский национальный конгресс (АНК) лишилась парламентского большинства, страна остается в состоянии перманентного экономического кризиса. В Бразилии же политический кризис начался в январе 2023 г. после избрания президентом Луиса Инасиу («Лулы») да Силвы, борьба вспыхнула между его сторонниками и лицами, поддерживающими предыдущего президента Жаира Болсонару. И этот кризис окончательно не разрешен до сих пор.

Важнейшим шагом в направлении более тесной консолидации этой международной структуры может стать запуск новой валюты БРИКС, которая будет серьезным конкурентом доллару. Конечно, это исключительно сложная задача, и пока страны БРИКС ограничиваются наращиванием объемов взаиморасчетов в национальных валютах²⁹.

С точки зрения экономических перспектив БРИКС особую роль играет также Новый банк развития (НБР)³⁰. Идея его создания возникла на саммите в Нью-Дели в 2012 г., а уже в 2014 г. страны БРИКС подписали соответствующее соглашение. Основные задачи этой структуры — мобилизация ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС, взаимодействие с мировыми финансовыми институтами в интересах глобального роста и развития. НБР заключил меморандумы о сотрудничестве с более чем 35 банками развития, в частности с Ази-

²⁸ Расширение БРИКС поможет России в противостоянии с Западом // Взгляд. 28.06.2022. Доступ: <https://vz.ru/world/2022/6/28/1165185.html> (дата обращения: 20.06.2024).

²⁹ БРИКС становится реальным конкурентом G7 в мировой финансовой системе — эксперт // Евразия Эксперт. 06.07.2022. Доступ: <https://eurasia.expert/briks-stanovitsya-realnym-konkurentom-g7-v-mirovoy-finansovoy-sisteme-ekspert/> (дата обращения: 22.06.2024).

³⁰ Agreement on the New Development Bank. Fortaleza. 15.07.2014 // New Development Bank. Available at: www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/11/Agreement-on-the-New-Development-Bank.pdf (accessed: 23.06.2024).

атским банком развития, Европейским банком реконструкции и развития, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, Группой Всемирного банка [Nanwani, 2023].

С точки зрения Москвы, идеализировать НБР, конечно, не стоит. Так, в июле 2023 г. глава НБР Дилма Руссефф прямо заявила, что эта банковская структура не рассматривает из-за санкций реализацию новых проектов в России, но при этом, по ее словам, РФ остается важным партнером НБР, а в случае если будет завершен переход стран БРИКС к взаиморасчетам в национальных валютах, данная ситуация может кардинально измениться³¹.

В середине июня 2023 г. заместитель министра иностранных дел РФ Сергей Рябков заявил, что уже порядка 20 государств планируют присоединиться к БРИКС³². В 2023 г. в объединение приняли еще 6 стран: две африканские (Египет и Эфиопию), одну латиноамериканскую (Аргентину) и три государства Ближнего Востока (Иран, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты), которые стали полноправными членами БРИКС с 1 января 2024 г. (в последний момент новое руководство Аргентины во главе с президентом Хавьером Милеем отказалось вступить в эту структуру, мотивируя это тем, что страна не видит особых выгод от участия в БРИКС)³³.

Благодаря этому расширению перед БРИКС открываются возможности контролировать несколько важных международных транспортных артерий, имеющих глобальное геополитическое значение: 1) Суэцкий канал в Египте, через который, по разным оценкам, проходит 7,5% мировой морской торговли и около 8% мировой торговли нефтью; 2) Восточный берег Красного моря (Саудовская Аравия); 3) Оманский и Персидский заливы и Ормузский пролив; 4) транспортный коридор «Север — Юг» из российского Санкт-Петербурга в индийский Мумбаи, основную роль в реализации которого играют Россия, Индия и Иран.

³¹ Банк БРИКС отказался от новых инвестиций в Россию из-за санкций // РБК. 27.07.2023. Доступ: <https://www.rbc.ru/finances/27/07/2023/64c181429a79470005ae94e4> (дата обращения: 21.06.2024).

³² Рябков заявил о намерении почти 20 стран присоединиться к БРИКС // ТАСС. 15.07.2023. Доступ: https://tass.ru/politika/18015097?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 22.06.2024).

³³ Новые власти Аргентины исключили вступление в БРИКС // РБК. 20.11.2023. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2023/655ae0639a794713656d8943> (дата обращения 18.06.2024).

В 2024 г. Россия председательствует в БРИКС. Москва запланировала более 200 мероприятий, особое внимание уделяется в этой связи продвижению взаимодействия в сфере науки, высоких технологий, здравоохранения, экологии, а также в области культуры, спорта, молодежных обменов и по линии гражданского сообщества³⁴. Большое значение придается и научному сотрудничеству в рамках БРИКС, особенно в связи с тем, что с момента начала Россией специальной военной операции на Украине все контакты со странами Запада, в том числе и научные, практически сошли на нет. В частности, на Западе перестали публиковать труды российских ученых, они более не участвуют там в международных научных мероприятиях и совместных исследованиях. И в этом контексте именно сотрудничество с БРИКС может стать новым фундаментом взаимодействия российской науки со странами мира [Перспективные направления научного сотрудничества, 2023: 35].

* * *

Можно заключить, что в условиях трансформации глобального мирового порядка для ШОС и БРИКС первостепенными задачами являются: закрепление позиций в меняющейся архитектуре международных отношений; последовательное продвижение идеи многополярного мира; активное противодействие попыткам «мирового меньшинства» вновь установить свою пошатнувшуюся в последнее время гегемонию. При этом необходимо исходить в своей деятельности из безусловного соблюдения норм международного права и прав человека.

В этой связи знаковыми становятся саммиты ШОС в Астане и БРИКС в Казани в 2024 г., призванные закрепить подобные тенденции в развитии этих международных структур, с которыми связаны надежды на становление нового, более справедливого мирового порядка. Важная, если не ключевая роль в этом процессе принадлежит России, которая была и остается системообразующим звеном этих международных структур. Как отметил на заседании Совета Безопасности ООН министр иностранных дел РФ Сергей Лавров: «Конец истории» не состоялся. Давайте вместе работать

³⁴ Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства России в БРИКС // Официальный сайт Президента России. 01.01.2024. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/73202> (дата обращения: 22.06.2024).

в интересах начала истории подлинной многосторонности, отражающей всё богатство культурно-цивилизационного многообразия народов мира»³⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арансибия А.В. Конкурентоспособность стран БРИКС в мировой экономике // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: Труды I Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2016. С. 8–9.
2. Китай, Россия и ШОС в системе безопасности Евразии. Проблемы многостороннего взаимодействия в условиях глобально-региональной конфронтации и антироссийского санкционного давления / Под ред. А.С. Давыдова. М.: ИКСА РАН, 2023.
3. Лунев С.И., Юртаев В.И. Место Индии и Ирана в новом региональном порядке в Евразии. М.: МГИМО-Университет, 2022.
4. Малышев Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 81–104. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104.
5. На пороге второго десятилетия БРИКС: Сборник статей / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2017.
6. Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС: доклад № 90 / 2023 / Под ред. Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой. М.: НП РСМД, 2023.
7. Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве / Под ред. Л.Н. Борисоглебской, В.М. Четверикова, Лю Цзюань, Ян Чэньюй. М.: ИНФРА-М, 2014.
8. Рахимов К.Х. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению безопасности в Евразии. М.: РУСАЙНС, 2024.
9. Страны БРИКС: сотрудничество и партнерство в условиях многополярного мира / Под ред. Л.Н. Красавиной, Н.С. Ревенко. Таллин, 2019.
10. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: Форум, 2012.

³⁵ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе заседания Совета Безопасности ООН по многостороннему сотрудничеству в интересах формирования более справедливого, демократического и устойчивого мироустройства // МИД РФ. 16.07.2024. Доступ: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1962040/ (дата обращения: 16.07.2024).

11. Умаров А.А. Афганистан и региональная безопасность в Центральной Азии: начало XXI века. Ташкент: УМЭД, 2017.

12. Юртаев В.И. Образование как фактор глобального конкурентного преимущества // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука. Бизнес. М.: РУДН, 2016. С. 142–148.

13. Nanwani S. The New Development Bank: Directions on strategic partnerships // Policy Insights. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 434–442. DOI: 10.1111/1758-5899.13268.

14. The Shanghai Cooperation Organization: Exploring new horizons / Ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. New York, London: Routledge, 2022.

REFERENCES

1. Aransibiya A.V. 2016. Konkurentosposobnost' stran BRIKS v mirovoi ekonomike [Competitiveness of the BRICS countries in the world economy]. In: Pivovarov Yu.S. (ed.). *Strany BRIKS: strategii razvitiya i mekhanizmy vzaimodeistviya i sotrudnichestva v izmenyayushchemsya mire: Trudy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [BRICS countries: Development strategies and mechanisms of interaction and cooperation in a changing world. Proceedings of I International Scientific and Practical Conference]. Moscow, pp. 8–9. (In Russ.)

2. Davydov A.S. (ed.). 2023. *Kitai, Rossiya i ShOS v sisteme bezopasnosti Evrazii. Problemy mnogostoronnego vzaimodeistviya v usloviyakh global'no-regional'noi konfrontatsii i antirossiiskogo sanktsionnogo davleniya* [China, Russia and the SCO in the Eurasian security system. Problems of multilateral cooperation at the face of confrontation and anti-Russian sanctions pressure]. Moscow, IKSA RAN Publ. (In Russ.)

3. Lunev S.I., Yurtaev V.I. 2022. *Mesto Indii i Irana v novom regional'nom porядке v Evrazii* [The place of India and Iran in the new regional order in Eurasia]. Moscow, MGIMO-University Publ. (In Russ.)

4. Malyshev D.V. 2021. *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i ee rol' v sisteme sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii (k 20-letiyu sozdaniya ShOS)* [The Shanghai Cooperation Organization and its role in the contemporary system of international relations (On the 20th anniversary of the SCO)]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 13, no. 4, pp. 81–104. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104. (In Russ.)

5. Khoros V.G. (ed.). 2017. *Na poroge vtorogo desyatiletiya BRIKS* [On the edge of the second decade of the BRICS]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

6. Karpinskaya E.O., Solodukhina E.A., GavriloVA S.M. (eds.). 2023. *Perspektivnye napravleniya nauchnogo sotrudnichestva: strany BRIKS* [Prospects for academic cooperation: BRICS countries]. Moscow, Russian International Affairs Council Publ. (In Russ.)

7. Borisoglebskaya L.N., Chetverikov V.M., Lyu Tszyuan', Yan Chenyui (eds.). 2014. *Razvitie stran BRIKS v global'nom prostranstve* [The development of the BRICS countries in the global space]. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russ.)

8. Rakhimov K.Kh. 2024. *Deyatel'nost' Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva po obespecheniyu bezopasnosti v Evrazii* [Activities of the Shanghai Cooperation Organization to ensure security in Eurasia]. Moscow, RUSAINS Publ. (In Russ.)

9. Krasavina L.N., Revenko N.S. (eds.). 2019. *Strany BRIKS: sotrudnichestvo i partnerstvo v usloviyakh mnogopolyarnogo mira* [BRICS countries: Cooperation and partnership in a multipolar world]. Tallinn. (In Russ.)

10. Titarenko M.L. 2012. *Rossiya i ee aziatskie partnery v globaliziruyushchetsya mire. Strategicheskoe sotrudnichestvo: problemy i perspektivy* [Russia and its Asian partners in a globalizing world. Strategic cooperation: Challenges and prospects]. Moscow, FORUM Publ. (In Russ.)

11. Umarov A.A. 2017. *Afganistan i regional'naya bezopasnost' v Tsentral'noi Azii: nachalo XXI veka* [Afghanistan and regional security in Central Asia at the beginning of the 21st century]. Tashkent, UMED Publ. (In Russ.)

12. Yurtaev V.I. 2016. *Obrazovanie kak faktor global'nogo konkurentnogo preimushchestva* [Education as a factor of global competitive advantage]. In: *BRIKS: sotrudnichestvo v tselyakh razvitiya. Obrazovanie. Nauka. Biznes* [BRICS: Cooperation for development. Education. Science. Business]. Moscow, RUDN Publ., pp. 142–148. (In Russ.)

13. Nanwani S. 2023. The New Development Bank: Directions on strategic partnerships. *Policy Insights*, vol. 15, no. 2, pp. 434–442. DOI: 10.1111/1758-5899.13268.

14. Marochkin S., Bezborodov Yu. (eds.). 2022. *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring new horizons*. New York, London, Routledge.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024;
одобрена после рецензирования 18.07.2024;
принята к публикации 14.08.2024

The paper was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 18.07.2024;
accepted for publication 14.08.2024

А.Ю. Гаспарян, Т.А. Мелконян*

**МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕК+
В КОНТЕКСТЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ
ДО И ПОСЛЕ НАЧАЛА СВО**

*Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Ереване
0025, Армения, Ереван, ул. Вардананц, 17
Американский университет Армении
0019, Армения, Ереван, пр-т Маршала Баграмяна, 40*

Усиливающееся на современном этапе межгосударственное соперничество охватывает всё больше сфер международного взаимодействия, включая вопросы энергетики. В то время как традиционные страны — экспортеры углеводородов пытаются удержать текущие позиции и по возможности их улучшить, новые игроки на нефтегазовом рынке стремятся оспорить сложившийся порядок вещей. Изменение ситуации на рынке нефти в связи с «ценовой войной» между США и странами ОПЕК является наглядным отражением этой тенденции и побуждает членов организации более тесно координировать свою политику с внешними партнерами. Цель настоящей статьи заключается в определении предпосылок и оценке динамики сотрудничества России и Королевства Саудовская Аравия в формате ОПЕК+ и его международно-политического измерения. В первой части статьи рассматривается логика заключения соглашения ОПЕК+ в контексте развития энергетического сотрудничества РФ и КСА до начала обострения «украинского кризиса». Отмечается, что новый формат в первые годы своего существования продемонстрировал устойчивость

* *Гаспарян Арсен Юрьевич* — доктор политических наук, преподаватель Американского университета Армении и филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Ереване, председатель «Ex Oriente» Союза востоковедов Армении (e-mail: arsengasparyan66@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3337-9152); *Мелконян Татевик Андраниковна* — магистр МГУ имени М.В. Ломоносова по направлению «Международные отношения», член «Ex Oriente» Союза востоковедов Армении (e-mail: tatevik_melkonyan@list.ru; ORCID: 0000-0002-9126-5201).

и привел к укреплению отношений между странами — производителями углеводородов. Во второй части статьи анализируется положение ОПЕК+ в условиях возросшего геополитического давления на объединение со стороны США и их основных союзников. Подчеркивается, что усилия Вашингтона и стран-потребителей по подрыву энергетического сотрудничества в формате ОПЕК+ не увенчались успехом, а вес участников объединения на международной арене только возрос. В заключение делается вывод, что ОПЕК+ не только способствует поддержанию цен на нефть на приемлемом для его участников уровне, но и приносит им ощутимые политические выгоды. Вместе с тем, по замечанию авторов, взаимоотношения стран в рамках данного формата во многом зависят от состояния международной среды и масштабов американо-российского противостояния.

Ключевые слова: ОПЕК+, Организация стран — экспортеров нефти, ОПЕК, Россия, Саудовская Аравия, США, цены на нефть, энергетическая политика, энергетическая дипломатия, энергетическое сотрудничество

Для цитирования: Гаспарян А.Ю., Мелконян Т.А. Международно-политические аспекты деятельности ОПЕК+ в контексте энергетической дипломатии России и Саудовской Аравии до и после начала СВО // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 32–56. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-32-56.

Arsen Yu. Gasparyan, Tatevik A. Melkonyan

INTERNATIONAL POLITICAL ASPECTS OF OPEC+ ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF ENERGY DIPLOMACY OF RUSSIA AND SAUDI ARABIA BEFORE AND AFTER THE START OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

*Lomonosov Moscow State University
Branch in Yerevan*

17, Vardanants str., Yerevan, Republic of Armenia, 0025

*American University of Armenia
40, Marshal Baghramyan ave., Yerevan, Republic of Armenia, 0019*

The growing interstate rivalry sweeps more and more areas of international relations, including energy issues. While the ‘traditional’ oil and gas exporters are trying to maintain or even strengthen their current positions, new players

in the oil and gas market are trying to challenge the status quo. The changing situation on the oil market due to the 'price war' between the United States and OPEC countries serves as a clear manifestation of this trend and encourages the OPEC members to coordinate their policies more closely with external partners. This paper aims to identify the prerequisites and assess the dynamics of cooperation between Russia and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) within the OPEC+ framework. The first section of the paper examines the logic behind the OPEC+ agreement in the context of the development of energy cooperation between the Russian Federation and the KSA before the outbreak of the Ukrainian crisis. The authors note that the new format demonstrated stability within the first years of its existence and generated closer cooperation between the hydrocarbon exporting countries. The second section examines the development of OPEC+ in the face of increased geopolitical pressure from the United States and its allies. The authors conclude that the efforts of Washington and oil importing countries to undermine energy cooperation within the OPEC+ format have not succeeded, on the contrary the international stance of the group members has only strengthened. In conclusion, the authors emphasize that OPEC+ not only contributes to the stability of energy prices, but also brings tangible political benefits to its members. At the same time, according to the authors, the future of this format largely depends on the dynamics of international environment and, particularly, on the scale of the US-Russian confrontation.

Keywords: OPEC+, Organization of Petroleum Exporting Countries, OPEC, Russia, Saudi Arabia, USA, oil prices, energy policy, energy diplomacy, energy cooperation

About the authors: *Arsen Yu. Gasparyan* — Doctor of Sciences (Political Science), Lecturer at the American University of Armenia; Lecturer at the Lomonosov Moscow State University Branch in Yerevan; Head of the 'Ex Oriente' Union of Armenian Orientalists (e-mail: arsengasparyan66@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3337-9152); *Tatevik A. Melkonyan* — Lomonosov Moscow State University Master's Degree in International Relations, Member of the 'Ex Oriente' Union of Armenian Orientalists (e-mail: tatevik_melkonyan@list.ru; ORCID: 0000-0002-9126-5201).

For citation: Gasparyan A.Yu., Melkonyan T.A. 2024. International political aspects of OPEC+ activities in the context of energy diplomacy of Russia and Saudi Arabia before and after the start of the special military operation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 32–56. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-32-56. (In Russ.)

В 2014 г. не было никаких сомнений в том, что мировой нефтяной рынок в основном зависит от Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и добычи сланцевой нефти в Соединенных Штатах. Конкуренция между США и ОПЕК вывела нефтяной рынок из равновесия и спровоцировала обвал цен и спад в промышленности, начавшийся в 2014 г. В связи с этим члены ОПЕК стали проявлять повышенный интерес к выработке согласованных действий с Россией, чтобы создать условия для возобновления роста цен на углеводороды.

Вопрос о формах взаимодействия России и ОПЕК стал прорабатываться в МИД РФ еще в середине 1997 г. Формат сотрудничества предполагал развитие конструктивного диалога, обмен информацией и участие Москвы в проводимых организацией регулярных консультациях и мероприятиях в качестве наблюдателя. Такая линия, по мнению одного из ведущих российских экспертов по проблемам мировой энергетической политики С. Жизнина, позволяла влиять на рынок нефти в российских интересах и иметь дополнительные рычаги воздействия на ситуацию на Ближнем Востоке, поскольку основу ОПЕК составляют арабские страны [Жизнин, 2005: 168–169].

ОПЕК же исходила из того, что Россия и другие «неОПЕКовские» государства, такие как Казахстан, Мексика, Оман, Бахрейн и др., обладая значительными запасами нефти и газа, имеют возможность влиять на конъюнктуру мировых рынков. Дальнейшее взаимодействие в целях стабилизации цен на нефть создало предпосылки для образования в 2016 г. нефтяного суперальянса ОПЕК+.

Страны — участницы ОПЕК+ объединяют усилия для повышения среднемировых цен на нефть путем согласования уровня добычи. Стороны рационально реализуют принятые решения, которые направлены на достижение их главной цели — увеличение доходов от продажи нефти.

Однако имеет ли сделка ОПЕК+ помимо экономических еще и международно-политические аспекты? Для того чтобы ответить на этот вопрос, в первой части статьи авторы проанализировали динамику отношений и особенности энергетической дипломатии России и Саудовской Аравии, двух ведущих нефтедобывающих государств, в контексте деятельности ОПЕК+; во второй части рассмотрели функционирование объединения в условиях беспрецедентных санкций, введенных США и Евросоюзом против РФ и всех стран,

которые могли бы оказывать ей содействие, что стало настоящим стресс-тестом для членов расширенного формата.

Отметим, что отношения между Россией и ОПЕК в основном исследовались в контексте развития глобального нефтяного рынка. Так, Д. Ергин в предисловии к русскому изданию своей книги «The prize», комментируя цены на нефть, отметил: «...наверняка известно лишь одно: цена на нефть останется крайне неустойчивой, что, несомненно, скажется и на России, и на глобальной экономике» [Ергин, 2019: 6]. В свою очередь специалисты по энергетической политике М. Крутихин и И. Оверлэнд писали о том, что укрепление диалога между Россией и ОПЕК мало влияет на физическую добычу нефти, уровень взаимных обязательств остается низким, но стороны должны быть заинтересованы в сотрудничестве, дабы подтолкнуть цены на нефть вверх [Krutikhin, Overland, 2020: 248].

В то же время ряд исследователей рассматривали сотрудничество России и ОПЕК, акцентируя внимание и на политических его аспектах, включая вопросы энергетической дипломатии и военной безопасности, усиления роли РФ в регионе Ближнего Востока в целом. Среди таких экспертов можно выделить В.И. Аникина, Н.В. Бороха, А.Ю. Гаспаряна, Е.С. Епишину и О.А. Хлопова [Хлопов, 2012; Аникин, 2019; Аникин и др., 2014; Gasparyan, 2021]. В целом большинство исследователей сходятся во мнении, что в обозримом будущем выбор будет сделан в пользу сохранения сделки ОПЕК+. По мнению ряда экспертов, сотрудничество России и ОПЕК двигалось в конструктивном ключе, однако после образования неформального соглашения ОПЕК+ возникла необходимость более интенсивного развития двусторонних диалогов между ведущими странами — участниками альянса для дальнейшего сохранения и продвижения соглашения [Иванов, Матвеев, 2018; Яковлев, 2018; Фролова, Амирова, 2019; Немиш, 2020].

В частности, А. Стент, американский эксперт по американо-российским отношениям, считает, что ранее Москва предпочитала сохранять полный контроль над своими производственными решениями, а не обсуждать с группой стран, какой объем углеводородов ей можно добывать. Однако падение цен на нефть, растущие экономические проблемы, включая финансовые и другие санкции, введенные Западом после начала «украинского кризиса», заставили Россию пересмотреть свою позицию по работе с ОПЕК и начать

сотрудничать по вопросу ограничения нефтедобычи и решения проблемы глобального перенасыщения рынка нефти [Stent, 2019].

В данной статье предпринята попытка показать, что взаимодействие России и других стран ОПЕК+ на самом деле гораздо глубже, но выражается не столько в формальных договорах, сколько в практических шагах.

Энергетическая дипломатия России и Саудовской Аравии в формате ОПЕК+

Уже в период холодной войны интересы ОПЕК и Советского Союза в отношении цен на нефть нередко совпадали. После же распада СССР и возникновения новой геополитической ситуации страны ОПЕК столкнулись с новым вызовом — быстрым наращиванием «неОПЕКовской» составляющей мировой торговли нефтью и увеличением поставок газа на мировой рынок, что могло уменьшить спрос на нефть ОПЕК [Жизнин, 2017]. В то же время эта ситуация создавала предпосылки для углубления партнерства между Россией и ведущими членами ОПЕК. С 1998 г. российская делегация в качестве наблюдателя регулярно принимала участие в очередных и внеочередных сессиях ОПЕК¹. Особую роль в этом процессе играл диалог между РФ и Саудовской Аравией.

Интерес КСА к этому диалогу был обусловлен несколькими факторами. Будучи одним из основателей ОПЕК и страной с наибольшими объемами добычи нефти, Саудовская Аравия на протяжении десятилетий согласовывала свои действия с США, диктуя мировые цены, что позволило королевству стать своего рода «центральный банком» нефтяного мира. Однако в последние годы именно энергетическая политика Вашингтона трансформировалась в основной вызов для превосходства Эр-Рияда в нефтяной сфере. Этот вызов связан с усовершенствованием в 2009 г. американских технологий нефтедобычи², в результате которого США вошли в тройку крупнейших мировых производителей нефти вместе с Саудовской Аравией и Россией. При этом американские частные нефтедобывающие компании

¹ Сотрудничество с ОПЕК // Министерство энергетики РФ. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/activity/international-cooperation/cooperation/cooperation-with-opec> (дата обращения: 20.02.2024).

² United States produces more crude oil than any country, ever // U.S. Energy Information Administration. 11.03.2024. Available at: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61545> (accessed: 06.06.2024).

не подчиняются напрямую исполнительной власти и государство не может жестко контролировать их в вопросах регулирования уровня добычи.

В этих условиях Саудовская Аравия стала проявлять повышенный интерес к укреплению взаимодействия с другим крупнейшим нефтедобывающим государством — Россией. Начало сближению двух стран было положено еще в 2000-х годах. Этапным событием стал официальный визит наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы бен Абделя Азиза Аль Сауда в Москву 2 сентября 2003 г.³ Это был первый визит такого уровня с 1932 г. В последующие годы сотрудничество двух стран в области энергетики быстро развивалось, особенно после официального визита В.В. Путина в Эр-Рияд в феврале 2007 г. На качественно новый уровень процесс консолидации позиций ключевых стран — экспортеров нефти вывел первый государственный визит короля Саудовской Аравии Салмана бен Абделя Азиза Аль Сауда в Россию, проходивший с 5 по 8 октября 2017 г.⁴ Среди множества подписанных соглашений были договоренности о закупке Саудовской Аравией передовых российских военных технологий, а также об инвестициях КСА в российский энергетический сектор [Stent, 2019].

В целом только с 2015 по 2018 г. наследный принц КСА Мухаммед бен Салман Аль Сауд, ключевая фигура в принятии решений в Эр-Рияде, побывал в Москве пять раз: 18 июня и 11 октября 2015 г., 30 мая 2017 г., 14 июня 2018 г., 1 декабря 2018 г.⁵ В 2018 г. М. бен Салман призвал страны ОПЕК к заключению соглашения с Россией о регулировании добычи нефти со сроком действия от 10 до 20 лет⁶. В рамках переговоров была также достигнута договоренность

³ Состоялись переговоры Президента России с Наследным принцем Королевства Саудовская Аравия Абдаллой бен Абделем Азизом Аль Саудом // Президент России. 02.09.2003. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/29294> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ Начало российско-саудовских переговоров в расширенном составе // Президент России. 05.10.2017. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55777> (дата обращения: 18.02.2024).

⁵ По запросу «Саудовская Аравия» на официальном сайте Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/SA/events/page/2> (дата обращения: 20.02.2024).

⁶ Mably R., Bayoumy Y. Exclusive: OPEC, Russia consider 10-to-20-year oil alliance — Saudi crown prince // Reuters. 27.03.2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN1H31SK/> (accessed: 18.08.2024).

между компаниями «Газпромнефть» и «Saudi Aramco» о расширении двустороннего сотрудничества в нефтегазовой сфере⁷. В целом политический диалог между Москвой и Эр-Риядом в 2000–2010-е годы во многом отражал трансформацию, произошедшую за этот период как в региональной подсистеме международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке, так и в мировой экономике и мировой политике [Савичева, 2014]. Сближение РФ и КСА знаменовало большой успех Кремля в его стремлении стать новой влиятельной политической силой в регионе.

Это взаимодействие сыграло важнейшую роль в усилении координации деятельности России со странами ОПЕК в целом. В 2016 г. был создан расширенный альянс ОПЕК с 10 другими нефтедобывающими странами (Россия, Мексика, Бахрейн, Бруней, Оман, Малайзия, Судан, Южный Судан, Азербайджан и Казахстан), известный сегодня как ОПЕК+. Несмотря на первоначальные несовпадения позиций по уровню добычи, страны всё-таки смогли прийти к консенсусу и стабилизировать цены на нефть (рис. 1). Ключевую роль в этом сыграл именно диалог по линии Россия — Саудовская Аравия.

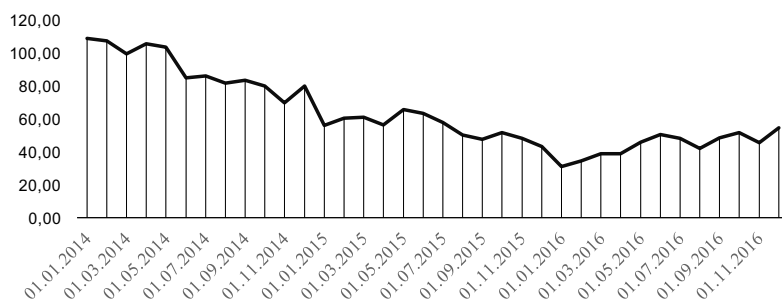

Рис. 1. Динамика изменения цен на нефть марки Brent, долл. США (с 01.01.2014 г. по 01.12.2016 г.)

Источник: Oil price charts // Oilprice.com. Available at: <http://oilprice.com/oil-price-charts/> (accessed: 25.03.2024).

⁷ «Газпромнефть» и саудовская компания Saudi Aramco подписали меморандум о сотрудничестве // Первый канал. 05.10.2017. Доступ: https://www.1tv.ru/news/2017-10-05/333919-gazprom_neft_i_saudovskaya_kompaniya_saudi_aramco_podpisali_memorandum_o_sotrudnichestve (дата обращения: 18.02.2024).

На протяжении 2017–2019 гг. соглашение неоднократно продлевалось с незначительными изменениями. В мае 2018 г. общее сокращение добычи составило 2,7 млн баррелей в сутки, что подтолкнуло страны-участницы в конце июня совместно нарастить ее на 1 млн баррелей в сутки. В январе 2019 г. страны ОПЕК+ утвердили новое сокращение — на 1,2 млн баррелей в сутки. С июля 2019 г. до конца марта 2020 г. участники ОПЕК+ усилили общее сокращение — на 1,7 млн баррелей в сутки⁸. Всё это говорит о том, что взаимодействие государств в рамках ОПЕК+, основанное на консенсусе о необходимости поддержания стабильности цен на энергоресурсы в контексте меняющейся глобальной конъюнктуры, доказало свою эффективность.

Однако в 2020 г. страны ОПЕК+ в целом и российско-саудовское энергетическое сотрудничество в частности столкнулись с новым вызовом, связанным с пандемией COVID-19. Нефтедобывающие государства продолжали добычу в тех же объемах, как и раньше, но в условиях резкого падения спроса, вызванного карантинными ограничениями, на рынке наблюдался переизбыток углеводородов. В начале марта, в канун очередных переговоров ОПЕК+, цены на нефть опустились ниже 50 долл. за баррель [Юшков, Дроздова, 2020] (рис. 2).

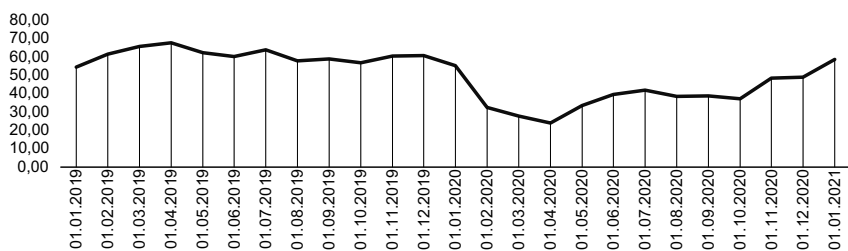

Рис. 2. Динамика изменения цен на нефть марки Brent, долл. США (с 01.01.2019 г. по 01.01.2021 г.)

Источник: Oil price charts // Oilprice.com Available at: <http://oilprice.com/oil-price-charts/> (accessed: 25.03.2024).

⁸ История нефтяного пакета ОПЕК+ // Финанс. 03.04.2021. Доступ: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/istoriya-neftyanogo-pakta-opekplus-20210403-14000/> (дата обращения: 21.02.2024).

5 марта 2020 г. в Вене начались переговоры участников ОПЕК+. Позиции сторон разнились, причем на первый план вышли противоречия именно между Россией и КСА. Саудовская Аравия как лидер ОПЕК настаивала на сокращении уровня добычи еще на 1,5 млн баррелей в сутки от объема первого квартала⁹, однако данное решение противоречило интересам РФ, которая была готова сохранить квоты на прежнем уровне и продолжить наблюдать за развитием ситуации, пока Китай не справится с COVID-19, что привело бы к падению цен на нефть.

Позиция Эр-Рияда была довольно ясной, ему были необходимы более высокие цены на углеводороды, поскольку уровень государственных расходов требовал соответствующих доходов: бюджет королевства становится профицитным при условии, что цены на нефть превышают 80 долл. за баррель¹⁰, а российская казна была сформирована из расчета среднегодовой цены на нефть сорта Urals 42,4 долл. за баррель, т.е. в два раза ниже. В 2019 г. Саудовская Аравия также провела IPO своей компании «Saudi Aramco» и в этих условиях Эр-Рияду было не выгодно, чтобы ее акции стоили ниже, чем в момент размещения¹¹.

В итоге стороны не пришли к компромиссу: формально сделка ОПЕК+ продолжала действовать, но новых сокращений принято не было, а значит, по факту каждый мог добывать столько, сколько захочет. Как следствие, на рынке появилась «лишняя» нефть, объем которой в апреле оценивался в 15–25 млн баррелей в сутки [Юшков, Дроздова, 2020], а 9 марта 2020 г. стоимость нефти Brent снизилась на 23,4% и установилась на уровне 34,66 долл. за баррель.

Отсутствие консенсуса в рамках ОПЕК+ спровоцировало обострение борьбы между производителями нефти. Цены ниже 30 долл. за баррель делали практически все проекты по добыче нерентабель-

⁹ OPEC 178th (extraordinary) meeting of the conference concludes // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 05.03.2020. Available at: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/5865.htm (accessed: 22.02.2024).

¹⁰ Paraskova T. IMF: Saudi Arabia needs \$80-85 oil price to balance 2019 budget // Oilprice.com. 12.02.2019. Available at: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/IMF-Saudi-Arabia-Needs-80-85-Oil-Price-To-Balance-2019-Budget.html> (accessed: 24.02.2024).

¹¹ Дебелов А. Обманчивый успех самого дорогого IPO: что скрывается за фасадом Saudi Aramco // Forbes. 25.12.2019. Available at: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/389741-obmanchivyy-uspeh-samogo-dorogo-ipo-chto-skrivaetsya-za-fasadom-saudi> (accessed: 24.02.2024).

ными, включая американскую сланцевую нефть, особенностью которой был процесс постоянного бурения. В результате этого в США возрос риск безработицы, в том числе в потенциально важных для ноябрьских выборов 2020 г. штатах. С. Шеффилд, генеральный директор нефтяной компании «Pioneer Natural Resources», заявил, что многие производители углеводородов продают свою нефть по цене вдвое меньше, чем на фьючерсном рынке, а резервуары для хранения в ключевом центре Кушинга, штат Оклахома, и вдоль побережья Мексиканского залива будут заполнены через месяц¹². Расходы на хранение поднялись до такой степени, что цены на нефть стали отрицательными. В этой ситуации президент США Д. Трамп начал вести активные телефонные переговоры с В.В. Путиным и наследным принцем М. бен Салманом для возвращения их за стол переговоров в формате ОПЕК+ [Юшков, Дроздова, 2020].

Однако и помимо этих усилий со стороны США объективная необходимость требовала возобновления координации между нефтедобывающими странами. Нужна была новая сделка, с иной рабочей схемой, которая предусматривала бы поэтапное сокращение добычи для удержания стремительного падения цен. Отсутствие договоренностей угрожало крайне негативными последствиями для энергетической отрасли многих государств.

В итоге 12 апреля 2020 г. страны ОПЕК+ смогли заключить новую сделку по сокращению добычи. Суммарно они должны были снизить объем производства в мае–июне 2020 г. до уровня 9,7 млн баррелей в сутки, далее до конца года — до 7,7 млн, а с января по май 2021 г. — до 5,7 млн баррелей в сутки. Сокращения России составили 2,5 млн баррелей в сутки от уровня первого квартала 2020 г. Ссылаясь на некоторое восстановление спроса на рынке, страны договорились о постепенном ослаблении сокращений (в мае 2020 г. — на 350 тыс. баррелей в сутки, в июне — на 350 тыс., в июле — на 441 тыс. баррелей в сутки) до общего уровня 5,76 млн баррелей в сутки¹³.

Таким образом, формат ОПЕК+ достаточно успешно прошел первую серьезную проверку на прочность. Страны-участницы теоретически могли пойти по пути политики ресурсного национализма, стремясь в одностороннем порядке защищать свои интере-

¹² Colman Z. Trump's crude problem: OPEC diplomacy can't save America's oil jobs // Politico. 13.04.2020. Available at: <https://www.politico.com/news/2020/04/13/trump-crude-problem-america-oil-jobs-184374> (accessed: 25.02.2024).

¹³ История нефтяного пакета ОПЕК+...

сы и отказываясь от уступок, однако, как показала практика, они осознали, что в долгосрочной перспективе это привело бы только к потерям. В данном контексте российские и саудовские власти отдали предпочтение сотрудничеству, которое заключалось в согласованных действиях стран [Федорченко, 2022]. Это позволило им в итоге получить более высокие цены на нефть с последующей максимизацией прибыли.

Еще одним важным результатом переговоров 2020 г., ярко раскрывшим уже чисто политическое значение ОПЕК+, стало то, что этот процесс ускорил урегулирование отношений между, казалось бы, непримиримыми региональными соперниками. Так, во многом опираясь на конструктивный опыт взаимодействия в рамках ОПЕК+ и при посредничестве Пекина, Эр-Рияд и Тегеран восстановили в 2023 г. дипломатические отношения, выразив «готовность приложить все усилия для укрепления регионального и международного мира и безопасности»¹⁴. Обе стороны заинтересованы в деэскалации как в двусторонних отношениях, так и в регионе: Иран стремится подрвать усилия США по своей изоляции, а Саудовская Аравия пытается сосредоточиться на экономическом развитии, для чего в свою очередь нуждается в региональной стабильности. Устранение разногласий в отношениях между Тегераном и Эр-Риядом открывает возможности для расширения сотрудничества стран Персидского залива в целом¹⁵, а также для дальнейшего укрепления ОПЕК+.

Для России все эти процессы, разворачивающиеся в регионе Персидского залива, приобрели особое значение в условиях беспрецедентного санкционного давления, с которым она столкнулась после начала специальной военной операции (СВО) на Украине.

¹⁴ Hafezi P., Abdallah N., Yaakoubi A.E. Iran and Saudi Arabia agree to resume ties in talks brokered by China // Reuters. 11.03.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-saudi-arabia-agree-resume-ties-re-open-embassies-iranian-state-media-2023-03-10/> (accessed: 26.02.2024).

¹⁵ Iran and Saudi Arabia agree to restore relations // Aljazeera. 10.03.2023. Available at: https://www.aljazeera.com/news/2023/3/10/iran-and-saudi-agree-to-restore-relations?fbclid=IwAR2yiVVB9YNlgih4KE1JQLjGgbxSCiG47WQAn_vitp4dcOch_JZ83J6H0YA (accessed: 26.03.2024); Fantappie M., Nasr V. A new order in the Middle East? Iran and Saudi Arabia's rapprochement could transform the region // Foreign Affairs. 22.03.2023. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/china/iran-saudi-arabia-middle-east-relations> (accessed: 26.03.2024).

Формат ОПЕК+ после начала СВО: вызовы и возможности

В результате обострения «украинского кризиса» и начала СВО России на Украине возросли риски, угрожающие мировой экономике и восстановлению энергетических рынков после пандемии COVID-19. Эти события вызвали нарушения в глобальных цепочках поставок нефти, сбои в функционировании мировой торговли и заметный рост инфляции во всём мире. К тому же практически сразу после начала СВО Вашингтон ввел запрет на импорт российской нефти, ряда нефтепродуктов, сжиженного природного газа и угля.

Эмбарго на российскую нефть, принятое и вступившее в силу в США с 8 марта 2022 г. и утвержденное ЕС в сокращенном и отложенном виде, привело к резкому росту цен на энергоносители (рис. 3) и значительной волатильности на энергетических рынках. Вынужденный отказ от российских энергоресурсов вынудил страны ЕС активизировать поиски альтернативных источников поставок, что естественным образом усилило роль ближневосточных экспортеров. Западные страны во главе с США начали активно вести переговоры с Эр-Риядом и Абу-Даби, призывая их нарастить уровень добычи¹⁶. Стоит отметить, что США искали возможности для замены российских газа и нефти в Европе еще до начала СВО. Например, 22 февраля 2022 г. в ответ на просьбы Вашингтона перенаправить природный газ в Европу в случае эскалации ситуации на Украине министр энергетики Катара Саад аль-Кааби заявил, что ни его страна, ни какая-либо другая не имеет возможности заменить российский газ¹⁷, поскольку большая часть катарских объемов поставок приходится на долгосрочные контракты в основном с азиатскими импортерами. В итоге усилия США по поиску дополнительных источников поставок природного газа в Европу и сдерживанию роста цен на нефть закончились безрезультатно.

¹⁶ Алифирова Е. Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. 6-й пакет антироссийских санкций вступил в силу. С частичным нефтяным эмбарго и запретом на страхование танкеров // Neftegaz.ru. 04.06.2022. Доступ: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/739679-6-y-paket-antirossiyskikh-sanktsiy-es-vstupil-v-silu-s-chastichnym-neftyany-m-embargo-i-zapretom-na-s/> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁷ Dahan M.E., Mills A., Rashad M. Qatar says 'almost impossible' to quickly replace Russian supplies to Europe // Reuters. 22.02.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/qatar-can-divert-up-15-its-gas-exports-2022-02-22/> (accessed: 01.03.2024).

Рис. 3. Динамика изменения цен на нефть марки Brent в 2022 г., долл. США

Источники: Crude oil & natural gas // Bloomberg. Available at: <https://www.bloomberg.com/energy> (accessed: 05.03.2024); Energy & financial markets: What drives crude oil prices? // U.S. Energy Information Association. Available at: https://www.eia.gov/finance/markets/crudeoil/spot_prices.php (accessed: 05.03.2024).

Попытки развалить сделку ОПЕК+ были предприняты не только США, но и Великобританией. 16 марта 2022 г. британский премьер-министр Борис Джонсон посетил Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты, чтобы подтолкнуть их к увеличению добычи и добиться снижения цен на нефть, однако его усилия также не увенчались успехом¹⁸. Действия Вашингтона и Лондона с целью затруднить работу ОПЕК+ свидетельствуют о том, что руководство этих стран рассматривает данную организацию не только и не столько как сугубо экономическое объединение, но как политическую силу.

Между тем сотрудничество ОПЕК и России активно развивалось. Арабские члены организации не прислушались к требованиям Вашингтона нарастить добычу нефти. По сообщениям «The Wall Street Journal», Эр-Рияд и Абу-Даби отказались от телефонных пере-

¹⁸ Colchester M., Said S., Kalin S. Boris Johnson visits U.A.E., Saudi Arabia, seeking more oil // The Wall Street Journal. 16.03.2022. Available at: <https://www.wsj.com/articles/boris-johnson-visits-u-a-e-saudi-arabia-seeking-more-oil-11647425339> (accessed: 01.03.2024).

говоров с администрацией США¹⁹. При этом если звонки Дж. Байдена были отклонены, то с президентом России были проведены не только телефонные переговоры, но также личные встречи. Уже через четыре дня после начала СВО состоялся телефонный разговор между В.В. Путиным и наследным принцем Абу-Даби Мухаммедом бен Заидом Аль Нахайяном, выразившим понимание обеспокоенности России вопросами безопасности²⁰. Затем последовали визит министра иностранных дел ОАЭ Абдаллы бен Заида Аль Нахайяна в Москву и его встреча с министром иностранных дел С. Лавровым. В этих шагах и жестах можно усмотреть недовольство арабских стран гегемонистской политикой Соединенных Штатов.

В то время как правительства западных государств вводят жесткие санкции в отношении России и разрывают экономические связи, страны — участницы ОПЕК+ смотрят на данную ситуацию с другой позиции. Члены нефтяного соглашения привыкли к конфликтам и не видят причин не вести переговоры с партнерами во время боевых действий, особенно учитывая тот факт, что Россия является одним из ключевых участников соглашения. На встрече министров ОПЕК+ 29 марта 2022 г. политику «оставили за дверью», как заявил министр энергетики Саудовской Аравии принц Абдель Азиз бен Салман Аль Сауд. Несмотря на жесткие антироссийские санкции по всему миру, стороны сделки ОПЕК+ не планируют принимать какие-либо меры, ущемляющие интересы России. Как заявил саудовский министр, само существование ОПЕК+ зависит от приверженности ее членов главной миссии объединения — поддержанию стабильности цен на нефть независимо от геополитических факторов²¹.

В итоге, несмотря на давление со стороны основных стран-потребителей, решением ОПЕК+ от 31 марта 2022 г. было одобрено

¹⁹ Nissenbaum D., Kalin S. Saudi, Emirati leaders decline calls with Biden during Ukraine crisis // The Wall Street Journal. 08.03.2022. Available at: <https://www.wsj.com/articles/saudi-emirati-leaders-decline-calls-with-biden-during-ukraine-crisis-11646779430> (accessed: 01.03.2024).

²⁰ Телефонный разговор с Наследным принцем Абу-Даби Мухаммедом бен Заидом Аль Нахайяном // Президент России. 01.03.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67883> (дата обращения: 01.03.2024).

²¹ Министры энергетики Саудовской Аравии и ОАЭ не намерены вмешивать политику в решения ОПЕК+ // Национальная ассоциация нефтегазового сектора. 29.03.2022. Доступ: <https://nangs.org/news/upstream/ministry-energetiki-saudovskoj-aravii-i-oae-ne-namereny-vmeshivat-politiku-v-resheniya-opek> (дата обращения: 02.03.2024).

скромное увеличение добычи на 432 тыс. баррелей в сутки. В ходе переговоров было подчеркнуто сохранение фундаментальных тенденций развития рынка нефти, демонстрирующих его общую стабильность, на которую не повлияла СВО России на Украине²². Последовавшая затем министерская встреча ОПЕК+ состоялась 5 мая 2022 г. Страны договорились увеличить общий уровень добычи до 42,558 млн баррелей в сутки²³.

Ввиду сохранявшейся неопределенности на международной арене новая встреча ОПЕК+ состоялась 30 июня 2022 г. Страны — производители нефти пришли к единогласному решению оставить в силе ранее принятые договоренности увеличить суточную добычу нефти в августе 2022 г. на 648 тыс. баррелей. Вице-премьер России А. Новак отметил, что дополнительное предложение на рынке было обеспечено для удовлетворения растущего спроса в летний сезон и балансировки рынка, где сохранялась неопределенность, связанная с политикой США и ЕС²⁴.

Глубокие разногласия между Вашингтоном, Брюсселем и Москвой из-за ситуации вокруг Украины не только привели к разрыву институциональных и правовых связей в сфере энергетики, но и максимально ярко высветили политическую подоплеку последних. Так, указанные события лишний раз показали, что США рассматривают поддерживаемые ими энергетические институты и правовые режимы в качестве инструментов, призванных обеспечить в первую очередь их энергетическую безопасность и продвигать ту модель международного взаимодействия в энергетической сфере, которая главным образом отвечает их экономическим и политическим интересам.

Западные государства, в большинстве своем испытывающие критическую зависимость от импорта углеводородного топлива, стремятся выстроить такую систему энергоснабжения, которая не

²² Александр Новак провел 27-ю министерскую встречу стран ОПЕК и не-ОПЕК // Правительство России. 31.03.2022. Доступ: <http://government.ru/news/45008/> (дата обращения: 02.03.2024).

²³ Production table — 28th ONOMM // Organization of Petroleum Exporting Countries. Available at: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/press_room/Production%20table%20-%2028th%20ONOMM.pdf (accessed: 03.03.2024).

²⁴ Александр Новак провел 30-ю министерскую встречу стран ОПЕК и не-ОПЕК // Правительство России. 30.06.2022. Доступ: <http://government.ru/news/45877/> (дата обращения: 03.03.2024).

только отвечала бы их экономическим интересам, но и смягчала бы политические риски. В этой обстановке турне президента Дж. Байдена по странам Ближнего Востока, проходившее с 13 по 16 июля 2022 г., было воспринято последними с большим скептицизмом. В общем виде цель визита состояла в том, чтобы заручиться поддержкой ближневосточных экспортеров нефти для стабилизации мировых рынков ввиду рекордных показателей инфляции в США за последние 40 лет²⁵. Однако результаты этого турне были довольно скромными. Саудовская Аравия объявила о намерении продолжить консультации как с ОПЕК, так и с Россией и ОПЕК+, выступая против политизации мировой финансово-энергетической системы. Правда, группа нефтедобывающих стран, в том числе и КСА, всё же объявила о незначительном увеличении добычи в июле и августе 2022 г. Это не могло оказать существенное влияние на цены на нефть, однако администрация Дж. Байдена рассматривала это решение как довольно оптимистичное для США²⁶. В конечном счете на 31-й министерской встрече ОПЕК и стран, не входящих в организацию, состоявшейся 3 августа 2022 г., государства — поставщики энергоресурсов договорились увеличить добычу нефти на 100 тыс. баррелей в сутки, что эквивалентно 0,1% мирового спроса²⁷. Данное увеличение настолько мало, что его можно рассматривать разве только как «протокольный» жест для администрации США. Очевидно, что политические решения принимаются в соответствии с рыночной логикой и в рамках коалиции ОПЕК+.

Более того, 5 октября 2022 г. ОПЕК+ приняла решение о дальнейшем сокращении добычи на 2 млн баррелей в сутки. Хотя это решение, как всегда, носило коллективный характер, именно Саудовская Аравия оказалась в центре внимания. Данная мера вызвала крайне негативную реакцию в политических кругах Вашингтона, поскольку предполагала самое большое сокращение добычи нефти

²⁵ Экономисты ООН: инфляция в США достигла самого высокого уровня за 40 лет // Организация Объединенных Наций. 30.05.2022. Доступ: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1424792> (дата обращения: 07.03.2024).

²⁶ Baker P., Hubbard B. Biden to travel to Saudi Arabia, ending its 'pariah status' // The New York Times. 02.06.2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/06/02/us/politics/biden-saudi-arabia.html> (дата обращения 07.03.2024).

²⁷ Dahan M.E., Ghaddar A. OPEC+ agrees tiny output rise in setback for Biden // Reuters. 03.08.2022. Available at: <https://www.reuters.com/business/energy/opec-meets-amid-output-struggles-us-pressure-more-oil-2022-08-03/> (accessed: 07.03.2024).

с начала пандемии COVID-19. Белый дом выступил с осуждением «недальновидного решения» в свете украинских событий и пообещал предпринять ответные шаги для последующего ослабления контроля ОПЕК+ над ценами на энергоносители²⁸. Саудовская Аравия в свою очередь заявила, что эти действия были продиктованы исключительно экономическими соображениями, а нефть в данном случае выступает в качестве не оружия, а товара.

Если бы западные страны во главе с США ориентировались в большей степени на экономическую выгоду, то пространства для компромисса, в том числе в вопросах регулирования цен на нефть, было бы больше. Однако в условиях крайней политизации этой сферы западными государствами Россия и другие ведущие участники ОПЕК+ не были готовы к односторонним уступкам, ведущим к их экономическому и политическому ослаблению при параллельном усилении США и ЕС [Боровский, 2022].

Наоборот, растущее внешнее давление, с которым столкнулись страны ОПЕК+ в условиях «украинского кризиса», стимулировало дальнейшее сближение их позиций. Показательным примером может служить динамика взаимоотношений России, Саудовской Аравии и государств Персидского залива в целом. Если раньше российско-иранские отношения воспринимались монархиями с критикой и подозрением, то сейчас растет осознание важности данного диалога. Однако это не значит, что арабские страны готовы вступить в прямое противостояние с США. Лидеры государств Персидского залива проводят довольно сдержанную политику, выстраивая свой курс без провоцирования лишних конфликтов и отдавая предпочтение внешнеполитическому балансу.

Несмотря на сильное давление Запада, Эр-Рияд и Абу-Даби только активизировали работу в рамках ОПЕК+. 11 октября 2022 г. президент ОАЭ М. бен Заид Аль Нахайян прибыл в Санкт-Петербург, где встретился с В. Путиным и подтвердил желание продолжать диалог с Россией по ряду вопросов, включая кризис на Украине²⁹.

²⁸ Statement from national security advisor Jake Sullivan and NEC director Brian Deese // The White House. 05.10.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/05/statement-from-national-security-advisor-jake-sullivan-and-nec-director-brian-deese/> (accessed: 07.03.2024).

²⁹ Встреча с Президентом ОАЭ Мухаммедом Аль Нахайяном // Президент России. 11.10.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69574> (дата обращения: 09.03.2024).

В этом контексте следует отдельно подчеркнуть, что по результатам второго квартала 2022 г. государственная нефтяная компания КСА «Saudi Aramco» объявила о самой большой квартальной прибыли среди всех публичных компаний в истории. Контролируемая государством компания до конца июня получила прибыль в размере 48,4 млрд долл. Ее выручка почти сравнялась с совокупной прибылью пяти крупнейших западных нефтяных компаний за тот же период. «BP», «Shell», «ExxonMobil», «Chevron» и «TotalEnergies» заработали во втором квартале в совокупности 51 млрд долл., побив при этом собственные рекорды прибыли³⁰.

Позитивная динамика в отношениях России со странами Персидского залива сохраняется и в настоящее время, поскольку многие участники альянса ОПЕК+ больше не видят себя в роли второстепенных игроков в системе международных отношений, как это было во время холодной войны.

Оценивая российско-саудовское взаимодействие в рамках ОПЕК+ в условиях начала СВО, можно заключить, что оно формально ограничивалось решением экономических задач, предполагавших удержание цен на нефть на новом максимуме выше 80 долл. за баррель, несмотря на различные меры давления, предпринимавшиеся США и их союзниками³¹. Например, инициативы Вашингтона и Брюсселя в ноябре 2022 г. по введению потолка цен на российскую нефть были чреваты огромными рисками для нефтяного сектора и мировой экономики в целом³². Решение сократить добычу на 2 млн баррелей в сутки, принятое в октябре 2022 г., продемонстрировало стремление ОПЕК+ сохранить сделку и противостоять ответным мерам и давлению США.

Вместе с тем следует понимать, что результатом реализации договоренностей ОПЕК+ было не только повышение нефтяных котировок. Начало СВО стало настоящим испытанием на прочность для

³⁰ Onita L. Saudi Aramco rakes in record £40bn profit // The Telegraph. 14.08.2022. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/business/2022/08/14/saudi-aramco-profits-surge-90pc-predicts-decade-growth-oil-market/> (accessed: 08.03.2024).

³¹ Ottaway D. Do politics or economics dictate Saudi oil policy? // Wilson Center. 18.10.2022. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/article/do-politics-or-economics-dictate-saudi-oil-policy> (accessed: 10.03.2024).

³² Новак считает установление потолка цен на нефть неприемлемым вне зависимости от уровня // ТАСС. 29.11.2022. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/16449353> (дата обращения: 11.03.2024).

данной организации, за которым начинают проглядывать контуры нового энергетического порядка. Американская политика санкций не принесла желаемых политических дивидендов ее инициаторам, поскольку она пользуется небольшой поддержкой за пределами Соединенных Штатов и Европы. Одним из примеров, подтверждающих это, являются результаты голосования по исключению Российской Федерации из Совета ООН по правам человека, инициированного Вашингтоном и другими западными странами. 93 государства поддержали это решение, но 100 других этого не сделали (24 выступили против, 58 воздержались и 18 не голосовали, в том числе страны ОПЕК+)³³. Причем в этих 100 государствах проживает 76% населения мира. Всё это свидетельствует о том, что Белый дом не смог заручиться необходимой поддержкой региональных держав, которые ранее следовали за Соединенными Штатами и в значительной степени способствовали их глобальному доминированию.

Впрочем, страны ОПЕК+ не стремятся к эскалации конфликта с США и ЕС. Как подчеркивал генеральный секретарь ОПЕК Х. аль-Гайс по итогам октябрьского заседания в Вене, «всё в этом мире имеет цену», в том числе и энергетическая безопасность, а деятельность ОПЕК+ направлена прежде всего на обеспечение стабильности и безопасности³⁴.

В итоге можно заключить, что в политическом плане усилия по созданию и поддержанию конструктивной многосторонней дипломатии ОПЕК+ способствовали повышению международного веса участников объединения, а достигнутые договоренности не только благотворно повлияли на ситуацию вокруг цен на нефть, но и стали стимулом к укреплению отношений между странами-производителями, содействуя преодолению даже застарелых противоречий.

* * *

Для стран ОПЕК и ОПЕК+ нефть — это основа экономики. В этой связи неудивительно, что возможность влияния на нефтяные коти-

³³ UN General Assembly votes to suspend Russia from the Human Rights Council // United Nations. 07.04.2022. Available at: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (accessed: 09.03.2024).

³⁴ Meredith S. OPEC+ to cut oil production by 2 million barrels per day to shore up prices, defying U.S. pressure // CNBC. 06.10.2022. Available at: <https://www.cnbc.com/2022/10/05/oil-opec-imposes-deep-production-cuts-in-a-bid-to-shore-up-prices.html> (accessed 18.08.2024).

ровки жизненно важна для нефтедобывающих государств. Именно для решения этих задач в условиях постбиполярного мира был создан формат ОПЕК+. Однако практически сразу стало понятно, что роль этой организации не ограничивается сугубо экономической сферой. Прежде всего, ОПЕК+ стала уникальной площадкой для укрепления диалога между входящими в нее странами по широкому кругу экономических, а потом и политических вопросов. Отличительной особенностью взаимодействия в рамках ОПЕК+ (12 членов ОПЕК и 10 «неОПЕКовских» государств), придающей ей особенную синергию, является ориентация на достижение долгосрочных экономических и политических целей, открывающая больше возможностей для компромиссов и взаимных уступок. Тем самым обеспечивается мультипликационный эффект, благодаря которому совместные шаги участников соглашения взаимно усиливаются и существенно превосходят по эффективности их действия по отдельности. Это тем более важно, что проблемы и дилеммы развития энергетического рынка и международно-политической системы в целом неразрывно связаны.

Данное обстоятельство особенно ярко проявилось во взаимодействии двух ключевых участников ОПЕК+ — Российской Федерации и Саудовской Аравии. Москва в последние несколько лет сталкивается с целым комплексом новых вызовов, обусловленных общим обострением геополитического соперничества. В этом контексте для нее резко возросло значение коалиций и партнерств с арабскими странами Персидского залива и Ираном. К настоящему моменту Россия, в том числе опираясь на возможности, открываемые ОПЕК+, смогла наладить эффективное сотрудничество со всеми главными действующими игроками на Ближнем и Среднем Востоке. Саудовской Аравии взаимодействие с РФ в формате ОПЕК+ позволяет не только поддерживать цены на нефть на выгодном для себя уровне, но и решать широкий спектр задач, связанных с международно-политическими аспектами энергетического сотрудничества.

Серьезной проверкой на прочность для ОПЕК+ стало начало СВО России на Украине. Действия Запада в отношении российского импорта энергоносителей, включая ограничение цен на российскую нефть, были расценены нефтедобывающими странами как попытка формирования «картеля покупателей». Именно поэтому Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран и другие участники ОПЕК+ не поддержали попытки Запада добиться экономической и политической

изоляции России. Более того, ведущие члены ОПЕК — КСА, Иран и ОАЭ — изъявили желание присоединиться к БРИКС в качестве новых полноправных членов именно в год председательства РФ в этом объединении³⁵.

Можно заключить, что с политической точки зрения создание и поступательное развитие формата ОПЕК+ способствовали укреплению международных позиций его участников, повышению их статуса и способности проводить независимый внешнеполитический курс. Однако необходимо в то же время учитывать, что перспективы этого объединения, в значительной мере завязанного на динамике взаимоотношений стран — производителей углеводородов с Россией, остаются очень зависимыми не только в экономическом, но и в политическом плане от общих условий международной среды, прежде всего масштабов российско-американского противостояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В.И. Россия в формате «ОПЕК+»: перспективы, оценки, возможности // Инновации и инвестиции. 2019. № 5. С. 24–31.
2. Аникин В.И., Борох Н.В., Епишина Е.С., Сурма И.В. Энергетическая политика и вопросы экономической дипломатии России как приоритет мирового развития. М.: Восток-Запад, 2014.
3. Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал роялистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39.
4. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2019.
5. Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии: Учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2017.
6. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: Ист Брук, 2005.
7. Иванов А.С., Матвеев И.Е. Современная мировая энергетика и ее балансировка ведущими экспортерами // Бурение и нефть. 2018. № 10. С. 4–12.
8. Немиш М.Д. Взаимодействие России и ОПЕК // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 4 (43). С. 55–60.

³⁵ Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина в связи с началом председательства России в БРИКС // BRICS Russia 2024. Доступ: <https://brics-russia2024.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

9. Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14–21.

10. Федорченко А.В. Россия — Саудовская Аравия: состояние и перспективы сотрудничества // Международная торговля и торговая политика. 2022. Т. 8. № 4 (32). С. 23–34. DOI: 10.21686/2410-7395-2022-3-23-34.

11. Фролова А.С., Амирова Н.Р. Проблемы и перспективы сотрудничества России и ОПЕК // Экономическое развитие в XXI веке: тенденции, вызовы, перспективы: Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. Е.В. Бурденко, О.В. Газизовой, А.В. Кузнецова. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2019. С. 306–309.

12. Хлопов О.А. Политика ОПЕК и интересы России // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 3. С. 32–38.

13. Юшков И.В., Дроздова Ю.Д. Сделка ОПЕК+ 2020 года: предпосылки и интересы участников // Геоэкономика энергетики. 2020. Т. 9. № 1. С. 6–20.

14. Яковлев П.П. Нефть в глобальной экономике и мировой торговле // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 3 (15). С. 100–114. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-3-100-114.

15. Gasparyan A. The role of energy in Russian foreign policy // Russia and the world in the Putin era: From theory to reality in Russian global strategy / Ed. by R.E. Kanet, D. Moulioukova. London; New York: Routledge, 2021. P. 140–175.

16. Krutikhin M., Overland O. OPEC and Russia: A happy pro forma marriage // Handbook of OPEC and global energy order: Past, present and future challenges / Ed. by D.H. Claes, G. Garavini. London; New York: Routledge, 2020. P. 248–256.

17. Stent A.E. Putin's world: Russia against the West and with the rest. New York; Boston: Twelve, 2019.

REFERENCES

1. Anikin V.I. 2019. Rossiya v formate 'OPEK+': perspektivy, otsenki, vozmozhnosti [Russia in the OPEC+ format: Prospects, assessments, opportunities]. *Innovatsii i investitsii*, no. 5, pp. 24–31. (In Russ.)

2. Anikin V.I., Borokh N.V., Epishina E.S., Surma I.V. 2014. *Energeticheskaya politika i voprosy ekonomicheskoi diplomatii Rossii kak prioritet mirovogo razvitiya* [Energy policy and issues of economic diplomacy of Russia as a priority of global development]. Moscow, Vostok-Zapad Publ. (In Russ.)

3. Borovskii Yu.V. 2022. Stolknovenie energeticheskikh interesov Rossii i Zapada: ob'yasnitel'nyi potentsial royalistskogo i liberal'nogo teoreticheskikh

podkhodov [Russia and the West: Clash of energy interests through the lens of realist and liberal approaches]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 2, pp. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39. (In Russ.)

4. Yergin D. 1991. *The prize: The epic quest for oil, money, and power*. New York, Simon & Schuster [Russ. ed.: Ergin D. 2019. *Dobycha. Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'*. Moscow, Al'pina Publisher].

5. Zhiznin S.Z. 2017. *Osnovy energeticheskoi diplomatii: Ucheb. posobie* [Fundamentals of energy diplomacy: Handbook]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

6. Zhiznin S.Z. 2005. *Energeticheskaya diplomatiya Rossii: ekonomika, politika, praktika* [Energy diplomacy of Russia: Economics, politics, practice]. Moscow, Ist Bruk Publ. (In Russ.)

7. Ivanov A.S., Matveev I.E. 2018. Sovremennaya mirovaya energetika i ee balansirovka vedushchimi eksporterami [The world energy market of today having been balanced by the leading exporters]. *Burenie i neft'*, no. 10, pp. 4–12. (In Russ.)

8. Nemish M.D. 2020. Vzaimodeistvie Rossii i OPEK [The interaction of Russia and OPEC]. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, no. 4 (43), pp. 55–60. (In Russ.)

9. Savicheva E.M. 2014. K voprosu o geopoliticheskoi situatsii na Blizhnem Vostoke: vzaimodeistvie regional'nykh i global'nykh tendentsii [On geopolitical situation in the Middle East: Interaction between regional and global trends]. *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 3, pp. 14–21. (In Russ.)

10. Fedorchenko A.V. 2022. Rossiya — Saudovskaya Araviya: sostoyanie i perspektivy sotrudnichestva [Russia — Saudi Arabia: Plight and prospects of cooperation.]. *International Trade and Trade Policy*, vol. 8, no. 4 (32), pp. 23–34. DOI: 10.21686/2410-7395-2022-3-23-34. (In Russ.)

11. Frolova A.S., Amirova N.R. 2019. Problemy i perspektivy sotrudnichestva Rossii i OPEK [Problems and prospects of cooperation between Russia and OPEC]. In: Burdenko E.V., Gazizova O.V., Kuznetsov A.V. (eds.). *Ekonomicheskoe razvitie v XXI veke: tendentsii, vyzovy, perspektivy: Sbornik nauchnykh trudov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Economic development in the 21st century: Trends, challenges, prospects. Collection of scientific papers of the 7th International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]. Kazan', Kazanskii natsional'nyi issledovatel'skii tekhnologicheskii universitet Publ., pp. 306–309. (In Russ.)

12. Khlopov O.A. 2012. Politika OPEK i interesy Rossii [OPEC politics and interests of Russia]. *Society: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 32–38. (In Russ.)

13. Yushkov I.V., Drozdova Yu.D. 2020. Sdelka OPEK+ 2020 goda: predposylki i interesy uchastnikov [OPEC+ 2020 deal: Background and interests of participants]. *Geoeconomics of Energetics*, vol. 9, no. 1, pp. 6–20. (In Russ.)

14. Yakovlev P.P. 2018. Neft' v global'noi ekonomike i mirovoi trgovle [Oil in global economy and world trade]. *International Trade and Trade Policy*, no. 3 (15), pp. 100–114. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-3-100-114. (In Russ.)

15. Gasparyan A. 2021. The role of energy in Russian foreign policy. In: Kanet R.E., Moulioukova D. (eds.). *Russia and the world in the Putin era: From theory to reality in Russian global strategy*. London, New York, Routledge, pp. 140–175.

16. Krutikhin M., Overland O. 2020. OPEC and Russia: A happy pro forma marriage. In: Claes D.H., Garavini G. (eds.). *Handbook of OPEC and global energy order: Past, present and future challenges*. London, New York, Routledge, pp. 248–256.

17. Stent A.E. 2019. *Putin's world: Russia against the West and with the rest*. New York, Boston, Twelve.

Статья поступила в редакцию 09.05.2024;
одобрена после рецензирования 07.06.2024;
принята к публикации 25.07.2024

The paper was submitted 09.05.2024;
approved after reviewing 07.06.2024;
accepted for publication 25.07.2024

К.Г. Муратшина*

СОВЕЩАНИЕ МИНИСТРОВ ОБОРОНЫ АСЕАН-ПЛЮС: СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ (2010–2022)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) является одной из ключевых многосторонних структур в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Организацией установлен целый ряд внешних диалоговых партнерств. Особое значение в последние годы приобрел такой формат, как Совещание министров обороны стран АСЕАН с партнерами по диалогу — СМОА-плюс. В данной статье проанализирована работа СМОА-плюс на протяжении 12 лет (с 2010 по 2022 г.) с целью выявить правовую природу его как международного объединения, динамику его развития и практические результаты его работы. Рассмотрены предпосылки и история формирования Совещания, особенности его институционального развития. Автор отмечает, что, в отличие от других подобных форумов, число участников СМОА-плюс изначально зафиксировано и не увеличивается. Такая ситуация может показаться нелогичной, однако она устраивает не только саму АСЕАН, но и партнеров по диалогу, поскольку позволяет не перегружать формат новыми противоречиями. В статье также проведен дискурс-анализ ключевых документов СМОА-плюс, заявлений сторон, позволивший проследить позиции участников и выявить особенности современного международного позиционирования форума. Автор заключает, что в условиях коренных изменений мирового порядка АСЕАН смогла удержать под своим контролем чувствительную повестку СМОА-плюс в области обороны и безопасности, отстояв традиционные для себя принципы многовекторности и равноудаленности. При этом автор отмечает совпадение подходов России и АСЕАН к выстраиванию отношений в АТР: в то время как другие партнеры по диалогу, прежде всего США

* Муратшина Ксения Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН (e-mail: k.muratshina@ivran.ru; ORCID: 0000-0001-7952-6299).

и КНР, активно пытаются «перетянуть» страны АСЕАН на свою сторону, Россия последовательно продвигает равноправный, практико-ориентированный диалог и придерживается принципов невмешательства. В целом можно заключить, что, несмотря на отсутствие значимых практических достижений, нынешний формат Совещания представляется оптимальным для всех его участников, поскольку позволяет достигать главного — поддерживать важные контакты в военной сфере в условиях возникновения всё новых вызовов региональной безопасности.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, СМОА-плюс, военнотехническое сотрудничество, партнеры по диалогу, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Муратшина К.Г. Совещание министров обороны АСЕАН-плюс: структура, особенности, динамика развития (2010–2022) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 57–88. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-57-88.

Ksenia G. Muratshina

**ASEAN DEFENCE MINISTERS MEETING-PLUS:
INSTITUTIONAL STRUCTURE, SPECIFIC FEATURES,
AND EVOLUTION (2010–2022)**

*Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031*

The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is one of the key multilateral structures in Asia-Pacific. Throughout its history, the organization has established a system of external partnerships. In 2010, a specific security-related dialogue format has been introduced into this system, — the ASEAN Defence Ministers Meeting-Plus (ADMM-Plus). In order to provide a better understanding of the legal nature of the ADMM-Plus as an international grouping, and to discuss the dynamics of its evolution, as well as the practical results of its work, this paper examines the Meeting's activities in the recent years (2010 to 2022) and identifies the stages of its institutional development. The author notes that, unlike other similar fora, ADMM-Plus has a strictly limited number of participants. It could seem counterproductive, however, both ASEAN and its dialogue partners keep up to the closed nature of the grouping, beware of the potential contradictions in case of its expansion. The author also conducts the discourse analysis of the ADMM-Plus documents and member statements, highlighting

the views of the participants and identifying the current international positioning of the forum. In conclusion, the paper emphasizes that, in the context of the fundamental changes in the world order, ASEAN has proven its ability to control the sensitive agenda of the ADMM-Plus, and stays committed to its principles of multi-faceted policy. At the same time, the affinity of Russian and ASEAN approaches towards the development of Asia-Pacific is displayed. While other dialogue partners, primarily the United States and China, are pressurising ASEAN in order to 'win over' the Southeast Asian countries to their side, Russia consistently promotes an equal, practice-oriented dialogue, and adheres to the principles of non-interference in internal affairs and in local conflicts. The author concludes that, in spite of the low-profile practical achievements of the ADMM-Plus, the Meeting remains suitable for all its participants, as the main effect of its activity represents the maintenance of contacts and negotiations in the defence area in the face of the new regional security challenges.

Keywords: Southeast Asia, ASEAN, ADMM-Plus, defence cooperation, dialogue partners, Asia-Pacific region

About the author: Ksenia G. Muratshina — PhD (History), Associate Professor, Senior Research Fellow at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: k.muratshina@ivran.ru; ORCID: 0000-0001-7952-6299).

For citation: Muratshina K.G. 2024. ASEAN Defence Ministers Meeting-Plus: Institutional structure, specific features, and evolution (2010–2022). *Lo-monosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 57–88. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-57-88. (In Russ.)

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) за более чем пять десятилетий своего существования успела стать значимой структурой многосторонней дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и полноправным актором международных отношений. Организация, членами которой являются Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины, не только развивает сотрудничество между странами-участницами, но и контактирует с другими государствами как одно целое, коллективный актор в рамках так называемых диалоговых партнерств. Одна из областей контактов с внешними партнерами и при этом наиболее чувствительная из них в силу сложности переплетения интересов различных государств в АТР — сфера обороны и безопасности. В 2010 г. АСЕАН был создан новый формат

взаимодействия — Совещание министров обороны с партнерами по диалогу (Россией, США, Китаем, Индией, Японией, Австралией, Новой Зеландией и Республикой Корея) — СМОА-плюс. В данной статье проанализирована работа СМОА-плюс на протяжении 12 лет (с 2010 по 2022 г.) с целью выявить, какова его правовая природа как международного объединения, какую динамику демонстрирует его развитие и появились ли практические результаты его работы. Для этого автором проведен дискурс-анализ документальной базы, используемой объединением, совместных и индивидуальных заявлений сторон; изучены документальная отчетность Совещания и актуальные новостные материалы СМИ стран-участниц, посвященные ему; выявлены и сопоставлены подходы к деятельности СМОА-плюс, отраженные в научной литературе.

Отечественные исследователи рассматривали СМОА-плюс, но в основном в фактологическом плане, а также в связи с общей характеристикой АСЕАН и применительно к изучению проблем безопасности в АТР. Вместе с тем были подмечены некоторые принципиально важные аспекты. Так, Д.В. Мосяков справедливо указывает на то, что посредством своих диалоговых форматов АСЕАН намеревалась участвовать в происходящих в АТР процессах, влиять на них, и это у нее фактически получалось до тех пор, пока США не начали создавать свою структуру военных союзов в регионе, а Китай не набрал силу и не принял американский вызов [Страны Юго-Восточной Азии..., 2021: 22–24]. Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев и В.М. Мазырин подчеркивают роль СМОА-плюс в строительстве Сообщества политики и безопасности АСЕАН [Локшин и др., 2019: 89–95]. В.В. Сумский называет СМОА-плюс в числе главных компонентов «асеаноцентричной» архитектуры безопасности в АТР [Сумский, 2017: 8]. Е.В. Колдунова отмечает, что основные ожидания от СМОА-плюс связаны с практическим сотрудничеством, поскольку в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) развить таковое не получилось¹. Е.А. Канаев обращает внимание на ограниченность работы СМОА-плюс его принципами консенсуса

¹ Koldunova E. ASEAN, EAS and APEC: What Russia achieved in 2018 // Russian International Affairs Council. 26.11.2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/asean-eas-and-apec-what-russia-achieved-in-2018/> (accessed: 05.01.2024).

и невмешательства во внутренние дела, необходимость адаптации формата к изменениям в мировой политике [Канаев, Шумкова, 2017], но вместе с тем выделяет уникальную положительную черту Совещания — межрегиональный характер, вовлекающий в орбиту сотрудничества пространство сразу двух океанов — Индийского и Тихого [Канаев, Бэ, 2018]. В.В. Вершинина отмечает значительный, несмотря на все имеющиеся недостатки, потенциал СМОА-плюс по сравнению с другими диалоговыми форматами в Тихоокеанской Азии и очерчивает некоторые перспективы участия России в нем, а именно укрепление присутствия в регионе и возможность продвижения своих технологий на его рынок [Вершинина, 2020].

Больше внимания непосредственно проблемам функционирования СМОА-плюс уделяет зарубежное научное сообщество. Опубликован ряд значимых работ авторов из стран АСЕАН и в меньшем количестве — из США, Китая, Индии, Австралии и Японии. Среди проблем, которые интересуют зарубежных исследователей, — разграничение полномочий, сфер деятельности и в целом принципиальные различия между АРФ и СМОА-плюс, практическое содержание деятельности последнего, соотношение ролей и веса стран АСЕАН и партнеров по диалогу в работе Совещания.

Наиболее позитивные оценки СМОА-плюс поступают из США, Китая и Индии. С точки зрения представителей указанных стран, это успешная и эффективная платформа для диалога, обеспечивающая возможность частых контактов с оборонными ведомствами государств Юго-Восточной Азии (ЮВА) [Donohue, 2016] и дополнительно создающая удобную площадку для переговоров по безопасности между партнерами АСЕАН по диалогу², позволяющая коллективно наращивать потенциал для противостояния транснациональным угрозам и показывающая эволюцию³, зрелость⁴ и «нормативную

² См., например: Yang S., Guo Y. China remains open to defense chief dialogue with US during ADMM-Plus meeting // Global Times. 20.11.2022. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1279994.shtml> (accessed: 05.01.2024).

³ Parameswaran P. What did the ASEAN defense meetings in the Philippines achieve? // The Diplomat. 02.11.2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/11/what-did-the-asean-defense-meetings-in-the-philippines-achieve/> (accessed: 05.01.2024).

⁴ Parameswaran P. What did the 3rd ASEAN Defense Ministers' Meeting plus achieve? // The Diplomat. 06.11.2015. Available at: <https://thediplomat.com/2015/11/what-did-the-3rd-asean-defense-ministers-meeting-plus-accomplish/> (accessed: 05.01.2024).

силу» АСЕАН⁵; формат, выгодно отличающийся от АРФ меньшей политизацией, более четкой повесткой, институционализацией и практическим сотрудничеством, в котором контактируют представители военных ведомств, а не дипломаты, и меньше участников, что обеспечивает более плотное взаимодействие по более конкретным вопросам, работу, а не только «одни разговоры» [Ва, 2017]. Не портят общее впечатление и ряд подмеченных недостатков: отсутствие единства АСЕАН⁶, «отказ некоторых партнеров от обсуждения наиболее горячих тем» [Donohue, 2016: 25], чрезмерная активность Китая в контактах с оборонными ведомствами стран — членов Ассоциации⁷, попытки США «перехватить повестку СМОА-плюс»⁸, концентрация многостороннего сотрудничества лишь в тех сферах, где нет «чувствительных» вопросов [Guo, 2016], давление Вашингтона и Пекина на АСЕАН⁹.

Скорее всего, эти положительные оценки объясняются тем, что и в Китае, и в Индии, и в США воспринимают диалоговый формат СМОА-плюс как весьма удобный фон для собственной политики в ЮВА. Нейтральность Совещания и разные интересы его участников подходят всем трем как нельзя лучше и воодушевляют их пытаться использовать формат для своих нужд. Из упомянутых работ можно узнать о значимых стратегических задачах трех держав в рамках форума: в США надеются, что Совещание так или иначе поможет «американской стратегии в ЮВА и Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)»¹⁰; в Индии видят для себя преимущество в том,

⁵ Searight A. ADMM-Plus: The promise and pitfalls of an ASEAN-led security forum // Center for Strategic and International Studies. 01.11.2018. Available at: <https://www.csis.org/analysis/admm-plus-promise-and-pitfalls-asean-led-security-forum> (accessed: 05.01.2024).

⁶ Parameswaran P. What did the ASEAN defense meetings in the Philippines achieve?...

⁷ Pham T.N. Is China starting its own RimPac? // U.S. Naval Institute. July 2019. Available at: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2019/july/china-starting-its-own-rimpac> (accessed: 05.01.2024).

⁸ Li K. ASEAN must assert itself and not be kidnapped by US agenda // Global Times. 15.06.2021. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202106/1226210.shtml> (accessed: 05.01.2024).

⁹ Panda R. The 8th ADMM Plus meeting: Major takeaways // Vivekananda International Foundation. 25.06.2021. Available at: <https://www.vifindia.org/article/2021/june/25/the-8th-admm-plus-meeting-major-takeaways> (accessed: 05.01.2024).

¹⁰ Searight A. Op. cit.

чтобы через СМОА-плюс укрепить связи с АСЕАН¹¹ и оказывать давление на Пекин благодаря публичному оглашению своих позиций по спорным с ним вопросам¹²; в Китае же уверены, что посредством «сотрудничества и солидарности» в рамках СМОА-плюс «у внешних сил останется меньше лазеек для того, чтобы использовать Юго-Восточную Азию в своих целях»¹³, и хотели бы применять механизм Совещания для борьбы с нелегальной миграцией из стран ЮВА [Guo, 2016].

Более тщательно к изучению СМОА-плюс подходят авторы из государств АСЕАН. Они уделяют много внимания не только содержанию работы Совещания, но и проблемам, на которые смотрят изнутри, поскольку им небезразличны развитие АСЕАН и судьба ее интеграции и внешних связей. Для представителей ЮВА важно то, что СМОА-плюс может дать членам Ассоциации: повышение обороноспособности¹⁴, дружественные отношения между оборонными ведомствами стран-участниц, демонстрация миру преимуществ «пути АСЕАН» — консенсуса, принципа отказа от конфронтации ради сохранения регионального мира и стабильности [Gindarsah, 2016]. В то же время в числе проблем исследователи указывают на отсутствие полномасштабного оборонного сотрудничества из-за чувствительного восприятия вопросов суверенитета и расхождения интересов членов объединения [Chye, 2016], «институциональное сдерживание» механизма СМОА-плюс из-за принципа консенсуса¹⁵,

¹¹ Vignesh R., Singh A.K. ADMM-Plus and India's act east policy // Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses. 16.12.2022. Available at: <https://www.idsa.in/issuebrief/admm-plus-and-indias-act-east-policy-rvignesh-aksingh-161222> (accessed: 05.01.2024).

¹² Kaushik K. China listening, Rajnath says rules-based order under threat // The Indian Express. 11.12.2020. Available at: <https://indianexpress.com/article/india/china-listening-rajnath-says-rules-based-order-under-threat-7100095/> (accessed: 05.01.2024).

¹³ Liu Xin, Liu Xuanzun. China's defense chief urges unity, rejects hegemony; 'ASEAN, China have wisdom to resist attempt to recreate Ukraine crisis in Asia' // Global Times. 24.11.2022. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1280317.shtml> (accessed: 05.01.2024).

¹⁴ Tsjeng H.Z. The case for making ADMM-Plus an annual meeting // The Diplomat. 02.08.2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/08/the-case-for-making-admm-plus-an-annual-meeting/> (accessed: 05.01.2024).

¹⁵ Vicedo C. The ADMM-Plus and maritime security in South China Sea: Constraints in establishing a maritime security regime — Analysis // Eurasia Review. 04.03.2020. Available at: <https://www.eurasiareview.com/04032020-the-admm-plus-and-maritime-security->

использование Совещания внешними партнерами для продвижения своих позиций и конфликтов между собой [Tan, 2016], эрозию центральной роли АСЕАН [Galang, 2016], недостаток ее единства [Trong, 2016], отказ от обсуждения морских споров [Tan, 2018], неоправданную трату ресурсов [Quilor, 2016] и нехватку практических результатов совместной работы для непосредственного многостороннего противодействия угрозам безопасности [Pitakdumrongkit, 2016].

Более негативные оценки СМОА-плюс встречаются в работах специалистов из Японии: они рассуждают об «институциональной несостоятельности» объединения, несмотря на то что это «единственный в регионе формат, обеспечивающий регулярные многосторонние встречи министров обороны 18 стран, оптимальный для обсуждения проблем безопасности в АТР по сравнению с 27 государствами на АРФ и позволяющий вовлекать оборонные ведомства стран региона в практическое сотрудничество» [Ken, 2016: 28]. Японские авторы также доказывают, что в Восточной Азии нужно не просто предоставление «площадок под многосторонние диалоги», а расширение взаимодействия и доверия как внутри АСЕАН, так и между Ассоциацией и ее внешними партнерами [Yuzawa, 2018: 169]. Лучшей же «опорой безопасности в Тихоокеанской Азии» представлены вовсе не АСЕАН и ее форматы, а союз Японии и США [Ken, 2016: 30]. Именно от японских, а также от вьетнамских [Trong, 2016], филиппинских¹⁶ [Quilor, 2016; Galang, 2016] и сингапурских [Tan, 2016; Chye, 2016] авторов исходит больше всего критики в адрес СМОА-плюс. Если позицию первых, вторых и третьих можно объяснить недовольством из-за отсутствия прогресса в урегулировании морских споров с Китаем, то в случае Сингапура дело скорее в том, что, не имея прямых конфликтов ни с кем из стран-участниц, но считая себя одним из главных основателей АСЕАН [Tan, 2016], он возлагает на себя полномочия больше других беспокоиться о ее судьбе, преимуществах антиблоковой политики и допуске внешних партнеров слишком глубоко в процесс многостороннего взаимодействия.

Наконец, нужно отметить небольшую аналитическую работу австралийского автора [Graham, 2016: 35–37], в которой он изучает

in-south-china-sea-constraints-in-establishing-a-maritime-security-regime-analysis/ (accessed: 05.01.2024).

¹⁶ Ibidem.

и оценивает СМОА-плюс достаточно взвешенно и с долей конструктивной критики: невозможность порой договориться в его рамках «разрушительна для имиджа АСЕАН как многостороннего института региональной архитектуры безопасности в Азии», но при этом оно служит «построению доверия» и «наращиванию потенциала обороны и безопасности в регионе». У австралийской стороны есть своя весьма серьезная мотивация участия в Совещании: она хотела бы интенсифицировать сотрудничество по борьбе с терроризмом, «устанавливать связи и наращивать обмен информацией». Но, как отмечается, в целях развития СМОА-плюс всё-таки «нужна консолидация», а для этого надо разобраться со всеми прошлыми проблемами, чтобы сделать шаг в будущее.

Таким образом, исследователи отмечают как положительные аспекты работы СМОА-плюс, так и его слабые стороны. Тем не менее комплексного изучения и оценки его деятельности в исторической динамике пока недостает, и по прошествии 12 лет функционирования Совещания, особенно с учетом изменений международной ситуации в 2022 г., эта тема продолжает представлять интерес.

История формирования СМОА-плюс

Впервые идея оборонных саммитов АСЕАН с партнерами по диалогу была предложена в 2006 г. в Концепции работы 1-го Совещания министров обороны стран АСЕАН (СМОА). В документе сказано: «СМОА должно быть открытым, гибким и устремленным вовне в плане активного вовлечения друзей АСЕАН и партнеров по диалогу. <...> Руководство и полный контроль процесса должна осуществлять АСЕАН»¹⁷. Это означает, что Ассоциация начала рассматривать возможность внешних контактов в сфере обороны и безопасности одновременно с запуском сотрудничества в данной области между странами-членами. Такая постановка вопроса говорит о его большой важности для АСЕАН и тщательном подходе к развитию нового направления ее международного партнерства.

¹⁷ Concept Paper for the Establishment of an ASEAN Defence Ministers' Meeting // ASEAN Defence Ministers' Meeting. Available at: <https://admm.asean.org/dmdocuments/1.%20Concept%20Paper%20for%20the%20Establishment%20of%20an%20ASEAN%20Defence%20Ministers.pdf> (accessed: 05.01.2024).

Первый рамочный документ, непосредственно посвященный созданию СМОА-плюс и составленный уже с использованием этого названия, был принят в 2007 г. Это концептуальное видение нового формата сотрудничества, разработанное СМОА¹⁸. Документ стоит проанализировать подробно, поскольку им были заложены все основные принципы деятельности СМОА-плюс. Так, была обоснована необходимость привлечения к обсуждению вопросов безопасности, которые затрагивает в своей работе АСЕАН, внерегиональных держав, их организационных ресурсов и экспертной поддержки. Современные вызовы международной безопасности касаются всех стран без исключения, поэтому такое расширение рамок взаимодействия, как предполагалось, должно было пойти АСЕАН только на пользу. Однако это решение еще не было окончательно оформленным: указано, что все «за» и «против» еще будут подвергаться тщательному анализу, чтобы организация могла принять коллективное решение. При этом в документе несколько раз использована фраза «друзья и партнеры по диалогу». Это означает, что на тот момент круг потенциальных участников еще не был ограничен только партнерами по диалогу, но включал и другие государства, контактировавшие с АСЕАН и проявившие интерес к обсуждению вопросов безопасности и обороны. Указано, что желающие участвовать в Совещании должны подать заявку стране — председателю СМОА, которая будет обсуждать ее с остальными. Примечательно, что решение о приеме новых членов одобряется только консенсусом всех стран АСЕАН, а мнение участников из числа внешних партнеров узнавать не требуется.

Далее, отмечено, что новый формат должен позволить АСЕАН нарастить собственный оборонный потенциал с учетом разного уровня обеспеченности государств необходимыми ресурсами, способствовать укреплению доверия между военными ведомствами стран-участниц благодаря диалогу и «прозрачности», бороться с транснациональными угрозами безопасности и в конечном счете обеспечить мир и стабильность в регионе, помогая в том числе строить Сообщество безопасности АСЕАН. Таким образом, Ассоциация

¹⁸ ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus (ADMM-Plus): Concept Paper // ASEAN Defence Ministers' Meeting. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/4.%20Annex%20G_ADMM-Plus%20Concept%20Paper.pdf (accessed: 05.01.2024).

полностью обосновала необходимость создания нового формата для себя, это соответствовало ее интересам и призвано было на них работать, по крайней мере согласно замыслу.

Работу Совещания как многосторонней структуры планировалось сделать непрерывной: саммиты руководителей оборонных ведомств проводить раз в год, контакты старших должностных лиц — на постоянной основе. Кроме того, было запланировано, что Совещание сможет создавать рабочие группы по конкретным вопросам. Таким образом, планы относительно СМОА-плюс были весьма далеко идущими, на это указывает еще и такая деталь, как предусмотренная в документе возможность созыва чрезвычайных сессий. Как известно на примере ООН, чрезвычайные сессии созываются в условиях конфликтов и иных кризисов и угроз миру. Видимо, в АСЕАН предполагали, что СМОА-плюс по прошествии времени сможет урегулировать конфликты и непосредственно нейтрализовывать угрозы безопасности в АТР. В то же время помимо грандиозного замысла здесь заложено и противоречие: полномочий и механизма для коллективных действий в случае угрозы миру и созыва чрезвычайных сессий не предусмотрено, а значит, столь большие ожидания изначально сочетались с невозможностью осуществления реальных мер.

В правовом плане концепция определяла новую структуру как «форум по обороне и безопасности». Это означает отсутствие притязаний на статус международной организации и на юридически обязывающий характер будущих коллективных решений. Основными принципами работы СМОА-плюс названы центральная роль АСЕАН, равное положение «друзей и партнеров по диалогу», невмешательство во внутренние дела, принятие решений на основе консенсуса, уважение суверенитета, отсутствие признаков военно-политического союза, открытость и инклюзивность, соблюдение международного права, «коллективная ответственность благодаря формированию общего понимания проблем безопасности». Пожалуй, наиболее примечательна среди перечисленного оговорка об отсутствии союзнических отношений. Она практически сразу сняла с будущих участников какие-либо обязательства и одновременно сделала СМОА-плюс привлекательным для любой страны, желающей присоединиться к процессу обсуждения проблем безопасности

в ЮВА и при этом не брать на себя какую-либо ответственность. Интересно и то, что СМОА-плюс определено как часть СМОА. Сферы и глубину сотрудничества с внешними партнерами устанавливает тоже СМОА. Таким образом, заранее были утверждены главенствующая роль АСЕАН, решений, принимаемых только ее кругом, и преобладание позиций Ассоциации над мнением внешних партнеров.

В этой концепции были заложены все основные параметры функционирования Совещания. В дальнейшем принимались еще документы по СМОА-плюс, но они уже либо повторяли ключевые положения, либо представляли собой небольшие специализированные решения по процедурным вопросам: работе экспертных групп, частоте совещаний или их повестке и т.д. Последующим формированием СМОА-плюс занялась специальная рабочая группа, созданная в рамках СМОА. В 2009 г. были утверждены принципы членства в регионе стран. Именно тогда возможность участия в форуме была оставлена только тем государствам, у которых с АСЕАН установлены отношения диалогового партнерства, а среди них — только тем, у кого уже были сформированы устойчивые связи с оборонными ведомствами стран ЮВА и кто был наиболее вовлечен в решение проблем безопасности в АТР¹⁹. На этом предварительная работа по созданию СМОА-плюс завершилась, его принципы, параметры и состав были полностью утверждены.

Институциональное развитие

Официальный запуск работы Совещания состоялся в 2010 г. Первое СМОА-плюс прошло в Ханое с участием министров обороны либо их заместителей из всех 18 стран-участниц. По итогам этой встречи были официально утверждены предложенные АСЕАН принципы работы и выделены пять направлений сотрудничества: обеспечение безопасности на море, гуманитарное реагирование, военная медицина, борьба с терроризмом, миротворческие операции. Для каждого из них была создана экспертная группа, в которой предусмотрена два сопредседателя: страна АСЕАН и страна — партнер

¹⁹ ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus (ADMM-Plus): Principles for Membership // ASEAN Defence Ministers' Meeting. Available at: <https://admm.asean.org/dmdocuments/7.%20ANNEX%20E%20ADOPTED%20Concept%20Paper%20ADMM-Plus%20Membership%20Principles.pdf> (accessed: 05.01.2024).

по диалогу. Для постоянных рабочих контактов был учрежден механизм регулярных встреч старших должностных лиц. Следующий саммит был запланирован через три года²⁰.

В 2012 г. АСЕАН было принято решение впредь проводить СМОА-плюс чаще — каждые два года²¹. Оно было утверждено в ходе второго СМОА-плюс в 2013 г. Кроме того, Совещание, по предложению СМОА, объявило о создании новой, шестой экспертной группы — по разминированию. Начиная с той встречи закрепились постоянная процедура саммита: доклад генсека АСЕАН либо его заместителя о достижениях асеановской интеграции, доклад председателя переговоров старших должностных лиц о работе экспертных групп, выступления делегатов, утверждение документов, подготовленных старшими должностными лицами либо СМОА, обсуждение и принятие итоговой декларации²².

Следующие структурные изменения в СМОА-плюс пришлось на 2016–2017 гг. Решением саммита СМОА в 2016 г. была создана седьмая экспертная группа СМОА-плюс — по кибербезопасности. Через год, в 2017 г., к этому добавилось еще одно нововведение: СМОА постановило сделать СМОА-плюс ежегодным²³. В дополнение к этому СМОА приняло весьма примечательный документ, который стоит отметить на фоне многочисленных и достаточно схожих процедур-

²⁰ Chairman's Statement of the First ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus 'ADMM-Plus: Strategic Cooperation for Peace, Stability, and Development in the Region', Vietnam 2010 // ASEAN Defence Ministers' Meeting. Available at: <https://admm.asean.org/dmdocuments/Chairman's%20Statement%20of%20the%201st%20ADMM-Plus,%20Ha%20Noi,%202012%20Oct%202012.pdf> (accessed: 05.01.2024).

²¹ The 6th ASEAN Defence Ministers' Meeting // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 24.07.2012. Available at: <https://admm.asean.org/index.php/admm-news/40-news/asean-secretariat-news/217-the-6th-asean-defence-ministers-meeting.html> (accessed: 05.01.2024).

²² Chairman's Statement of the Second ASEAN Defence Ministers' Meeting-Plus // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 29.08.2013. Available at: [https://admm.asean.org/dmdocuments/2013_Aug_2nd%20ADMM-Plus_BSB_29%20Aug%202013_Chairman's%20Statement%20of%20the%20Second%20ASEAN%20Defence%20Ministers'%20Meeting%20Plus%20\(Final%20Version\).pdf](https://admm.asean.org/dmdocuments/2013_Aug_2nd%20ADMM-Plus_BSB_29%20Aug%202013_Chairman's%20Statement%20of%20the%20Second%20ASEAN%20Defence%20Ministers'%20Meeting%20Plus%20(Final%20Version).pdf) (accessed: 05.01.2024).

²³ Chairman's Statement of the Fourth ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus (4th ADMM-Plus) // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 24.10.2017. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2017_October_4th%20ADMM-Plus_Clark_24%20October%202017_%20Chairman's%20Statement%20on%20the%204th%20ADMM-Plus.pdf (accessed: 05.01.2024).

ных бумаг, — Дополнительный протокол по работе СМОА-плюс. Он посвящен вопросу, к которому АСЕАН не обращалась с момента создания Совещания, — возможности расширения состава участников. В протоколе указано: несмотря на то что «с момента создания СМОА-плюс рос интерес к участию в нем стран, не являющихся партнерами АСЕАН по диалогу, в настоящий момент позиция внутри СМОА-плюс такова, что необходимо углублять сотрудничество между нынешними его членами, а не расширять состав». В то же время, как отмечено далее, страны, не входящие в СМОА-плюс, теперь могут допускаться к присутствию на учениях и семинарах одной либо двух рабочих групп в качестве наблюдателей, но при этом одна рабочая группа может пригласить на свои мероприятия только одного наблюдателя, который будет лишь находиться там, не принимая непосредственного участия. Заявок от потенциальных желающих на полноправное участие не предполагается²⁴.

Всё это означает довольно необычную диспозицию: получается, что неформальные заявки или как минимум проявление интереса и желания участвовать со стороны государств, не входящих в число диалоговых партнеров АСЕАН, имели место. Как следствие, странам ЮВА (фактически имеющим полномочия принимать решения по СМОА-плюс) пришлось определиться, хотят ли они и готовы ли допускать на свою «асеаноцентричную платформу безопасности для всего АТР» участников, не имеющих статуса диалогового партнера. На первый взгляд, решение о недопуске таковых может показаться нелогичным. Но стоит вспомнить о том, что за 12 лет ни от одной страны не поступало предложения расширить состав СМОА-плюс. И даже на менее официальном, втором треке — в подходах сторон, изложенных в экспертно-аналитической литературе, — как представители АСЕАН, так и исследователи из стран — партнеров по диалогу неизменно подчеркивали в качестве одной из главных положительных черт СМОА-плюс его работу узким, ограниченным кругом, в отличие от других форумных площадок (Восточноазиатского

²⁴ 2nd Additional Protocol to the Concept Papers on the Establishment of ASEAN Defence Ministers' Meeting (ADMM) and ADMM-Plus // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 06.04.2017. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2017_October_11th%20ADMM_Clark_23%20October%202017_2nd%20Additional%20Protocol%20to%20the%20Establishment%20of%20ADMM-Plus.pdf (accessed: 05.01.2024).

саммита, АРФ, Диалога Шангри-Ла). Если соотнести этот момент с Дополнительным протоколом и заведомо трудновыполнимыми условиями участия наблюдателей в отдельных мероприятиях (это и невыгодно организаторам, поскольку может усложнить работу, и бесперспективно для потенциальных участников из-за ограниченности их статуса), то выходит, что отказ от расширения СМОА-плюс был тщательно продуман и, по-видимому, мог устраивать не только сами страны АСЕАН, но и партнеров по диалогу, которые вряд ли приветствовали бы появление новых сторон и без того богатого на разные интересы форума. Таким образом, вопрос о расширении СМОА-плюс был официально решен.

В последующие годы принципиальных структурных изменений в СМОА-плюс не происходило. Единственное нововведение, которое можно отметить, появилось в 2019 г. и носит процедурный характер: в доклад от Секретариата АСЕАН в начале Совещания стали включать не только информацию об интеграционном сотрудничестве в рамках Ассоциации, но также изложение ее позиций по ключевым региональным вызовам безопасности (проблема Южно-Китайского моря, ситуация на Корейском полуострове, конфликт вокруг народности рохинджа в Мьянме) и данные о внешнеэкономических связях АСЕАН, а именно о ходе переговоров по заключению Всеобъемлющего регионального экономического партнерства²⁵. Однако, поскольку последнее не относится к безопасности, а реакцию АСЕАН на упомянутые вызовы по прошествии времени нельзя назвать ни единой, ни эффективной, такой жест мог скорее демонстрировать вежливость по отношению к партнерам, чем вносить в повестку дня какие-либо принципиальные изменения.

Позиции участников

Наиболее значимым процедурным компонентом СМОА-плюс являются выступления участников с изложением их позиций по актуальным проблемам безопасности. Изучение материалов разных лет показывает, что в свои доклады делегаты стараются вместить всё:

²⁵ 'Sustainable Security': Chairman's Statement of the Sixth ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus (6th ADMM-Plus) // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 18.11.2019. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/Final%20TH_Chairman's%20Statement.pdf (accessed: 05.01.2024).

от одобрения в адрес АСЕАН и предложений по сотрудничеству до завуалированных претензий к другим присутствующим сторонам и даже угроз. Повестка, с которой то или иное государство каждый раз выходит на СМОА-плюс, остается примерно одной и той же из года в год. Россия доводит до участников Совещания свои подходы к вопросам безопасности в АТР и предупреждает АСЕАН о блоковой политике Вашингтона, разрушающей асеаноцентричную систему безопасности²⁶. США используют трибуну СМОА-плюс главным образом для призывов к «свободе судоходства» в ИТР и постоянных попыток оказывать информационное и политическое давление на Северную Корею²⁷. Союзники США — Япония, Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия — в том или ином виде повторяют американские тезисы²⁸. Япония к тому же озвучивает собственную проблему — конфликт с Пекином в Восточно-Китайском море²⁹. Китай, с одной стороны, говорит о «межармейском сотрудничестве» и «солидарности»³⁰, а с другой — предостерегает всех, кто может покуситься на его «коренные интересы» и вмешаться в тайваньский вопрос³¹. Индия продвигает свое видение ИТР и предлагает странам АСЕАН различные совместные инициативы для развития своего диалогового партнерства с ними³².

Выступления государств АСЕАН обычно более общие: они повторяют принципы СМОА-плюс, выражают обеспокоенность очевидными проблемами, такими как распространение оружия массового

²⁶ См., например: Замминистра обороны РФ Александр Фомин принял участие в совещании «СМОА+» // Министерство обороны Российской Федерации. 23.11.2022. Доступ: https://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12446195 (дата обращения: 05.01.2024).

²⁷ См., например: Мэттис призвал партнеров из стран-участниц АСЕАН не снижать давления на КНДР // ТАСС. 24.10.2017. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4674501> (дата обращения: 05.01.2024).

²⁸ См., например: Безопасность: армия — США — АТР — дестабилизация // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 23.11.2022.

²⁹ См., например: Panda R. Op. cit.

³⁰ См., например: Глава Минобороны Китая выступил в Камбодже за межармейскую солидарность в мире // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 23.11.2022.

³¹ См., например: Безопасность: Китай — США — Азия — конфликт // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 24.11.2022.

³² См., например: Raksha Mantri calls for open & inclusive order in Indo-Pacific region // Indiaties.in. 16.06.2021. Available at: <https://www.indiaties.in/13986/raksha-mantri-calls-for-open-inclusive-order-in-indo-pacific-region/> (accessed: 05.01.2024).

поражения, напряженность на Корейском полуострове, транснациональные угрозы безопасности³³. Из значимых повторяющихся идей можно выделить призывы Вьетнама соблюдать в Южно-Китайском море Конвенцию по морскому праву 1982 г. (ЮНКЛОС)³⁴ и предложение Сингапура о разработке многостороннего соглашения по предотвращению инцидентов на море и в воздухе³⁵. Еще один дополнительный «рупор», который страны АСЕАН, в отличие от диалоговых партнеров, имеют на СМОА-плюс, — заявление председателя саммита. Это технический документ, но часть членов за время ротации воспользовались случаем и показали в нем свои позиции. Так, Вьетнам в 2010 г. не преминул напомнить о спорах в Южно-Китайском море, которые нужно решать мирно, придерживаться ЮНКЛОС и Декларации о принципах поведения сторон 2002 г., «увеличивать прозрачность действий» и «больше уважать взгляды друг друга»³⁶. В 2020 г. вьетнамская сторона пошла дальше, включив в заявление (видимо, в пику Китаю) фразу о том, что в повестке Совещания было еще и Восточно-Китайское море, причем в числе «горячих точек»³⁷. Малайзия в 2015 г. упомянула о необходимости соблюдать Декларацию 2002 г. и подписать Кодекс поведения в Южно-Китайском море, но ни словом не обмолвилась про ЮНКЛОС³⁸.

³³ См., например: Безопасность: Филиппины — Россия — АСЕАН // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 24.10.2017; АСЕАН и партнеры по диалогу выступили за практические шаги в борьбе с терроризмом // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 20.10.2018; Minister accepts Indonesia's stipulation as 2023 ADMM host // Antara. 24.11.2022. Available at: <https://en.antaranews.com/news/262009/minister-accepts-indonesias-stipulation-as-2023-admm-host> (accessed: 05.01.2024).

³⁴ См., например: Vietnam attends 8th ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus // VietnamPlus. 16.06.2021. Available at: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-attends-8th-asean-defence-ministers-meeting-plus/203159.vnp> (accessed: 05.01.2024).

³⁵ См., например: Сингапур призвал к укреплению доверия между АСЕАН и партнерами по диалогу // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 19.11.2019.

³⁶ Chairman's Statement of the First ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus 'ADMM-Plus: Strategic Cooperation for Peace, Stability, and Development in the Region', Vietnam 2010 // ASEAN Defence Ministers' Meeting. Available at: <https://admm.asean.org/dmdocuments/Chairman's%20Statement%20of%20the%201st%20ADMM-Plus,%20Ha%20Noi,%2012%20Oct%202012.pdf> (accessed: 05.01.2024).

³⁷ Chairman's Statement of the 7th ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 10.12.2020. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2020_Dec_7th%20ADMM-Plus_10%20Dec%202020_2.%20CS%20Final.pdf (accessed: 05.01.2024).

³⁸ Ibidem.

Сингапур в 2018 г.³⁹ и Таиланд в 2019 г.⁴⁰, наоборот, проигнорировали Декларацию 2002 г. Филиппины в 2017 г. включили оговорку о том, что «участие вооруженных сил (ВС) стран АСЕАН в коллективных инициативах — гибкое, добровольное и необязательное <...>, осуществляется под полным национальным контролем»⁴¹. Это звучало так, как если бы страны кулуарно высказали председателю свое нежелание в обязательном порядке участвовать в учениях и поставили в зависимость от этого свое присутствие на Совещании. Подобные проявления показывают, что расхождение интересов его членов, в том числе внутри АСЕАН, весьма заметно и форум далек от единства.

Общее мнение или его отсутствие?

По итогам каждого саммита СМОА-плюс принимается общий документ, призванный обозначить позицию участников по ключевым вопросам в сфере обороны и безопасности. Учитывая высокий статус Совещания, от его итоговых заявлений можно было бы ожидать значимых оценок, новых правовых норм и руководства к действиям по решению проблем безопасности в ЮВА и АТР. В действительности ситуация обстоит сложнее.

В совместной декларации по итогам первого СМОА-плюс 2010 г. основное внимание было уделено обоснованию создания формата: значимости диалоговых партнеров для АСЕАН и для стабильности и мира в ЮВА, комплексному и транснациональному характеру современных угроз безопасности, требующих многостороннего сотрудничества для борьбы с ними, необходимости укрепления доверия между странами-участницами⁴². Начиная с этой декларации

³⁹ 'Strengthening Cooperation, Building Resilience': Chairman's Statement of the 5th ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 20.10.2018. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2018_Oct_5th%20ADMM-Plus_Singapore,20%20October%202018_Final%205th%20ADMM-Plus%20Chairman's%20Statement.pdf (accessed: 05.01.2024).

⁴⁰ 'Sustainable Security': Chairman's Statement of the Sixth ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus (6th ADMM-Plus)...

⁴¹ Chairman's Statement of the Fourth ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus (4th ADMM-Plus)...

⁴² Hanoi Joint Declaration on the First ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 12.10.2010. Available at: <https://admm.asean.org/dmdocuments/JointDeclaration-ADMM-Plus-101012.pdf> (accessed: 05.01.2024).

и через все последующие заявления СМОА-плюс красной нитью проходит принцип центральной роли АСЕАН в региональной архитектуре безопасности. Иными словами, для Ассоциации было и остается важным не просто создать и вести многосторонний диалог по безопасности в ЮВА и АТР, включив в него разных акторов, имеющих разнонаправленные интересы и разногласия между собой, а замкнуть этот диалог на себя, закрепляя и подчеркивая собственную роль в международных делах.

В декларации по итогам второго саммита 2013 г. были повторены и закреплены принципы работы СМОА-плюс, изложенные в 2010 г. Признаны успешными начало работы экспертных групп и первые совместные учения по гуманитарному реагированию и военной медицине. Обозначены планы расширения сотрудничества, а именно возможность разработки алгоритма предотвращения непреднамеренных инцидентов между вооруженными силами сторон на море⁴³. Инициатива действительно значимая, однако нужно отметить, что она не реализована до сих пор. Причина, как представляется, не только в наличии морских споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, но и в том, что СМОА-плюс не может вырабатывать юридически обязывающие нормы, являясь форумом, а не организацией.

В 2015 г. произошел беспрецедентный для Совещания случай: участники не смогли согласовать итоговый документ из-за разногласий между АСЕАН, США и Китаем относительно включения в текст формулировок по вопросу конфликта в Южно-Китайском море⁴⁴. С одной стороны, эта ситуация показала масштаб несовпадения взглядов и интересов в СМОА-плюс. С другой стороны, вызывает уважение, что страны АСЕАН не стали выполнять требования ни США, ни Китая, сохраняя, таким образом, принцип своей центральной роли в объединении.

⁴³ Bandar Seri Begawan Joint Declaration on the Second ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 29.08.2013. Available at: [https://admm.asean.org/dmdocuments/1.%20BANDAR%20SERI%20BEGAWAN%20JOINT%20DECLARATION%20ON%20THE%20SECOND%20ASEAN%20%20DEFENCE%20MINISTERS'%20MEETING%20PLUS%20\(SCANNED\)1.pdf](https://admm.asean.org/dmdocuments/1.%20BANDAR%20SERI%20BEGAWAN%20JOINT%20DECLARATION%20ON%20THE%20SECOND%20ASEAN%20%20DEFENCE%20MINISTERS'%20MEETING%20PLUS%20(SCANNED)1.pdf) (accessed: 05.01.2024).

⁴⁴ Церемония подписания совместной декларации на форуме АСЕАН и партнеров отменена // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 04.11.2015.

Тем не менее определенный элемент «потери лица» для Совещания как международного форума всё же присутствовал. Возможно, по этой причине следующие общие документы были вынесены на рассмотрение только через саммит — в 2018 г. и имели нейтральный характер: Совместное заявление о практических мерах по укреплению доверия⁴⁵ и Совместное заявление о борьбе с терроризмом⁴⁶. В первом стороны положительно оценили работу экспертных групп, а далее шло довольно пространное обоснование необходимости предотвращения непреднамеренных инцидентов уже не только на море, но и в воздухе. Однако никаких реальных мер в этом заявлении предложено не было. В нем лишь было отмечено, насколько важна такая инициатива и как необходимо придерживаться уже имеющихся на международном уровне многосторонних документов, регулирующих эту сферу. Далее говорилось о мерах по укреплению доверия внутри АСЕАН и указывалось, что СМОА-плюс тоже «в принципе поддерживает» работу в этом направлении, но конкретных обязательств обозначено не было. Возможно, в АСЕАН понимали: ни КНР с ее притязаниями в Южно-Китайском море, ни США с их идеей «свободы судоходства» везде, где посчитают нужным их вооруженные силы, обязательства не примут, поэтому предлагать их даже не имело практического смысла.

Второе заявление 2018 г., несмотря на актуальную и значимую тему, содержало крайне общие фразы, в основном просто осуждавшие любые формы террористической деятельности и одобрявшие антитеррористическую стратегию ООН, а также заявления СМОА и Восточноазиатского саммита. Единственным намеком на более-менее практический характер действий было обещание усилить работу экспертной группы по борьбе с терроризмом и поддерживать между-

⁴⁵ Joint Statement by the ADMM-Plus Defence Ministers on Practical Confidence-Building Measures // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 20.10.2018. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2018_Oct_5th%20ADMM-Plus_Singapore,201018_Final%20ADMM-Plus%20Joint%20Statement%20on%20Practical%20Confidence-Building%20Measures.pdf (accessed: 05.01.2024).

⁴⁶ Joint Statement by the ADMM-Plus Defence Ministers on Preventing and Countering the Threat of Terrorism // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 20.10.2018. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2018_Oct_5th%20ADMM-Plus_Singapore,201018_Final%20ADMM-Plus%20Joint%20Statement%20on%20Preventing%20and%20Countering%20Terrorism.pdf (accessed: 05.01.2024).

народные (но опять же внешние, не самого Совещания) инициативы субрегионального масштаба. Содержательным это заявление назвать нельзя, но вместе с тем оно показывает цель, в наибольшей степени объединяющую участников, — стремление бороться с терроризмом как угрозой международной безопасности — и делает это направление потенциально наиболее перспективным в СМОА-плюс на фоне невозможности прогресса в другой ключевой области — обеспечении «безопасности на море».

Совместное заявление по итогам шестой встречи 2019 г.⁴⁷ не имеет принципиальных отличий от предшествующих документов, повторяя принципы и задачи работы СМОА-плюс и информируя о процедурных моментах. Но одна фраза в нем требует особого внимания: «Мы отмечаем морские учения АСЕАН–Китай 2018 г. и АСЕАН–США 2019 г., которые отражают практическое сотрудничество по усилению центральной роли АСЕАН в региональной архитектуре безопасности и укрепляют взаимное доверие между АСЕАН и ее партнерами по диалогу». Данная формулировка означает, что партнеры по диалогу, оставаясь, как бы то ни было, соперниками в мировой политике, не теряли времени даром и постепенно начали помимо участия в СМОА-плюс и по его примеру проводить с АСЕАН собственные саммиты глав оборонных ведомств. Первыми это сделали в 2014 г. США⁴⁸, вслед за ними в 2015 г. — Китай⁴⁹. С тех пор подобные встречи проводятся регулярно. Кроме того, с 2018 и 2019 гг. соответственно американская и китайская стороны обзавелись своими военными учениями с АСЕАН⁵⁰. С 2019 г. с Ассоциацией начала проводить собственные оборонные саммиты Япония⁵¹,

⁴⁷ Joint Statement by the ADMM-Plus Defence Ministers on Advancing Partnership for Sustainable Security // ASEAN Defence Ministers' Meeting. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2019_Nov_6th%20ADMM-Plus_Bangkok,%2018%20November%202019_1.%20JS%20of%20the%206th%20ADMM-Plus.pdf (accessed: 05.01.2024).

⁴⁸ Thayer C. US-ASEAN defense ministers meet in Hawaii // The Diplomat. 11.04.2014. Available at: <https://thediplomat.com/2014/04/us-asean-defense-ministers-meet-in-hawaii/> (accessed: 21.04.2023).

⁴⁹ Parameswaran P. What did the 3rd ASEAN Defense Ministers' Meeting plus achieve?...

⁵⁰ Безопасность: США — АСЕАН — учения // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 03.08.2019.

⁵¹ Безопасность: Япония — АСЕАН — министры — встреча // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 17.06.2022.

с 2020 г. — Австралия⁵², с 2021 г. — Южная Корея⁵³, с 2022 г. — Индия⁵⁴. Российское Минобороны в этих условиях, ориентируясь на тенденцию сохранения баланса в отношениях, с 2016 г. тоже начало проводить свои встречи с АСЕАН⁵⁵, а в 2021 г. состоялись первые российско-асеановские учения по обеспечению безопасности гражданских судов и экономической деятельности в гавани и в открытом море⁵⁶. Получается, что Совместным заявлением 2019 г. СМОА-плюс фактически зафиксировало отдельные многосторонние мероприятия военно-технического сотрудничества между АСЕАН и партнерами как прецедентную норму. Возможно, в Ассоциации просто поняли, что не смогут регулировать этот вопрос, и решили отдать партнерам отдельные контакты «на откуп», легализовав их чуть ли не как часть работы Совещания, хотя утверждение о том, что они «усиливают центральную роль АСЕАН в региональной архитектуре безопасности и укрепляют взаимное доверие между АСЕАН и ее партнерами», больше похоже на оксюморон или попытку выдать желаемое за действительное.

Возвращаясь к общим документам СМОА-плюс, можно отметить, что декларации 2020⁵⁷ и 2021⁵⁸ гг. состояли из большого числа повто-

⁵² ASEAN, Australia defence ministers attend informal meeting // VietnamPlus. 19.02.2020. Available at: <https://en.vietnamplus.vn/asean-australia-defence-ministers-attend-informal-meeting/168889.vnp> (accessed: 05.01.2024).

⁵³ Parameswaran P. What's next for ASEAN-South Korea security ties? // The Diplomat. 06.01.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/01/whats-next-for-asean-south-korea-security-ties/> (accessed: 05.01.2024).

⁵⁴ Jahagirdar V. Celebrating the 30 years of India-ASEAN ties at the maiden India-ASEAN Defence Ministers' meet // Newsonair.com. 24.11.2022. Available at: <https://newsonair.com/2022/11/24/celebrating-the-30-years-of-india-asean-ties-at-the-maiden-india-asean-defence-ministers-meet/> (accessed: 05.01.2024).

⁵⁵ АСЕАН 2016: Россия — саммит — открытие // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 19.05.2016.

⁵⁶ Первые военно-морские учения Россия-АСЕАН успешно завершились в Индонезии — постпред РФ // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 03.12.2021.

⁵⁷ Joint Declaration by the ADMM-Plus Defence Ministers on Strategic Security Vision of the ADMM-Plus // ASEAN Defence Ministers' Meeting. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2020_Dec_7th%20ADMM-Plus_10%20Dec%202020_1.%20JD%20Final.pdf (accessed: 05.01.2024).

⁵⁸ Bandar Seri Begawan Declaration by the ADMM-Plus in Commemoration of the 15th Anniversary of the ADMM on Promoting a Future-Ready, Peaceful and Prosperous ASEAN // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 16.06.2021. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2021_June_16th%20ADMM-Plus_16%20June%202021_1.%20BSPD%20Final.pdf (accessed: 05.01.2024).

ров и общих фраз и ничем не выделялись из общего протокольного ряда. Сохранялось обилие ссылок на сторонние документы. Не было предложено и воплощено практических, действительно сработавших мер по противодействию пандемии COVID-19. Примечательно также, что в декларации 2021 г. не было ни слова о Мьянме, в которой к моменту проведения саммита полным ходом шел гражданский конфликт после февральского военного переворота. Но поскольку документооборот СМОА-плюс, по сути, ведет АСЕАН, скорее всего, это была ее позиция — не затрагивать внутреннюю проблему во взаимодействии с партнерами.

В декларации 2022 г.⁵⁹ одобрены состоявшиеся в 2021 г. первые учения РФ–АСЕАН, что вновь закрепило отдельные мероприятия военно-политического плана Ассоциации с партнерами как норму. В остальном документ похож на предыдущие. На первом плане — пандемия, киберугрозы, природные катаклизмы. В условиях коренных изменений мирового порядка и ухода от однополярного мира с началом российской специальной военной операции на Украине это позволяет взглянуть на СМОА-плюс по-иному, не с точки зрения эффективности внутриасеановского сотрудничества, а в плане развития внешних контактов Ассоциации. Эффективного сотрудничества вряд ли можно ожидать от форума с юридически не обязывающими решениями и разнородным составом практически в любой перспективе. Что же касается внешних связей АСЕАН, то СМОА-плюс выглядит, напротив, успешным, потому что 2022 г. показал: за 12 лет объединение смогло так выстроить его работу, что в ключевой момент удержало под своим контролем повестку, в которой не только остались «старые» приоритеты, но и прослеживается многовекторность внешней политики. Как будто засвидетельствовав и признав заложенную Россией тенденцию к расширению многополярности, противостоянию диктату западных стран и реальному противодействию транснациональным угрозам безопасности,

asean.org/dmdocuments/2021_Jun_8th%20ADMM-Plus_16%20June%202021,%20VC_1.%20Special%20Declaration.pdf (accessed: 05.01.2024).

⁵⁹ Joint Declaration by the ADMM-Plus Defence Ministers on Defence Cooperation to Strengthen Solidarity for a Harmonized Security // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 23.11.2022. Available at: https://admm.asean.org/dmdocuments/2022_Nov_9th%20ADMM-Plus_Siem%20Reap_23%20November%202022_Joint%20Declaration.pdf (accessed: 05.01.2024).

АСЕАН подчеркнула значение военно-технического сотрудничества с Москвой в рамках СМОА-плюс, и это был лучший ответ на все прилагаемые Западом усилия по навязыванию антироссийской риторики в мире. Таким образом, Ассоциация оказалась способна занять единую позицию по столь важному вопросу, как недопущение внешнего давления в оценке международных процессов со стороны диалоговых партнеров, в данном случае — стран Запада. Принцип ее центральной роли показал свою важность в действии.

Практическое сотрудничество

Практическая сторона сотрудничества в СМОА-плюс заключается в работе экспертных групп: многосторонних учениях, семинарах и конференциях. В документации Совещания они учитываются по циклам контактов, которые соответствуют срокам председательства сторон в экспертных группах. Так, за первый цикл работы форума, с 2011 по 2013 г., были проведены следующие мероприятия: учения по безопасности на море, антитеррористическим операциям, гуманитарному реагированию и военной медицине; штабные учения по безопасности на море, миротворческим операциям и военной медицине; семинары по миротворческим операциям (дважды) и безопасности на море⁶⁰. Для начального этапа работы международного объединения объем достаточно большой, и в нем, что важно, были задействованы все пять созданных на тот момент экспертных групп.

Во втором цикле, с 2014 по 2017 г., стороны организовали учения по безопасности на море (дважды), антитеррористическим операциям, гуманитарному реагированию, военной медицине, разминированию и миротворческим операциям; штабные учения по безопасности на море; семинары по борьбе с пиратством, миротворческим операциям и дважды — по разминированию⁶¹. На этом этапе стало больше направлений сотрудничества за счет добавления экспертной группы по разминированию и появилась тенденция совмещать по два вида учений за один раз. Последнее, хотя и может быть удобным технически, не очень способствует пространственному и временно-

⁶⁰ About the ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus // ASEAN Defence Ministers' Meeting. 11.01.2024. Available at: <https://admm.asean.org/index.php/about-admm/about-admm-plus.html> (accessed: 05.01.2024).

⁶¹ Ibidem.

му расширению связей, но, возможно, стороны выбрали такой путь в целях экономии ресурсов.

В третьем цикле, с 2018 по 2020 г., были проведены конференция по безопасности на море, учения по военной медицине, безопасности на море, антитеррористическим операциям, миротворческим операциям и разминированию; штабные учения по безопасности на море, информационной безопасности, антитеррористическим операциям, миротворческим операциям и гуманитарному реагированию⁶². Обращают на себя внимание два новшества: во-первых, добавилось направление информационной безопасности, и это большой плюс для расширения контактов сторон, а во-вторых, увеличилось число штабных учений, чему есть свое объяснение: с началом пандемии взаимодействие было переведено в виртуальный формат, но не прекращалось и продолжилось таким образом.

В четвертом цикле, стартовавшем в 2021 г. и запланированном до 2024 г., успели пройти конференция, обучающая программа и штабные учения по безопасности на море, обучающая программа по миротворчеству, учения по разминированию, семинар «Женщины, мир и безопасность», штабные учения по антитеррористическим операциям, конференция по химической, биологической и радиационной безопасности, учения по гуманитарному реагированию и по кибербезопасности⁶³. Теперь мероприятия проходят как в очном, так и в гибридном форматах. Заседания экспертных групп остаются регулярными.

Как можно увидеть, структура практического сотрудничества достаточно диверсифицированная и постоянная. Парадокс в том, что практическое сотрудничество есть, но его реального воплощения нет. На протяжении 12 лет работы Совещания произошел целый ряд ситуаций, в которых взаимодействие сторон могло бы обеспечить необходимую помощь: например, рост террористической активности на Филиппинах, исчезновение малайзийского «Боинга» над Индийским океаном, катастрофа индонезийской подводной лодки в районе о. Бали, тайфуны, лесные пожары, нападения пиратов на

⁶² Ibidem.

⁶³ Past meetings and events (2006–2023) // ASEAN Defence Ministers' Meeting. Available at: <https://admm.asean.org/index.php/events/past-meetings-and-events.html> (accessed: 05.01.2024).

морские суда, пандемия COVID-19. Однако общего ответа СМОА-плюс не последовало. Страны АСЕАН получали помощь только от отдельных партнеров. По идее, совместные учения нужно проводить ради координации, чтобы вместе противостоять угрозам, но многие внешние участники СМОА-плюс имеют конфликты в двусторонних отношениях — либо между собой, либо со странами АСЕАН, а значит, их мотивация объективно должна быть иной. Скорее большинству сотрудничество необходимо для развития формальных и неформальных связей между представителями вооруженных сил, демонстрации оперативных возможностей своих армий друг другу, изучения работы ВС соперников и даже потенциальных театров военных действий, прежде всего морских акваторий и прибрежных зон. Пока мотивации сторон обеспечивают их желание участвовать в СМОА-плюс, а значит, связи будут наращиваться и впредь.

Одновременно можно отметить и положительный пример, когда сотрудничество в формате СМОА-плюс приобрело постоянный характер в двусторонней плоскости: это произошло в случае с Россией и Лаосом, которые были сопредседателями в экспертной группе по разминированию в 2017–2020 гг. Стороны провели содержательный цикл общей работы, а российские специалисты начали осуществлять разминирование на территории Лаоса (там осталось множество неразорвавшихся боеприпасов со времен войны во Вьетнаме) и обучение саперов лаосских вооруженных сил⁶⁴. Однако не все внешние партнеры готовы добросовестно вкладываться в сотрудничество со странами АСЕАН. Скорее большинство могут рассматривать практические мероприятия СМОА-плюс в рамках Совещания лишь с точки зрения собственных интересов.

* * *

По результатам рассмотрения темы можно сделать следующие выводы. СМОА-плюс по своей правовой природе является международным форумом, хотя и не совсем типичным. Его решения не носят юридически обязывающего характера, однако он приобрел довольно строгую и постоянную структуру, расширяющуюся с течением времени: саммиты глав оборонных ведомств, переговоры

⁶⁴ Замминистра обороны РФ провел переговоры с министром обороны Лаоса // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 23.11.2022.

старших должностных лиц, семь рабочих групп, сопредседательство в каждой из них на паритетной основе страны АСЕАН и партнера по диалогу, регулярные учения, семинары и конференции. Вместе с тем можно отметить, что к более жесткой структуре не стремятся ни сама АСЕАН, ни другие члены Совещания.

На протяжении 12 лет функционирования форума целесообразно выделить ряд этапов его развития. На начальном этапе — 2010–2015 гг. — шло формирование институтов объединения, запускалась их работа, появлялись структурные нововведения. В качестве второго этапа можно выделить 2015–2018 гг. В этот период Совещание столкнулось с кризисом принятия решений и было вынуждено искать новые точки соприкосновения для продолжения своей деятельности. На третьем этапе — в 2018–2021 гг. — оно вновь начало вырабатывать общие позиции и функционировало стабильно, но пережило некоторую стагнацию из-за ограничения контактов во время пандемии. Наконец, в 2022 г. для СМОА-плюс начался новый этап, когда в условиях изменения международного порядка АСЕАН пытается отстоять свое место и свой независимый статус посреди противоборствующих центров силы современного мира.

У Совещания есть главный элемент любого многостороннего объединения — практическое сотрудничество. Вместе с тем значимого эффекта, ощутимого в реальной жизни обществ стран-участниц, оно пока не принесло и вряд ли когда-либо сможет принести из-за наличия противоречий между рядом его членов, в том числе и внутри АСЕАН (отсутствие единого подхода к разрешению споров в Южно-Китайском море, к оценке гражданских конфликтов в Мьянме, экономическое соперничество и другие факторы). По этой же причине Совещание не вырабатывает и не представляет на международной арене конкретных консолидированных оценок проблем глобальной и региональной безопасности: такая опция осталась за пределами его компетенции и организационных возможностей. Однако для всех его участников само поддержание контактов получается более значимым, чем его содержательное наполнение, поскольку они имеют возможность обмениваться мнениями и устанавливать новые связи в военной среде.

Положение стран АСЕАН и диалоговых партнеров в СМОА-плюс неравноценно. Последние ограничены в своих инициативах и про-

явлении своих взглядов, по сути, лишь возможностью публичных выступлений, тогда как члены АСЕАН председательствуют на самитах, ведут документацию СМОА-плюс и предварительно согласовывают повестку в рамках внутриасеановского СМОА. На площадке, где собраны крупные игроки мировой политики, такой расклад сил, по сути, является способом сохранения центральной роли АСЕАН. Благодаря ему СМОА-плюс возвращает к жизни несколько подзабытое единство Ассоциации: в его рамках она демонстрирует общее стремление к тому, чтобы быть равноудаленной от центров силы, развивать одинаково интенсивные связи с Россией, США, Китаем, Индией и другими акторами, отстаивает невмешательство в свои внутренние дела и недопущение внешнего давления. Дальнейшее развитие СМОА-плюс во многом будет зависеть именно от позиции АСЕАН и закрепления ее места в обновленном многополярном мире.

Если говорить о значении и перспективах СМОА-плюс для России, то курс нашей страны в этом объединении объективно привлекателен для АСЕАН: Москва не навязывает, в отличие от Запада или Китая, всеобъемлющих проектов, ни политических, ни экономических, не требует эксклюзивных обязательств, не заставляет никого признавать исключительно определенные геополитические концепции. Когда партнер ни к чему не вынуждает Ассоциацию, не заставляет ее безоговорочно принимать свою сторону и не слышать чужие мнения, это не просто норма, а наиболее предпочтительный вариант. Поэтому можно сказать, что позиция России в СМОА-плюс выигрышна для связей с АСЕАН и выглядит более перспективной, чем курс Запада, Японии или Китая. Кроме того, РФ — единственный участник СМОА-плюс, который четко придерживается принципа невмешательства в не затрагивающие ее интересы региональные конфликты. Пока США и их союзники оказывают на АСЕАН, в том числе через СМОА-плюс, давление, чтобы Ассоциация следовала их точке зрения в международных делах, а Китай настойчиво продвигает свои экономические проекты, кредитную зависимость и идею «единой судьбы», Россия продолжает действовать нейтрально, как ответственная великая держава, решать реальные задачи сотрудничества и вести равноправный, практико-ориентированный диалог. Таким образом, формат СМОА-плюс для нашей страны не только удобен; он предоставляет организационные возможности для того, чтобы развивать отношения с АСЕАН, собственное диалоговое

партнерство и расширять в нем функционал военно-технического сотрудничества в своих интересах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинина В.В. Совещание министров обороны стран — членов АСЕАН и диалоговых партнеров (СМОА-плюс) как новый элемент формирующейся архитектуры безопасности в ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 3. № 4 (49). С. 34–46. DOI: 10.31696/2072-8271-2020-3-4-49-034-046.
2. Канаев Е.А., Бэ Б. ИТР, многосторонняя дипломатия АСЕАН и морские территориальные споры СВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2. № 3 (40). С. 12–22.
3. Канаев Е.А., Шумкова В.А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 458–468. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468.
4. Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: Форум, 2019.
5. Страны Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона между Пекином и Вашингтоном / Отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2021.
6. Сумский В.В. Опыт регионализма на азиатском Юго-Востоке и поиск ответов на новые вызовы // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3 (50). С. 5–11. DOI: 10.17994/it.2017.15.3.50.1.
7. Ba A. ASEAN and the changing regional order: The ARF, ADMM, and ADMM-Plus // ASEAN@50. 2017. Vol. 4. P. 146–157. Available at: https://www.eria.org/ASEAN_at_50_4A.8_Alice_Ba_final.pdf (accessed: 05.01.2024).
8. Chye T.S. Strengths and weaknesses of the ADMM and ADMM-Plus // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 10–12.
9. Donohue L.R. Strengths and weaknesses of the ADMM-Plus: Challenges and opportunities for cooperation // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 25–27.
10. Galang M. 2017 ADMM and ADMM-Plus: Challenges for Philippine defense diplomacy // National Defense College of the Philippines Policy Brief. 2016. No. 2. P. 1–4.
11. Gindarsah I. Defence diplomacy in Southeast Asia: A review // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 15–18.

12. Graham E. The ADMM-Plus: Move backwards to move forward // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 35–37.

13. Guo X. The future of the ADMM-Plus // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 32–34.

14. Ken J. The ADMM-Plus: Anchoring diversified security cooperation in a three-tiered security architecture // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 28–31.

15. Pitakdumrongkit K. Military medicine cooperation under the ADMM-Plus: Progress, challenges and ways forward // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 40–43.

16. Quilop R.J.G. Challenges for the ADMM and ADMM-Plus: A Philippine perspective // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 19–21.

17. Tan S.S. The ADMM and ADMM-Plus: Progressing slowly but steadily? // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 6–9.

18. Tan S.S. Defence and security cooperation in East Asia: Whither ASEAN centrality? // International security in the Asia-Pacific: Transcending ASEAN towards transitional polycentrism / Ed. by A. Chong. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 61–84.

19. Trong V.T. The future of the ADMM // Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific / Ed. by S. Teo, B. Singh. Singapore: RSIS, 2016. P. 22–24.

20. Yuzawa T. ASEAN in the era of Japan–China tensions: Diplomatic opportunities or strategic dilemmas? // International Security in the Asia-Pacific: Transcending ASEAN towards transitional polycentrism // Ed. by A. Chong. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 149–173.

REFERENCES

1. Vershinina V.V. 2020. Soveshchanie ministrov oborony stran — chlenov ASEAN i dialogovykh partnerov (SMOA+) kak novyi element formiruyushcheysya arkhitektury bezopasnosti v YuVA [ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus (ADMM-Plus) as a new element in the emerging security architecture of Southeast Asia]. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, vol. 3, no. 4 (49), pp. 34–46. DOI: 10.31696/2072-8271-2020-3-4-49-034-046. (In Russ.)

2. Kanaev E.A., Bae B. 2018. ITR, mnogostoronnyaya diplomatiya ASEAN i morskije territorial'nye spory SVA [The Indo-Pacific region, ASEAN multilateral diplomacy and Northeast Asian maritime territorial disputes]. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, vol. 2, no. 3 (40), pp. 12–22. (In Russ.)

3. Kanaev E.A., Shumkova V.A. 2017. Evrazijskie priorityty aseanotsentrichnykh dialogovykh formatov po voprosam bezopasnosti [ASEAN-led multilateral security dialogue: Eurasian priorities]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no. 3, pp. 458–468. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468. (In Russ.)

4. Lokshin G.M., Kobelev E.V., Mazyrin V.M. 2019. *Soobshchestvo ASEAN v sovremennom mire* [ASEAN community in the modern world]. Moscow, Forum Publ. (In Russ.)

5. Astaf'eva E.M. (ed.). 2021. *Strany Yugo-Vostochnoi Azii i Yuzhno-Tikhookeanskogo regiona mezhdru Pekinom i Vashingtonom* [Southeast Asia and the South Pacific between Beijing and Washington]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)

6. Sumsy V.V. 2017. Opyt regionalizma na aziatskom Yugo-Vostoke i poisk otvetov na novye vyzovy [Record and challenges of regionalism in Southeast Asia]. *International Trends*, vol. 5, no. 3 (50), pp. 5–11. DOI: 10.17994/it.2017.15.3.50.1. (In Russ.)

7. Ba A. 2017. ASEAN and the changing regional order: The ARF, ADMM, and ADMM-Plus. *ASEAN@50*, vol. 4, pp. 146–157. Available at: https://www.eria.org/ASEAN_at_50_4A.8_Alice_Ba_final.pdf (accessed: 05.01.2024).

8. Chye T.S. 2016. Strengths and weaknesses of the ADMM and ADMM-Plus. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 10–12.

9. Donohue L.R. 2016. Strengths and weaknesses of the ADMM-Plus: Challenges and opportunities for cooperation. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 25–27.

10. Galang M. 2016. 2017 ADMM and ADMM-Plus: Challenges for Philippine defense diplomacy. *National Defense College of the Philippines Policy Brief*, no. 2, pp. 1–4.

11. Gindarsah I. 2016. Defence diplomacy in Southeast Asia: A review. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 15–18.

12. Graham E. 2016. The ADMM-Plus: Move backwards to move forward. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 35–37.

13. Guo X. 2016. The future of the ADMM-Plus. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 32–34.

14. Ken J. 2016. The ADMM-Plus: Anchoring diversified security cooperation in a three-tiered security architecture. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 28–31.

15. Pitakdumrongkit K. 2016. Military medicine cooperation under the ADMM-Plus: Progress, challenges and ways forward. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 40–43.

16. Quilop R.J.G. 2016. Challenges for the ADMM and ADMM-Plus: A Philippine perspective. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 19–21.

17. Tan S.S. 2016. The ADMM and ADMM-Plus: Progressing slowly but steadily? In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 6–9.

18. Tan S.S. 2018. Defence and security cooperation in East Asia: Whither ASEAN centrality? In: Chong A. (ed.). *International security in the Asia-Pacific: Transcending ASEAN towards transitional polycentrism*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 61–84.

19. Trong V.T. 2016. The future of the ADMM. In: Teo S., Singh B. (eds.). *Roundtable on the future of the ADMM/ADMM-Plus and defence diplomacy in the Asia Pacific*. Singapore, RSIS, pp. 22–24.

20. Yuzawa T. 2018. ASEAN in the era of Japan–China tensions: Diplomatic opportunities or strategic dilemmas? In: Chong A. (ed.). *International security in the Asia-Pacific: Transcending ASEAN towards transitional polycentrism*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 149–173.

Статья поступила в редакцию 29.11.2023;
одобрена после рецензирования 06.01.2024;
принята к публикации 03.08.2024

The paper was submitted 29.11.2023;
approved after reviewing 06.01.2024;
accepted for publication 03.08.2024

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-89-124

Научная статья / Research paper

Д.А. Кузнецов, В.А. Дмитриева*

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СТРАНЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА: ТЕНДЕНЦИИ И ДИСКУРСЫ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В последние годы дискуссии о сути гуманитаризации и гуманизации международных отношений усиливаются в связи с обострением экономических, социальных, этических проблем на фоне резкого ухудшения международной обстановки, ареной которого всё чаще становятся страны Глобального Юга. В этом контексте данная статья направлена на выявление специфики и сравнительный анализ подходов государств развитого и развивающегося мира (Севера и Юга) к определению форматов, содержания и назначения гуманитарной дипломатии в современной мировой политике. В первой части подробно рассмотрены академические дискуссии по проблемам гуманитарной дипломатии. Авторы заключают, что в зарубежных и российских международно-политических исследованиях можно выделить два подхода к осмыслению и решению гуманитарных проблем Глобального Юга — объектный и субъектный. Первый характерен для развитых стран Глобального Севера и во многом восходит своими корнями к практикам эпохи колониализма. Второй стал набирать популярность в академических исследованиях в XXI в. на фоне появления феномена «растущих держав», возникновения в их среде «новых доноров», запуска и реализации совместных программ развития непосредственно странами Глобального Юга с опорой на региональные финансовые ин-

* Кузнецов Денис Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России (e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0001-6265-2774); Дмитриева Валентина Андреевна — аспирант кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России (e-mail: dmitrieva.v.a@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-4827-3043).

ституты. При этом авторы отмечают, что академические исследования, как правило, фокусируются преимущественно на изучении динамики изменения объемов помощи и условий ее предоставления, в то время как целый ряд современных тенденций развития гуманитарной дипломатии оказывается несколько в тени. Их рассмотрению посвящен второй раздел статьи. Особое внимание уделено тенденции к транснационализации и приватизации гуманитарной дипломатии — всё более деятельному участию в ней негосударственных и гибридных акторов. В третьей части проанализированы особенности гуманитарной дипломатии ряда ведущих стран Глобального Юга (КНР, Индии, Турции), обозначена специфика подходов к этой проблематике государств АСЕАН, Латинской Америки, арабских монархий. Проведенное исследование позволяет выделить несколько общих принципов и установок, характерных для гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга: широкий, плюралистический подход к пониманию «гуманитарного» — включение в орбиту гуманитарной дипломатии вопросов культурной, научной, академической, молодежной политики; опора на идею солидарности и гуманитарного сотрудничества (вместо реципиент-донорской модели взаимодействия); ненормативность гуманитарной политики; опора на принципы суверенитета в реализации гуманитарной дипломатии.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, содействие международному развитию, иностранная помощь, Глобальный Юг, развивающиеся страны, гуманитаризм, гуманитаризация, сотрудничество Юг–Юг

Для цитирования: Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны Глобального Юга: тенденции и дискурсы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 89–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-89-124.

Denis A. Kuznetsov, Valentina A. Dmitrieva

HUMANITARIAN DIPLOMACY AND THE COUNTRIES OF THE GLOBAL SOUTH: TRENDS AND DISCOURSES

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

In recent years, discussions about the essence of humanitarization and humanization of international relations have intensified due to the aggravation of economic, social, and ethical problems against the background of a sharp

deterioration in the international situation, particularly in the Global South. This paper aims to identify the specifics and provide a comparative analysis of the approaches of both the developed and developing states of the North and the South to the formats, content and purpose of humanitarian diplomacy in contemporary world politics. The first section examines academic discussions on the issues of humanitarian diplomacy. The authors highlight two main approaches in foreign and Russian international political studies to addressing the humanitarian problems of the Global South — an objectal and a subjectal ones. The former is typically associated with the developed countries of the Global North and is rooted in the practices of the colonial era. The latter gained prominence in academic research in the 21st century with the emergence of the ‘new donors’, which promoted joint development programs led by the countries of the Global South and built on regional financial institutions. At the same time, the authors note that academic research tends to focus primarily on the dynamics of aid flows and conditions for development assistance, while a number of current trends in the humanitarian diplomacy remain understudied. These trends are examined in the second section of the article. The authors emphasize the growing trend towards transnationalization and privatization of humanitarian diplomacy, active involvement of non-state and hybrid actors. The third section outlines the key features of humanitarian diplomacy of the leading countries of the Global South (China, India, Turkey), as well as that of the ASEAN states and Arab monarchies. The authors identify several general principles of humanitarian diplomacy shared by the countries of the Global South: a broad, pluralistic understanding of the humanitarian agenda to include cultural, scientific, academic, and youth policy issues; commitment to the ideas of solidarity and humanitarian cooperation (instead of the donor-recipient model); normative neutrality of the humanitarian policy; adherence to the principles of state sovereignty.

Keywords: humanitarian diplomacy, international development assistance, foreign aid, Global South, developing countries, humanitarianism, humanitization, South–South cooperation

About the authors: Denis A. Kuznetsov — PhD (Political Science), Associate Professor, Department of World Political Processes, MGIMO University (e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0001-6265-2774); Valentina A. Dmitrieva — PhD Candidate, Department of World Political Processes, MGIMO University (e-mail: dmitrieva.v.a@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-4827-3043).

For citation: Kuznetsov D.A., Dmitrieva V.A. 2024. Humanitarian diplomacy and the countries of the Global South: Trends and discourses. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 89–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-89-124. (In Russ.)

Повышение значимости человеческого фактора в международной политике, инструментализация этико-правового компонента, нерешенные проблемы глобальных общественных благ и широкое принятие девелопменталистской парадигмы на уровне глобальных и региональных институтов продолжают актуализировать гуманитарное измерение мировой политики. В последние годы дискуссии о сути гуманитаризации и гуманизации международных отношений усиливаются и в связи с актуализацией этических проблем, связанных с новыми технологиями, включая военные, а также с широким обсуждением концепций когнитивной эры, транс- и постгуманизма [Громогласова, 2018а; Лебедева, 2021; Kotilainen, 2016; Aaltola, 2009; Barnett, 2005, 2013; Douzinas, 2007; Duffield, 2007, 2019; Panajoti, 2009; Crawford, 2002; Campbell, Shapiro, 1999; Bell, 2010; Maxwell, Gelsdorf, 2019]. Регионализация гуманитарных кризисов, наследуемость гуманитарных проблем, обесценивание человеческой жизни в зонах хронически тяжелых гуманитарных ситуаций повышают хрупкость гуманитарных концепций и снижают эффективность проводимых гуманитарных программ. Влияние на это оказывал и продолжает оказывать и сам переходный характер международной системы: возникновение «новых» видов конфликтов, «новых» вызовов и угроз, «новых» влиятельных акторов, «нового» уклада глобальной экономики — всё это требует создания компенсаторных механизмов в условиях усложняющейся международной реальности. Появление концепции «гуманитаризации мировой политики» [Лебедева, 2021] дополнительно подчеркивает значимость человеческого измерения во всём многообразии современных политических проблем, кризисов, вызовов и дискурсов.

Цель настоящей статьи — выявить специфику и противоречия формирующихся подходов стран развитого и развивающегося мира (Севера и Юга) к определению форматов, содержания и назначения гуманитарной дипломатии в современной мировой политике. Для этого в статье обобщаются концептуальные представления о гуманитарной дипломатии, выделяются тенденции ее развития и сопоставляются подходы ведущих стран к ее содержательному наполнению.

Академические дискуссии по проблемам гуманитарной дипломатии

Считается, что впервые термин «гуманитарная дипломатия» употребил в начале XX в. американский дипломат и политик Оскар Штраус [Straus et al., 1912]. Тем не менее проблематику гуманитарной дипломатии как отдельного явления начали рассматривать в академической литературе уже в XXI в. [Богатырёва, 2022]: первой монографией на эту тему стала книга Л. Минеара и Х. Смит [Humanitarian diplomacy..., 2007]. После вхождения в академический дискурс термин, не получивший единого определения, начали использовать для характеристики гуманитарной деятельности различных акторов — от неправительственных гуманитарных организаций (как, например, Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца) до национальных министерств иностранных дел, обороны, развития, гражданской обороны и институтов сотрудничества, занимающихся оказанием гуманитарной помощи в случае чрезвычайных ситуаций [Régnier, 2011]. Дискуссия ведется относительно не только акторов, осуществляющих гуманитарную дипломатию, но также видов и целей этой деятельности. Так, Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца определяет гуманитарную дипломатию в контексте ведения переговоров по гуманитарным вопросам как «действия по убеждению лиц, принимающих решения, и лидеров действовать в любое время и при любых обстоятельствах в интересах уязвимых людей и при полном уважении фундаментальных гуманитарных принципов»¹. Л. Минеар и Х. Смит сделали акцент на акторах гуманитарной дипломатии, каковыми традиционно являются работники гуманитарных организаций и ООН [Humanitarian diplomacy..., 2007]. Для Ф. Ренье гуманитарная дипломатия является частью мировой гуманитарной системы и существует на разных уровнях: международном, национальном, локальном. В его методологию укладываются как акторы гуманитарных организаций, так и государственные институты, занимающиеся вопросами гуманитарной деятельности [Régnier, 2011]. Одна из общих черт этих определений — понимание гуманитарного как вопросов прав человека, обеспечения достойной и безопасной жизни, защиты ценности человека [Практика

¹ IFRC. Humanitarian Diplomacy Policy // IFRC. 20.07.2017. Available at: https://www.ifrc.org/sites/default/files/Humanitarian-Diplomacy-Policy_EN.pdf (accessed: 13.03.2024).

современной гуманитарной дипломатии, 2022], что связывает это явление напрямую с гуманитаризмом (борьбой за людей и помощью нуждающимся) [De Lauri, 2018].

При этом вокруг феномена гуманитаризма также ведется дискуссия относительно его содержательного ядра: если ранее его увязывали с такими принципами, как гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность, единство и универсальность [Egeland, 2013], то в современной мировой политике они потеряли свою актуальность: гуманитаризм политизировался ввиду изменений мирового порядка [Barnett, 2005].

В этих условиях в центре внимания академических дискуссий оказались ряд смежных гуманитарных концепций (например, гуманитарных интервенций при наличии или отсутствии мандата Совета Безопасности ООН [Kolb, 2003]), а также вопросы инструментализации гуманитарного дискурса во внешней политике государств. Некоторые исследователи утверждают, что «гуманитарная дипломатия» появилась в продолжение концепции «обязанности вмешаться» (*duty to interfere*) [Guillot, 1994]. При этом ряд авторов отмечают, что условием большей гуманитаризации и гуманизации международной политики выступает наличие устойчивой системы международных отношений [Громогласова, 2018a; Barnett, 2013]. В целом за последние два десятилетия число исследований, посвященных гуманитарной дипломатии, значительно возросло. Не стала исключением и Россия.

Первыми отечественными исследованиями, обобщившими дискуссии вокруг данного феномена, стали труды Е.С. Громогласовой [Громогласова, 2018a]. Благодаря большой работе по концептуализации понятия, сопоставлению различных подходов и осмыслению растущего эмпирического материала автору удалось проследить и обосновать связку понятия «гуманитарного» и дипломатии в науке и практике международных отношений: в ее исследованиях подчеркивается ненасильственный характер дипломатии, с архаичного периода прослеживается взаимосвязь этического («гуманного») поведения с другими племенами, установления и поддержания мирных контактов с соседями, когда дипломатические ненасильственные действия объяснялись рациональными мотивами.

В целом следует отметить, что традиционно в России понятие «гуманитарная дипломатия» — в широком смысле — используется синонимично с понятиями «гуманитарная политика» и «социально-

гуманитарное сотрудничество» [Практика современной гуманитарной дипломатии, 2022]. В основном это связано с многозначностью самого термина «гуманитарный» в русском языке. В зарубежной литературе под гуманитарной дипломатией понимается гораздо более узкая проблематика [Практика современной гуманитарной дипломатии, 2022]. Однако в последние несколько лет российские авторы также стали всё чаще разделять данные понятия [Табаринцева-Романова, 2020; Практика современной гуманитарной дипломатии, 2022]. Если под социально-гуманитарным сотрудничеством подразумевают всё многообразие международного взаимодействия по вопросам «низкой политики» (культурная, молодежная, академическая, спортивная, музейная, научная, религиозная и проч.), то гуманитарную дипломатию начинают трактовать как направление внешней политики, опирающееся на человеческое измерение международных отношений, нацеленное на создание безопасной и благоприятной среды для жизни и развития человека, реализуемое в виде помощи развитию, устранения последствий чрезвычайных ситуаций и конфликтов, защиты базовых прав человека и обеспечения его благополучия в условиях гуманитарных вызовов [Табаринцева-Романова, 2021]. Именно так понимается гуманитарная дипломатия и в настоящей статье.

К числу современных гуманитарных вызовов соответственно следует относить крайнюю нищету, голод, массовые болезни, приобретающие характер эпидемий и пандемий, затянувшиеся конфликты с массовой гибелью среди некомбатантов и сопутствующей девальвацией человеческой жизни, внутренние вооруженные противостояния и терроризм, неконтролируемую миграцию, вынужденное переселение лиц и беженство, массовые преступления против человечности и нарушения прав человека [Кузнецов, 2024]. Большая часть данных проблем сконцентрирована именно в государствах Глобального Юга, что требует от развивающихся стран значительной активности в их решении.

В широком смысле в настоящее время в академической литературе выделяются две стратегии решения гуманитарных проблем Глобального Юга — объектная и субъектная. Объектная стратегия была отработана на практике во второй половине XX в., когда преодоление большинства вызовов, с которыми сталкивался Глобальный Юг, увязывалось с усилиями развитых стран Севера — бывших

метрополий и инициаторов международных программ помощи развитию в рамках как глобальных, так и региональных организаций, прежде всего ООН и ее «семьи», Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Группы Всемирного банка и ЕС. В такой системе все государства делились на две категории — доноров и реципиентов, причем последним отводилась зависимая и дискурсивно подчиненная роль: они должны были в основном принимать предлагаемые им концепции развития, выполнять «домашние задания» по их реализации (например, проводить реформы в соответствии с Вашингтонским консенсусом), заниматься поиском инвестиций в рамках связанной помощи и становиться объектами широкой критики за провалы.

В научной литературе, посвященной этой стратегии, основное внимание сосредоточено на проблемах повышения эффективности гуманитарной дипломатии, принимающей форму оказания странами Севера помощи реципиентам Юга. Наиболее острые дискуссии идут вокруг вопроса о необходимости, допустимости и целесообразности «связывания» помощи (*tying aid*), т.е. установления определенных условий для реципиентов для приобретения товаров и услуг в стране-доноре. Комитет содействия развитию (КСР) ОЭСР рекомендует предоставлять несвязанную помощь, мотивируя это административными затратами и возможной несовместимостью технологий донора и реципиента². В то же время в литературе отмечается, что эффективность несвязанной помощи по сравнению со связанной спорна и не подтверждается в достаточном объеме доступными данными³. Кроме того, несвязанная помощь может выполнять задачу улучшения имиджа донора в стране-реципиенте [Arvin, Baum, 2007] и тем самым приносить доходы в первую очередь донору [Ali et al., 2015], что может негативно отразиться на достижении изначальных целей оказания помощи. Критики объектного подхода отмечают в целом низкую эффективность гуманитарной деятельности стран Севера [Doucouliagos, Manning, 2009].

² Untied aid // OECD. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/untied-aid.htm> (accessed: 02.05.2024).

³ Miquel-Florensa J.M. Aid effectiveness: A comparison of tied and untied aid // Working Papers. April, 2007. Available at: https://www.yorku.ca/wp-content/uploads/sites/205/2020/10/April2007_TiedUntied.pdf (accessed: 04.04.2024).

Альтернативная этому подходу субъектная парадигма стала набирать популярность в академических исследованиях в XXI в., в том числе и после мирового финансового кризиса конца 2000-х годов, на фоне появления феномена растущих держав, возникновения в их среде «новых доноров», запуска и реализации совместных программ развития с опорой на региональные финансовые институты. В центре такого подхода оказываются «новые доноры», которые сами сталкиваются с вызовами, способны поделиться опытом с другими государствами Юга и часто осуществляют свою деятельность не через КСР ОЭСР.

Исследователи сравнивают «новых доноров» с традиционными для выявления схожих и различных черт при осуществлении ими гуманитарной дипломатии и для анализа ее эффективности⁴ [Dreher et al., 2011, 2013; Palagashvili, Williamson, 2021]. Их оценки предсказуемо разнятся. Одни авторы подчеркивают, что появление «новых доноров» привело к усложнению и ухудшению гуманитарного взаимодействия из-за увеличения количества акторов, и отмечают, что «новые доноры» еще меньше заботятся о нуждах реципиента, чем традиционные, и точно так же не учитывают уровень коррупции в принимающей стране, что снижает эффективность помощи [Dreher et al., 2011, 2013]⁵. Наибольшей критике подвергается Китай⁶. Другие исследователи видят в появлении «новых доноров» возможность для ускорения достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН. Такие авторы указывают, что «новые доноры» направляют средства в те регионы, с которыми не работают страны, входящие в КСР ОЭСР (Йемен, Мальдивы, Бангладеш)⁷, а также не распыляют помощь между государствами и реже используют ненадежные каналы [Palagashvili, Williamson, 2021].

⁴Smith K. Non-DAC donors and humanitarian aid: Shifting structures, changing trends // Devinit. 2011. Available at: https://devinit.org/wp-content/uploads/2011/07/GHA-NDD_Web-revised-fig-21.pdf (accessed: 01.05.2024).

⁵Davies P. A review of the roles and activities of new development partners // CFP Working Paper Series 4. Washington, D.C.: World Bank, 2010. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/824291468330960846/pdf/538660NWP0CFPW10Box345632B01PUBLIC1.pdf> (accessed: 08.05.2024).

⁶Dreher A., Fuchs A. Rogue aid? The determinants of China's aid allocation. // CESifo. 2011. Working Paper No. 3581. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/52444/1/668754397.pdf> (accessed: 01.05.2024).

⁷Smith K. Op. cit.

Тенденции развития гуманитарной дипломатии

Как представляется, тенденции развития гуманитарной дипломатии, особенно на современном этапе, в научной среде осмысляются несколько односторонне: в основном исследователей интересуют вопросы динамики изменения объемов помощи и ранжирования государств по этому показателю⁸ [Jones, 2015]. В ряде статей можно заметить упоминание иных аспектов современной гуманитарной дипломатии: проблемы ее использования с ненадлежащими целями, статусные мотивы и ее полимодальный характер [Табаринцева-Романова, 2020; Богатырёва, 2022], тенденции к выделению больших объемов средств в конфликтные зоны по сравнению с зонами, пострадавшими от стихийных бедствий [Cook, Gong, 2021]. Однако работ, которые бы были целиком посвящены современным тенденциям развития гуманитарной дипломатии, на данный момент не опубликовано.

В истории международных отношений процесс гуманизации развивался нелинейно. Так, становление системы международного гуманитарного права в XX в. сопровождалось двумя наиболее разрушительными войнами в истории, чудовищными по своим гуманитарным последствиям. Ранее, в XVIII–XIX вв., дискуссии об отмене рабства в мире соседствовали с тотальной эксплуатацией колоний и открытием «человеческих зоопарков» и т.д. Однако важно подчеркнуть, что речь идет именно о нелинейности гуманизации, поскольку в целом тренд на рационализацию ненасилия, кооперационное решение международных вызовов, формирование правил ведения вооруженных конфликтов, создание каналов международной гуманитарной помощи и глобальных организаций, нацеленных на решение проблем развития, характерен для исторической эволюции международных отношений [Barnett, 2013]. В постбиполярную эпоху это получило отражение и в осязательном расширении гуманитарной повестки международных институтов, в том числе Совета Безопасности ООН: число резолюций с гуманитарным компонентом увеличилось в несколько раз по сравнению с биполярным периодом [Лебедева, Устинова, 2020]. Например, в 2024 г. за 3 месяца все 7 принятых резолюций Совета Безопасности ООН были связаны с гума-

⁸ Kharas H. Trends and issues in development aid // Wolfensohn Center for Development Working Paper No. 1. 2008. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/11_development_aid_kharas.pdf (accessed: 08.05.2024).

нитарными кризисами в Йемене, Судане, Афганистане, Палестине и на Кипре и мерами по их решению⁹.

Еще одной ощутимой исторической тенденцией следует назвать транснационализацию и приватизацию гуманитарной дипломатии — всё более деятельное участие в ней негосударственных и гибридных [Лебедева, 2013] акторов. Если в Средневековье значимую роль — помимо суверенов — играли религиозные акторы (церковь), то уже к XIX в. круг субъектов значительно расширился: в мире действовало несколько сначала околорелигиозных, а затем и светских общественных движений, цель которых заключалась в организации гуманитарной помощи («Сестры милосердия», «Скорая помощь Святого Иоанна», Международный Комитет Красного Креста и т.п.). Деятельность Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, ставшего гарантом международного гуманитарного права, а также других неправительственных организаций («Врачи без границ», «Международная амнистия» и др.) имеет особое значение и для современной гуманитарной дипломатии.

В последние годы в рассматриваемую сферу начал вовлекаться транснациональный бизнес, участие которого традиционно связывается с практикой социальной ответственности (Environment, Social, Governance, ESG) и оказанием гуманитарной помощи (в соответствии со специализацией компаний) [Ratajczak, Broś, 2023]. Так, в крупных компаниях создаются отдельные институты, посвященные гуманитарной деятельности и оказанию помощи в целях содействия развитию. Например, в группе «J.P. Morgan» функционирует Институт по финансированию развития, осуществляющий работу по нескольким направлениям: поддержка кампаний по улучшению условий жизни, спонсирование политических программ правительств развивающихся стран и сотрудничество с институтами развития¹⁰. Другим способом участия бизнеса в гуманитарной дипломатии является включение крупных компаний, таких как «ExxonMobil», в проекты государственно-частного

⁹ Resolutions adopted by the Security Council in 2024 // United Nations Security Council. Available at: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions-adopted-security-council-2024> (accessed: 31.03.2024).

¹⁰ The J.P. Morgan Development Finance Institution 2022 Annual Report // J.P. Morgan. 2023. Available at: <https://www.jpmorgan.com/content/dam/jpm/cib/complex/content/investment-banking/development-finance-institution/DFI-Annual-Report-2022.pdf> (accessed: 20.03.2024).

партнерства [Юдин, 2024] (например, Коалиция по инновациям в области обеспечения готовности к эпидемиям, CEPI, Глобальное водное партнерство и др.)¹¹.

В гуманитарной деятельности также активно участвуют неправительственные организации в лице фондов. Так, среди доноров можно найти такие фонды, как Инициатива Клинтона по обеспечению доступа к здравоохранению (Clinton Health Access Initiative) или Фонд Билла и Мелинды Гейтс (Bill and Melinda Gates Foundation)¹². Эти организации осуществляют собственные проекты и участвуют в международных сетях и ассоциациях.

Сложно переоценить роль международных организаций: ключевая координационная функция принадлежит ООН, в «семью» которой входит несколько десятков структур и программ, нацеленных на решение гуманитарных проблем современности. Эта задача зафиксирована, в частности, в Целях развития тысячелетия (2000–2015) и ЦУР (с 2015 г.)¹³, направленных прежде всего на развивающиеся страны. В целом необходимо подчеркнуть доминирование концепции «развития» в современной гуманитарной повестке: «устойчивое *развитие*» лежит в основе крупнейших программ ООН, указанных выше, на «содействии *развитию*» сосредоточена деятельность ОЭСР¹⁴ и т.д.

При этом основными донорами в системе официальной помощи развитию (ОПР) по-прежнему остаются страны Запада (лидерами являются США, Германия и Япония¹⁵), действующие как самостоятельно, так и через международные структуры, в частности ОЭСР. В то же время доля незападных государств, осуществляющих помощь по линии Юг–Юг, возрастает. Так, согласно статистике Development Initiatives в топ-20 доноров, передающих данные в КСР ОЭСР, в 2022 г.

¹¹ List of ODA-eligible international organizations // DAC OECD. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/annex2.htm> (accessed: 05.05.2024).

¹² Ibidem.

¹³ Цели устойчивого развития // ООН. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed: 01.03.2024).

¹⁴ Official development assistance (ODA) // OECD. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm> (accessed: 01.03.2024).

¹⁵ ODA Levels in 2022 — preliminary data. Detailed summary note // OECD. 12.04.2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/ODA-2022-summary.pdf> (accessed: 20.02.2024).

оказались три незападные страны: Турция (2-е место), Саудовская Аравия (12-е место), ОАЭ (17-е место)¹⁶. В КСР ОЭСР отчитываются всё больше государств об оказании помощи: с 2013 г. данные начал передавать Казахстан, с 2014 г. — Азербайджан и Восточный Тимор, с 2015 г. — Турция, Саудовская Аравия, Израиль, Тайвань, Таиланд, с 2019 г. — Катар¹⁷.

Таким образом, объемы гуманитарной помощи, предоставляемой по всем описанным каналам, продолжают увеличиваться. Тем не менее они не поспевают за ростом числа нуждающихся. По данным Отчета о мировой гуманитарной помощи 2023 г., количество нуждающихся в гуманитарной помощи выросло более чем в два раза: с 199,1 млн человек в 2018 г. до 406,6 млн человек в 2022 г.¹⁸ Нерешенность гуманитарных проблем актуализирует дискуссии о формировании более эффективной системы содействия международному развитию [Морозкина, 2019; Knack et al., 2011; Knack, Smets, 2012; Narang, 2015; Puri et al., 2017; Dávid-Barett et al., 2020].

Еще одной тенденцией современной гуманитарной дипломатии следует назвать обострение дискуссий вокруг различных стратегий ее практической реализации, в частности, разрабатываемых в русле концепций «безопасности личности», «гуманитарной интервенции», «вооруженного гуманитаризма» или «обязанности защищать» [Кузнецов, 2024: 23–25; Ответственность по защите (R2P)..., 2018]. Формируется группа государств (прежде всего западных), рассматривающих возможность ограничения суверенитета в рамках дискурса об ответственности за обеспечение внутренней безопасности (концепция «обязанности защищать»¹⁹), которой противостоит другая группа, выступающая либо за существенное смягчение подобной риторики (бразильская концепция «ответственности во

¹⁶ Key trends in humanitarian need and funding: 2022 // Development initiatives. 2023. Available at: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2023/key-trends-humanitarian-need-funding-2022/#27774d78> (accessed: 02.05.2024).

¹⁷ Burgess B., Bengtson A., Lautenslager B. Financing the 2030 Agenda for Sustainable Development, Version 1.0 // Williamsburg, VA. AidData. 2023. Available at: <http://aiddata.org/sdg> (accessed: 02.05.2024).

¹⁸ Global Humanitarian Assistance Report 2023: Executive Summary // Development initiatives. 20.06.2023. Available at: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2023/executive-summary/> (accessed: 20.02.2024).

¹⁹ Responsibility to protect // UN. Available at: <https://www.un.org/en/genocide-prevention/about-responsibility-to-protect.shtml> (accessed: 02.05.2024).

время защиты», *responsibility while protecting*, RWP²⁰), либо за полный отказ от нее. Следует отметить, что эти дискуссии прямо затрагивают проблему суверенитета — краеугольного камня международной политики — и в этом отношении чреватые подрывом сложившейся системы гуманитарного права и увеличением практики односторонних действий (примером могут служить «коалиции желающих», действовавшие без мандата ООН в Сербии и Ираке). Известный исследователь М. Барнетт назвал это формированием «рынка гуманитарных услуг» [Barnett, 2013].

Выделенные тенденции подтверждают активизацию гуманитарного дискурса в международных отношениях, которая в свою очередь приводит к тому, что гуманитарная дипломатия становится важным элементом внешней политики государств. Для сохранения своего авторитета на международной арене и внесения вклада в мировую повестку страны не только наращивают объемы помощи в гуманитарной сфере, но и разрабатывают комплексные национальные подходы, определяющие цели, направления расходования средств с учетом ЦУР ООН и позиции по вопросам гуманитарных концепций. В современных условиях все эти тенденции и дискуссии получают особое преломление в контексте взаимоотношений между развитыми (прежде всего западными) и развивающимися государствами (незападными, странами Юга).

Гуманитарная дипломатия стран Глобального Юга

Для развитых государств гуманитарная дипломатия принимает преимущественно форму ОПР, предоставляемой странам-реципиентам в соответствии с рекомендациями ОЭСР, и гуманитарной помощи в условиях чрезвычайных ситуаций. Концептуально представления западных держав о гуманитарной дипломатии и ее инструментах во многом основаны на их колониальном прошлом. В частности, это проявляется в особенностях страновых и региональных приоритетов их гуманитарной дипломатии, которая оказывается сосредоточена чаще всего на бывших колониях [Alesina, Dollar, 2000; Fuchs et al., 2014; Round, Odedokun, 2004; Steinwand, 2015], а также в ее дискурсивных аспектах, в которых сохраняются

²⁰ Responsibility while protecting // Global Centre for the Responsibility to Protect. 2011. Available at: <https://www.globalr2p.org/resources/responsibility-white-protecting/> (accessed: 02.05.2024).

представления о превосходстве западных стран, их праве определять и оценивать состоятельность государства-реципиента, жестко продвигать либеральные интерпретации гуманитаризма.

Влияние колониальных практик просматривается и в особенностях практической организации гуманитарной деятельности бывших метрополий. Например, Франция направляет помощь в 92% случаев через государственные каналы, а Великобритания — только в 22% [Becker, 2020]. Это может быть связано с тем, что в период колониализма Франция придерживалась более централизованных подходов и чаще прибегала к прямому управлению колониями, тогда как Великобритания шире практиковала не прямое управление, опираясь на местные политические структуры.

Так или иначе, на практике государства, переживающие хронический гуманитарный кризис или получающие регулярную помощь, рассматриваются западными странами как «несостоявшиеся» или «хрупкие» (*failed, failing, fragile*). Вопрос о состоятельности государства прямо увязывается с его политическим режимом: является ли он легитимным и эффективным. В случае если правительство воспринимается как неэффективное с точки зрения использования предоставляемой помощи, осуществления социальных гарантий или других мер, западные доноры начинают широко применять различные практики обусловленной помощи. Причем, как отмечают исследователи, условия ее предоставления при этом часто направлены не на достижение объективно необходимых для самого реципиента изменений, а на продвижение политических интересов донора [Seybolt, 2009]. В случае острого гуманитарного кризиса помощь оказывается ситуативной и обусловленной прагматикой национальных интересов, наблюдается тенденция к дистанцированию от реципиента («помощь на расстоянии» [Громогласова, 2019]) или помощь приобретает «связанный» характер²¹.

²¹ ОЭСР продолжает предпринимать попытки повысить долю «несвязанной помощи», но, как показывают отчеты 2023 г., в странах КСР сохраняется высокий процент «связанной помощи», например в Польше, Чехии. Development Co-operation Peer Reviews: Poland // OECD. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/peer-reviews/oecd-development-co-operation-peer-reviews-poland-2023-deae8fba-en.htm> (accessed: 05.05.2024); Development Co-operation Peer Reviews: Czech Republic // OECD. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/oecd-development-co-operation-peer-reviews-czech-republic-2023-eba15a0b-en.htm> (accessed: 05.05.2024).

При этом практика обусловленной помощи почти всегда сопровождается ростом издержек, снижающих ее общую эффективность [Bourguignon, Sundberg, 2007] и часто провоцирующих протесты в странах-реципиентах²². В случае же невыполнения условий доноров предусмотрены санкции вплоть до полного прекращения выделения средств. Например, в сентябре 2018 г. Великобритания, Швеция, Ирландия и Финляндия приостановили помощь Замбии в связи с выявлением неправомерного использования 4 млн долл., предназначенных для бедного населения и лиц с инвалидностью [Haang'andu, Béland, 2020]. В итоге наиболее пострадавшими оказались как раз самые нуждающиеся группы населения этой страны, столкнувшиеся с полным прекращением предоставления необходимых средств. Эффективность механизма обусловленной помощи снижается и за счет конкуренции среди доноров [Bourguignon, Platteau, 2015].

Рассуждения об эффективности и легитимности политического режима в той или иной стране в рамках дискурса гуманитарной дипломатии часто являются прологом к обоснованию необходимости гуманитарной интервенции. Примерами могут служить военная операция в Косове в 1999 г., начавшаяся, по словам руководства НАТО, для прекращения этнических чисток со стороны правительства Югославии и перешедшая в войну против режима С. Милошевича [Худайкулова, 2016а; Рожкова, Колодяжная, 2018]; гуманитарная интервенция Индии в Восточный Пакистан (ныне Бангладеш) для защиты от карательных акций военных Западного Пакистана [Иванов, 2016]; «стратегия смены режимов» США [Худайкулова, 2016b]²³.

Связка «гуманитарный кризис» — «неэффективный/нелегитимный политический режим» в гуманитарной дипломатии стран Запада, как представляется, носит политизированный характер, а стремление разорвать ее через политику интервенционизма не только не решает проблемы Глобального Юга, но и, напротив, усу-

²² Ramcharan R. How does conditional aid (not) work? // IMF Working Paper No. 02/183. 2002. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2002/wp02183.pdf> (accessed: 03.05.2024).

²³ Некоторые авторы отмечают, что вмешательство в дела других стран по мотивам гуманности сформировалось еще в XVIII в. [Тарасова, 2011], при этом изначально основанием для интервенции были религиозные обязательства, а в настоящий момент — права человека [Lewis, 2023].

губляет их. Она отражает представления стран Глобального Севера о собственном превосходстве, универсальности их модели развития (ее «нормативной силе» [Погорельская, 2022]) и возможности ее прямого перенесения в развивающиеся государства. В последние десятилетия такая политика вызывает у них всё большее отторжение, что и обусловило, в частности, активизацию деятельности «новых доноров».

Можно выделить несколько отличительных особенностей гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга.

Во-первых, она характеризуется широтой понимания «гуманитарного». Не только в России²⁴, но и в крупных государствах Азии (Китай, Индия, страны АСЕАН), Африки и Латинской Америки в сферу гуманитарной дипломатии включаются такие вопросы, как культурное, образовательное, спортивное и иные виды сотрудничества. Они рассматриваются не только как способствующие международному диалогу и развитию, но и как фактор полицентрализации мировой системы и возвышения Глобального Юга. В связи с этим указанные страны помимо финансирования традиционных для государств Севера типов гуманитарной дипломатии — помощи в целях содействия развитию и гуманитарной помощи — направляют свои средства на проведение мероприятий, посвященных культурному и иному взаимодействию. Например, в 2023 г. в рамках сотрудничества по линии Юг–Юг Мексика организовала симпозиум по биотопливу для государств Мезоамериканского проекта в целях расширения использования биотехнологий в развивающихся странах²⁵.

Во-вторых, вместо комплекса превосходства в государствах Юга популярен дискурс о солидарности, от которого отталкиваются многие страны [Morales, 2017; Yaffe, 2023]. В частности, как отмечается в официальных документах Индонезии, усиление солидарности выступает как фактор повышения независимости развивающихся

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Президент России. 05.09.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁵ Celebran en México II Simposio Internacional de Biocombustible // Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo. 31.08.2023. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid/es/articulos/celebran-en-mexico-ii-simposio-internacional-de-biocombustible-343970?idiom=es> (accessed: 10.02.2024).

стран от развитых доноров²⁶. В мусульманских государствах сложилась официальная и основанная на религиозных догмах практика перераспределения пожертвований, применяемая и во внешней политике («закят» — один из пяти столпов ислама, обязательный налог, уплачиваемый правоверным мусульманином для помощи нуждающимся, и «садака» — добровольная милостыня), в том числе в рамках Исламского банка развития и в исламском банкинге в целом [Halimatusa'diyah, 2015; Minor, 2014]. В китайской теории международных отношений существует представление о необходимости формирования имиджа моральной глобальной державы («моральный реализм») [Acharya, 2020], чем частично может объясняться активность КНР в современной гуманитарной дипломатии. Вместе с тем это всё не означает, что развивающиеся страны подходят к гуманитарной политике исключительно с альтруистических позиций: политические (борьба за влияние) и экономические мотивы (например, кредитная политика того же Китая в Африке) являются значимыми факторами²⁷.

Так или иначе, регионализация транснациональных вызовов и угроз для Глобального Юга способствует возвышению новых крупных «гуманитарных держав». Абсолютными лидерами среди стран Юга в этом отношении являются Китай и Индия, традиционно воспринимаемые как соперники, в том числе в сфере гуманитарной дипломатии. В качестве примера такого соперничества часто приводится политика Индии и Китая в Африке [Vickers, 2013; Panda, 2016]. Конкуренция между ними особенно ярко проявилась в период пандемии, когда обострилась необходимость оказания помощи местному населению. Так, Китай оказывал всестороннюю помощь, в том числе посредством отправки медицинских работников в наиболее пострадавшие регионы [Gong, 2021]. Индия же сконцентрировалась на поставках фармацевтических препаратов, в итоге на страны Африки пришлось 19% поставок индийских вакцин [Mol et al., 2022]²⁸.

²⁶ Basic Study for South-South Cooperation // JICA. March 2011. Available at: https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12028304_01.pdf (accessed: 09.04.2022).

²⁷ Hirono M. Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action // HPG Working Paper. 2018. Available at: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12015.pdf> (accessed: 10.02.2024).

²⁸ India supplied 'Made in India' COVID vaccines to 42 African countries: EAM // Healthworld. 15.06.2023. Available at: <https://health.economictimes.indiatimes.com/>

Однако в целом подходы Пекина и Дели к реализации гуманитарной дипломатии сильно различаются. Китай является примером поступательного усиления роли гуманитарной деятельности во внешней политике: гуманитарная дипломатия начала закрепляться в его официальных документах только с 2011 г. Сначала она ограничивалась предоставлением помощи в условиях природных катастроф, потом была распространена на ситуации гуманитарных кризисов, вызванных войной [Gong, 2021]. Особенность гуманитарной дипломатии КНР заключается в реализации «проектов под ключ», когда Китай берет на себя всё — от планирования до обучения персонала по завершении программы [Brautigam, 2009], при этом «техническое сотрудничество», «инвестиции» и «помощь» сливаются в единый комплекс мер [Paulo, Reisen, 2010].

Индия, принципиально отрицающая логику отношений донор–реципиент²⁹, в своей гуманитарной дипломатии делает акцент на «сотрудничестве для развития». Данный подход предполагает использование грантов, техническую помощь, обучение персонала и предоставление стипендий для учебы в Индии³⁰.

При этом важно отметить, что лидерство Пекина и Дели в гуманитарной дипломатии не препятствует появлению и новых «гуманитарных держав» среди стран Глобального Юга. Так, в арабском мире в последние десятилетия наблюдается рост гуманитарной активности крупных экономик региона: Саудовская Аравия стремится позиционировать себя как «гуманитарное королевство»; действует целая плеяда национальных гуманитарных проектов: «Катар-милосердие», «Дубайская забота» и др. [Громогласова, 2018b]. Международная гуманитарная активность мусульманских государств стала открытой и публичной относительно недавно: ранее они предпочитали помогать тайно, руководствуясь религиозными мотивами.

news/policy/india-supplied-made-in-india-covid-vaccines-to-42-african-countries-eam/101009408 (accessed: 03.05.2024).

²⁹ Saran S. India and Africa: Development partnership // RIS Discussion Papers. Paper No. 180. Research and Information System for Developing Countries, 2012. Available at: https://www.ris.org.in/sites/default/files/Publication/dp180_pap.pdf (accessed: 01.05.2024).

³⁰ Mullen R., Jain S., Shivakumar H., Prasad K., Haribhakti S. The State of Indian Development Cooperation: A Report // Centre for Policy Research & Indian Development Cooperation Research. 28.03.2014. Available at: https://cprindia.org/wp-content/uploads/2021/12/Spring_2014_IDCR_Report_the_State_of_Indian_Development_Cooperation.pdf (accessed: 02.05.2024).

Следуя тренду на открытость, Саудовская Аравия вступила в КСР ОЭСР в 2018 г. и сделала доступной в онлайн-режиме базу данных об ОПР³¹. В то же время, поскольку Ближний Восток оказался одной из «горячих точек» гуманитарных кризисов в последние десятилетия, страны региона вынуждены всё больше внимания уделять вызовам, возникающим на их границах. Заметен тренд на «секьюритизацию» гуманитарной дипломатии после «арабской весны»: ОАЭ содействовали стабилизации политических режимов государств региона³², тогда как Саудовская Аравия выделила часть своих средств на помощь беженцам, находившимся в стране на правах «посетителей» и получившим от правительства разрешение на работу и доступ к бесплатному здравоохранению и образованию для их детей³³.

Для Турции, которая исторически была родиной современного гуманитаризма на Ближнем Востоке, гуманитарная дипломатия стала важным инструментом не только регионального (можно вспомнить концепции «географии сердца» и «географии памяти»³⁴), но и глобального влияния (гуманитарная активность в ООН и группе МИКТА [Дмитриева и др., 2022]). При этом в реализации своей гуманитарной дипломатии Анкара зачастую опирается на рели-

³¹ Hamid M. Why the world needs partnership with Saudi Arabia: Saudi Arabia's global and humanitarian and development aid // King Faisal Center for Research and Islamic Studies. 2022. Available at: <https://www.kfcris.com/pdf/c2a6d869685a22b236cafc6d8aaf-275161d6c986b220f.pdf> (accessed: 20.02.2024).

³² Gökalp D. The UAE's humanitarian diplomacy: Claiming state sovereignty, regional leverage and international recognition // CMI Working Paper. 2020. No. 1. Available at: <https://www.cmi.no/publications/7169-the-uaes-humanitarian-diplomacy-claiming-state-sovereignty> (accessed: 15.01.2024).

³³ Hamid M. Op. cit.

³⁴ «География сердца» — вековая дружба между народами в рамках определенной территории. «География памяти» — территории бывшей Османской империи. См.: Научный семинар «Гуманитарная дипломатия Турции в формирующемся полицентричном мировом порядке» // CCEIS. 2021. Available at: <https://www.hse.ru/data/2021/05/28/1436721345/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%80%20%C2%AB%D0%93%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F.%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%BC%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC%20%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BA%D0%B5%C2%BB.pdf> (accessed: 25.01.2024).

гиозно-этнический фактор. Еще одной ее особенностью является активное взаимодействие с соотечественниками, проживающими в других странах, путем увеличения сети диппредставительств [Davutoğlu, 2013].

Значительно по пути институционализации гуманитарной дипломатии продвинулись страны АСЕАН. Сама идеология «Пути АСЕАН» (ASEAN Way) базируется на представлении об общности географической, исторической, цивилизационной и социально-экономической судьбы участников объединения, а также секьюритизации общих вызовов. Подверженность Юго-Восточной Азии разрушительным стихийным бедствиям и хроническим проблемам развития потребовала от АСЕАН запуска совместных программ как регионального уровня (Комитет АСЕАН по управлению стихийными бедствиями, «Декларации о едином ответе АСЕАН» (One ASEAN, One Response), Группа быстрого реагирования военных АСЕАН и Центр военной медицины АСЕАН), так и трансрегионального (Форум АСЕАН по безопасности, Форум Азия–Европа) [Многосторонняя гуманитарная дипломатия..., 2021]. При этом стратегия реагирования на острые внутрирегиональные кризисы (например, события в Мьянме в 2021 г.) опирается на тактику «тихой дипломатии» и отказ от внешнего вмешательства на основе уважения принципа государственного суверенитета. Несмотря на достаточно высокую долю проживающих в регионе мусульман, не найдено подтверждений использования исповедующими ислам странами АСЕАН заката в качестве инструмента гуманитарной дипломатии: средства перераспределяются в границах государств преимущественно на улучшение жизни местного населения.

Традиционно видную роль в развитии принципов гуманитарной дипломатии играла Латинская Америка — самый мирный с точки зрения межгосударственных конфликтов, но самый опасный в контексте безопасности личности регион мира. Исторически он был родоначальником множества гуманитарных концепций: политики взаимного разоружения, института убежища, принципа ненападения, идеи региональной безъядерной зоны, доктрины Аррии и проч. В разные годы в Западном полушарии создавались многосторонние механизмы, нацеленные на решение гуманитарных проблем: это и макрорегиональные (Организация американских государств), региональные (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, Союз южноамериканских наций), локальные

(сеть дипломатии городов Меркосьюдадес) группы и гуманитарные проекты с участием негосударственных акторов — сеть RedHum или Pastoral Social Caritas. В последние два десятилетия в регионе появились влиятельные «гуманитарные державы», чья гуманитарная политика выходит за пределы Латинской Америки. Так, ощутимую роль в оказании гуманитарной помощи стали играть Мексика и Бразилия [Дмитриева, 2022; Богатырёва, 2023]. Они активно используют инструменты трехстороннего сотрудничества, привлекая страны как Юга, так и Севера.

Усиление государств Глобального Юга в гуманитарной дипломатии происходит и за счет международных финансовых механизмов, таких как Новый банк развития БРИКС [Тюлебеков, Нечаева, 2020], «Фонд взаимовыручки» IBSA [Dmitrieva, Kuznetsov, 2024], Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Исламский банк развития и др.

Крупные центры гуманитарной дипломатии уже реализуют масштабные проекты по оказанию гуманитарной помощи и помощи развитию за рубежом: мексиканская AMEXCID³⁵, индонезийская IndoAid³⁶, афро-индийский проект «Группы 9»³⁷, африканская программа НЕПАД³⁸ и т.д. Отражением подходов Юга к гуманитаризму является и китайская концепция «Сообщество единой судьбы человечества» [Кузнецов, 2024].

* * *

Современная гуманитарная дипломатия, являющаяся результатом долгого исторического процесса гуманитаризации, гуманизации и рационализации межгосударственных связей, а также усложняющейся гуманитарной реальности, остается политизированной. Достижения человечества в деле «очеловечивания» международных отношений соседствуют с нерешенными гуманитарными вызовами, носящими системный, хронический и наследуемый характер. При этом возросшая взаимозависимость мира и трансформация международной системы как никогда требуют поиска адекватных ответов

³⁵ AMEXCID. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid> (accessed: 01.05.2024).

³⁶ Indo-Aid. Available at: <https://ldkpi.kemenkeu.go.id/en/> (accessed: 01.05.2024).

³⁷ On TEAM-9 Meeting in New-Delhi // Ministry of External Affairs. Available at: <https://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?3446/On+TEAM9+Meeting+in+New+Delhi> (accessed: 01.05.2024).

³⁸ AUDA-NEPAD. Available at: <https://www.nepad.org/> (accessed: 01.05.2024).

на эти вызовы. Такой поиск обусловлен как необходимостью легитимации деятельности широкого круга международных правительственных и неправительственных организаций, так и возрастающей ролью и акторностью «незападного большинства»³⁹, представляющего свои подходы к преодолению последствий чрезвычайных гуманитарных ситуаций и решению проблем развития в целом.

Проведенное исследование позволяет выделить несколько общих принципов и установок, характерных для гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга:

- широкий, плюралистический подход к пониманию «гуманитарного» — включение в орбиту гуманитарной дипломатии вопросов культурного, научного, академического, молодежного взаимодействия;
- опора на идею солидарности и гуманитарного сотрудничества (вместо реципиент-донорской модели);
- ненормативность гуманитарной политики — отказ от навязывания нормативно-ценностных обязательств и выдвижения политических требований как условия предоставления помощи;
- опора на принципы суверенитета в реализации гуманитарной политики — критика интервенционизма, односторонних действий, практики смены режимов и проч.

При этом необходимо отметить, что подходы стран Юга к реализации гуманитарной дипломатии в их внешней политике далеко не всегда опираются лишь на солидарность и альтруизм. Включение этих государств в практику гуманитарной дипломатии может происходить по множеству причин. Во-первых, это может быть продиктовано объективной необходимостью реагировать на гуманитарные вызовы в условиях взаимозависимости для предотвращения распространения гуманитарных кризисов на свою территорию. Во-вторых, зачастую стимулом является стремление государства играть более активную роль в региональной или глобальной политике, продвигать свою «мягкую силу». В-третьих, речь может идти о реализации национальных амбиций, особенно когда они подкрепляются ссылками на историческую память, этническую и религиозную общ-

³⁹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XXXII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, Москва, 18 мая 2024 года // МИД России. 18.05.2024. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1951435/ (accessed: 15.05.2024).

ность и т.д. Именно эти факторы зачастую определяют направления и общую специфику гуманитарной дипломатии отдельных стран. Так, если бывшие метрополии чаще сосредоточивают свою гуманитарную дипломатию на своих бывших колониальных владениях, то растущие региональные лидеры Юга — в своих региональных пространствах и там, где открывается окно возможностей для продвижения своего влияния (Китай в Африке, Индия в Южной Азии, Турция на Ближнем Востоке и т.д.) [Практика современной гуманитарной дипломатии, 2022]. Наконец, в-четвертых, гуманитарная дипломатия может использоваться государствами как способ улучшения своего имиджа на мировой арене (так, Афганистан направлял помощь Турции после землетрясений⁴⁰).

В целом можно согласиться с образным выражением Х. Токатлиана [Tokatlian, 2011], что опора на традиционные для мировой политики ценности суверенитета, равенства и невмешательства в гуманитарной дипломатии стран Юга можно трактовать как пример зарождения особых, «саусфальских» (*Southphalian*) принципов международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырёва О.Н. Гуманитарная дипломатия: современные концепции и подходы // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 1 (68). С. 166–191. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.4.
2. Богатырёва О.Н. Региональная и цивилизационная специфика гуманитарной дипломатии в Латинской Америке // Гуманитарная дипломатия: цивилизационные и национальные модели / Под ред. О.Н. Богатырёвой. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 61–106.
3. Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2018. DOI: 10.20542/978-5-9535-0536-9.
4. Громогласова Е.С. Гуманитарная составляющая внешней политики государства // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 77–91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91.
5. Громогласова Е.С. Гуманитарная составляющая во внешней политике государства: Дисс... д-ра полит. наук. М., 2019.

⁴⁰ Taliban administration to send earthquake aid to Turkey, Syria // Reuters. 08.02.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/taliban-administration-send-earthquake-aid-turkey-syria-2023-02-08/> (accessed: 30.01.2024).

6. Дмитриева В.А. Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе // Латинская Америка. 2022. № 9. С. 19–35. DOI: 10.31857/S0044748X0021271-7.

7. Дмитриева В.А., Меликов А.А., Шварц Б.М. Турция // Практика современной гуманитарной дипломатии / Под ред. Д.А. Кузнецова. М.: Эдитус, 2022. С. 182–193.

8. Иванов А.В. Моральные дилеммы и концептуальные противоречия теории «справедливой войны» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 55–58.

9. Кузнецов Д.А. Современная гуманитарная дипломатия: тенденции и вызовы // Международное гуманитарное сотрудничество / Под ред. М.М. Лебедевой, Д.А. Кузнецова. М.: Проспект, 2024. С. 23–35.

10. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (28). С. 38–42.

11. Лебедева М.М. Гуманитаризация мировой политики // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 76–87. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.07.

12. Лебедева М.М., Устинова М.И. Гуманитарные и социальные вопросы в Совете Безопасности ООН // Вестник международных организаций. 2020. № 1. С. 135–154. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-06.

13. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт / Отв. ред. О.Н. Богатырёва, Д.М. Ковба, К.М. Табаринцева-Романова. М.: Наука, 2021.

14. Морозкина А. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92.

15. Ответственность по защите (R2P): концепция, желательная норма или принцип? Интервью с профессором Алексом Дж. Беллами, Университет Квинсленда (Австралия) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 955–964.

16. Погорельская А. Нормативная сила ЕС в контексте европейской политики развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения. 2022. № 14 (4). С. 456–474. DOI: 10.21638/spbu06.2021.406.

17. Практика современной гуманитарной дипломатии / Под ред. Д.А. Кузнецова. М.: Эдитус, 2022.

18. Рожкова Л.В., Колодяжная Д.И. Гуманитарная интервенция в мировой политике // Вестник Пензенского государственного университета. 2018. № 1 (21). С. 45–49.

19. Табаринцева-Романова К.М. Зонтичная концепция дипломатии в международном дискурсе // Дипломатическая служба. 2020. № 3. С. 66–72. DOI: 10.33920/vne-01-2003-09.

20. Табаринцева-Романова К.М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. 2021. № 4. С. 31–46. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10038.

21. Тарасова Л.Н. К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 99–105.

22. Тюлебеков Т.Б., Нечаева Е.Л. Создание Нового банка развития как интегрирующего механизма стран БРИКС // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2020. № 4. С. 149–156. DOI: 10.32523/2616-6887/2020-133-4-149-156.

23. Худайкулова А.В. Новое в управлении международными конфликтами: опосредованные войны вместо гуманитарных интервенций // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4 (47). С. 67–79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5.

24. Худайкулова А.В. Теории безопасности третьего мира // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 412–425.

25. Юдин Н.О. Транснациональная корпорация как актор гуманитарной дипломатии // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 2. С. 147–150.

26. Aaltola M. Western spectacle of governance and the emergence of humanitarian world politics. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

27. Acharya A. From heaven to Earth: 'Cultural idealism' and 'moral realism' as Chinese contributions to global international relations // Global IR theory / Ed. by Y. Qin. London: Routledge, 2020. P. 158–185.

28. Alesina A., Dollar D. Who gives foreign aid to whom and why? // Journal of Economic Growth. 2000. Vol. 5. No. 1. P. 33–63.

29. Ali M., Banks G., Parsons N. Why donors give aid and to whom? A critique of the historical and contemporary aid allocation regime // The Dialogue. 2015. Vol. X. No. 2. P. 116–131.

30. Arvin B.M., Baum C. Tied and untied foreign aid: A theoretical and empirical analysis // Keio Economic Studies. 2007. Vol. 34. No. 2. P. 71–79.

31. Barnett M. Empire of humanity: A history of humanitarianism. Ithaca: Cornell University Press, 2013.

32. Barnett M. Humanitarianism transformed // Perspectives on Politics. 2005. Vol. 3. No. 4. P. 723–740.

33. Becker B. Colonial legacies in international aid: Policy priorities and actor constellations // From colonialism to international aid: External actors and social protection in the Global South / Ed. by C. Schmitt. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 161–186.

34. Bell D. Ethics and world politics. Oxford: OUP, 2010.

35. Bourguignon F., Platteau J.-P. The hard challenge of aid coordination // World Development. 2015. Vol. 69. P. 86–97.

36. Bourguignon F., Sundberg M. Aid effectiveness: Opening the black box // *The American Economic Review*. 2007. Vol. 97. No. 2. P. 316–321.
37. Brautigam D. *The dragon's gift: The real story of China and Africa*. Oxford: OUP, 2009.
38. Campbell D., Shapiro M.J. *Moral spaces: Rethinking ethics and world politics*. Minnesota: University of Minnesota Press, 1999.
39. Cook A., Gong L. Humanitarian diplomacy in the Asia-Pacific: Part I // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 183–187. DOI: 10.1177/205789112110456.
40. Crawford N. *Argument and change in world politics: Ethics, decolonization, and humanitarian intervention*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
41. Dávid-Barrett E., Fazekas M., Hellmann P. et al. Controlling corruption in development aid: New evidence from contract-level data // *Studies in Comparative International Development*. 2020. Vol. 55. P. 481–515.
42. Davutoğlu A. Turkey's humanitarian diplomacy: Objectives, challenges and prospects // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2013. Vol. 41. No. 6. P. 865–870.
43. De Lauri A. Humanitarian diplomacy: Research agenda // *CMI Brief*. 2018. No. 4. P. 1–4.
44. Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. The role of the IBSA fund in foreign aid policies of IBSA and BRICS member states // *MGIMO Review of International Relations*. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 113–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-113-134.
45. Doucouliagos C., Manning E. The allocation of development aid assistance: Do new donors have old motives? // *Proceedings of the Australasian Public Choice Conference*. Burwood: Deakin University, 2009. P. 1–28.
46. Douzinas C. The many faces of humanitarianism // *Parrhesia*. 2007. No. 2. P. 1–28.
47. Dreher A., Fuchs A., Nunnenkamp P. New donors // *International Interactions*. 2013. Vol. 39. No. 3. P. 402–415.
48. Dreher A., Nunnenkamp P., Thiele R. Are 'new' donors different? Comparing the allocation of bilateral aid between nonDAC and DAC donor countries // *World Development*. 2011. Vol. 39. No. 11. P. 1950–1968.
49. Duffield M. *Development, security and unending war. Governing the world of peoples*. Cambridge: Polity, 2007.
50. Duffield M. Post-humanitarianism: Governing precarity through adaptive design // *Journal of Humanitarian Affairs*. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 15–27.
51. Egeland J. Humanitarian diplomacy // *The Oxford handbook of modern diplomacy* / Ed. by A.F. Cooper, J. Heine, R. Thakur. Oxford: OUP, 2013. P. 352–368.

52. Fuchs A., Dreher A., Nunnenkamp P. Determinants of donor generosity: A survey of the aid budget literature // *World Development*. 2014. Vol. 56. P. 172–199.

53. Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021. No. 3. P. 1–15. DOI: 10.1177/20578911211019257.

54. Guillot P. France, peacekeeping and intervention // *International Peacekeeping*. 1994. Vol. 1. No. 1. P. 30–43.

55. Haang'andu P., Béland D. Transnational actors and the diffusion of social policies: An ideational approach // *From colonialism to international aid: External actors and social protection in the Global South* / Ed. by C. Schmitt. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 305–332.

56. Halimatusa'diyah L. Zakat and social protection: The relationship between socio-religious CSOs and the government of Indonesia // *Journal of Civil Society*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 79–99. DOI: 10.1080/17448689.2015.1019181.

57. Humanitarian diplomacy: Practitioners and their craft / Ed. by L. Minear, H. Smith. Tokyo: United Nations Press, 2007.

58. Jones S. Aid supplies over time: Addressing heterogeneity, trends, and dynamics // *World Development*. 2015. Vol. 69. P. 31–43. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.12.014.

59. Knack S., Rogers F.H., Eubank N. Aid quality and donor rankings // *World Development*. 2011. Vol. 39. No. 11. P. 1907–1917.

60. Knack S., Smets L. Aid tying and donor fragmentation // *World Development*. 2012. Vol. 44. P. 63–76. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.09.006.

61. Kolb R. Note on humanitarian intervention // *International Review of the Red Cross*. 2003. No. 849. P. 119–134.

62. Kotilainen N. Visual theaters of suffering: Constituting the Western spectator in the age of humanitarian world politics. Helsinki: Unigrafia, 2016.

63. Lewis A.M. Humanitarian and military intervention in Libya and Syria: Parliamentary debate and policy failure. New York: Routledge, 2023.

64. Maxwell D., Gelsdorf K. Understanding the humanitarian world. London: Routledge, 2019.

65. Minor A.D. Faith in finance: The role of Zakat in international development. Austin: The University of Texas at Austin, 2014. Master of Arts and Master of Global Policy Studies. Dissertation.

66. Mol R. et al. India's health diplomacy as a soft power tool towards Africa: Humanitarian and geopolitical analysis // *Journal of Asian and African Studies*. 2022. Vol. 57. No. 6. P. 1109–1125. DOI: 10.1177/0021909621103953.

67. Morales H. Ayuda Oficial al Desarrollo de Cuba en el Mundo. Guatemala, 2017.

68. Narang N. Assisting uncertainty: How humanitarian aid can inadvertently prolong civil war // *International Studies Quarterly*. 2015. No. 59. P. 1–12. DOI: 10.1111/isqu.12151.

69. Palagashvili L., Williamson C.R. Grading foreign aid agencies: Best practices across traditional and emerging donors // *Review of Development Economics*. 2021. Vol. 25. No. 2. P. 654–676. DOI: 10.1111/rode.12747.

70. Panajoti T. Humanitarian crises and world politics: The conflict between ethics and pragmatism in humanitarian intervention decisions // *Critique: A Worldwide Journal of Politics*. 2009. Fall/Spring. P. 77–98.

71. Panda J.P. Institutionalizing the African reach: Reviewing China's and India's multilateral drives // *Journal of Asian and African Studies*. 2016. No. 6. P. 1–20. DOI: 10.1177/0021909615622348.

72. Paulo S., Reisen H. Eastern donors and Western soft law: Towards a DAC donor peer review of China and India? // *Development Policy Review*. 2010. Vol. 28. No. 5. P. 535–552.

73. Puri J., Aladysheva A., Iversen V. et al. Can rigorous impact evaluations improve humanitarian assistance? // *Journal of Development Economics*. 2017. Vol. 9. No. 4. P. 519–542. DOI: 10.1080/19439342.2017.1388267.

74. Ratajczak M., Broś N. Humanitarian diplomacy: The case of Switzerland and Sweden // *Politeja*. 2023. No. 82. P. 143–163. DOI: 10.12797/Politeja.20.2023.82.08.

75. Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: Identification of a community of practice and prospects for international recognition // *International Review of the Red Cross*. 2011. Vol. 93. No. 884. P. 1211–1237.

76. Round J.I., Odedokun M. Aid effort and its determinants // *International Review of Economics & Finance*. 2004. Vol. 13. No. 3. P. 293–309.

77. Seybolt T.B. Harmonizing the humanitarian aid network: Adaptive change in a complex system // *International Studies Quarterly*. 2009. Vol. 53. P. 1027–1050.

78. Steinwand M.C. Compete or coordinate? Aid fragmentation and lead donorship // *International Organization*. 2015. Vol. 69. No. 2. P. 443–472. DOI: 10.1017/S0020818314000381.

79. Straus O.S., Wheeler E.P., Ion T.P. et al. Humanitarian diplomacy of the United States // *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1907–1917)*. 1912. Vol. 6. P. 45–59.

80. Tokatlian J.G. Latinoamérica y sus 'alianzas' extrarregionales: Entre el espejismo, la ilusión y la evidencia // *La agenda internacional de América Latina: Entre nuevas y viejas alianzas* / Ed. by D. Wollrad, G. Maihold, M. Mols. Buenos Aires: Nueva Sociedad; SWP; Friedrich Ebert Stiftung, 2011. P. 139–160.

81. Vickers B. Africa and the rising powers: Bargaining for the 'marginalized many' // *International Affairs*. 2013. Vol. 89. No. 3. P. 673–693. DOI: 10.2307/23473849.

82. Yaffe H. Cuban medical internationalism: A paradigm for South–South cooperation // *International Journal of Cuban Studies*. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 203–224. DOI: 10.13169/intejcubastud.15.2.0203.

REFERENCES

1. Bogatyreva O.N. 2022. Gumanitarnaya diplomatiya: sovremennyye kontseptsii i podkhody [Humanitarian diplomacy: Modern concepts and approaches]. *International Trends*, vol. 20, no. 1 (68), pp. 166–191. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.4. (In Russ.)
2. Bogatyreva O.N. 2023. Regional'naya i tsivilizatsionnaya spetsifika gumanitarnoi diplomatii v Latinskoi Amerike [Regional and civilization specific of Latin American humanitarian diplomacy]. In: Bogatyreva O.N. (ed.). *Gumanitarnaya diplomatiya: tsivilizatsionnye i natsional'nye modeli* [Humanitarian diplomacy: Civilization and national models]. Moscow, Aspekt Press Publ., pp. 61–106. (In Russ.)
3. Gromoglasova E. 2018a. *Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: opyt sistemnogo issledovaniya* [Humanitarian diplomacy in modern international politics: A systemic view]. Moscow, IMEMO RAN Publ. DOI: 10.20542/978-5-9535-0536-9. (In Russ.)
4. Gromoglasova E. 2018b. Gumanitarnaya sostavlyayushchaya vneshnei politiki gosudarstva [Humanitarian component of a state's foreign policy]. *Pathways to Peace and Security*, no. 1 (54), pp. 77–91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91. (In Russ.)
5. Gromoglasova E.S. 2019. *Gumanitarnaya sostavlyayushchaya vo vneshnei politike gosudarstva* [Humanitarian component in a state's foreign policy]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
6. Dmitrieva V.A. 2022. Osobennosti gumanitarnoi diplomatii Meksiki na sovremennom etape [The specifics of modern humanitarian diplomacy of Mexico]. *Latinskaya Amerika*, no. 9, pp. 19–35. DOI: 10.31857/S0044748X0021271-7. (In Russ.)
7. Dmitrieva V.A., Melikov A.A., Shvarts B.M. 2022. Turtsiya [Türkiye]. In: Kuznetsov D.A. (ed.). *Praktika sovremennoi gumanitarnoi diplomatii* [Practice of modern humanitarian diplomacy]. Moscow, Editus Publ., pp. 182–193. (In Russ.)
8. Ivanov A.V. 2016. Moral'nye dilemmy i kontseptual'nye protivorechiya teorii 'spravedlivoi voiny' [Moral dilemmas and conceptual contradictions of the theory of 'Just war']. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (69), part 2, pp. 55–58. (In Russ.)

9. Kuznetsov D.A. 2024. Sovremennaya gumanitarnaya diplomatiya: tendentsii i vyzovy [Modern humanitarian diplomacy: Trends and challenges]. In: Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. (eds.). *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo* [International humanitarian cooperation]. Moscow, Prospekt Publ., pp. 23–35. (In Russ.)
10. Lebedeva M.M. 2013. Aktory sovremennoi mirovoi politiki: trendy razvitiya [Actors of contemporary world politics: Trends of development]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 3 (28), pp. 38–42. (In Russ.)
11. Lebedeva M.M. 2021. Gumanitarizatsiya mirovoi politiki [Humanitarization of world politics]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 76–87. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.07. (In Russ.)
12. Lebedeva M.M., Ustinova M.I. 2020. Gumanitarnye i sotsial'nye voprosy v Sovete Bezopasnosti OON [The humanitarian and social agenda of the UN Security Council]. *International Organizations Research Journal*, no. 1, pp. 135–154. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-06. (In Russ.)
13. Bogatyreva O.N., Kovba D.M., Tabarintseva-Romanova K.M. (eds.). 2021. *Mnogostoronnyaya gumanitarnaya diplomatiya: universal'nyi i regional'nyi opyt* [Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
14. Morozkina A. 2019. Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu: tendentsii poslednego desyatiletiya [Official development aid: Trends of the last decade]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 9, pp. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92. (In Russ.)
15. Otvetstvennost' po zashchite (R2P): kontseptsiya, zhelatel'naya norma ili printsip? Interv'y u s professorom Aleksom Dzh. Bellami, Universitet Kvinslenda (Avstraliya) [R2P: Concept, aspirational norm or principle? Interview with Professor Alex J. Bellamy, University of Queensland (Australia)]. 2018. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, no. 4, pp. 955–964. (In Russ.)
16. Pogorel'skaya A. 2022. Normativnaya sila ES v kontekste evropeiskoi politiki razvitiya [The EU normative power in development policy]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, no. 4, pp. 456–474. DOI: 10.21638/spbu06.2021.406. (In Russ.)
17. Kuznetsov D.A. (ed.). 2022. *Praktika sovremennoi gumanitarnoi diplomatii* [Practice of modern humanitarian diplomacy]. Moscow, Editus Publ. (In Russ.)
18. Rozhkova L.V., Kolodyazhnaya D.I. 2018. Gumanitarnaya interventsia v mirovoi politike [Humanitarian intervention in world politics]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (21), pp. 45–49. (In Russ.)
19. Tabarintseva-Romanova K.M. 2020. Zontichnaya kontseptsiya diplomatii v mezhdunarodnom diskurse [Umbrella concept of diplomacy in international discourse]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, no. 3, pp. 66–72. DOI: 10.33920/vne-01-2003-09. (In Russ.)

20. Tabarintseva-Romanova K.M. 2021. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: zarubezhnye podkhody k izucheniyu i realizatsii [International humanitarian cooperation: Foreign approaches to studying and realization]. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no. 4, pp. 31–46. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10038. (In Russ.)

21. Tarasova L.N. 2011. K diskussii o pravomernosti gumanitarnoi interventsii [On the issue of legality of humanitarian intervention]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya*, no. 1 (14), pp. 99–105. (In Russ.)

22. Tyulebekov T.B., Nechaeva E.L. 2020. Sozdanie Novogo banka razvitiya kak integriruyushchego mekhanizma stran BRICS [Establishing the New Development Bank as an integrating mechanism for the BRICS countries]. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*, no. 4, pp. 149–156. DOI: 10.32523/2616-6887/2020-133-4-149-156. (In Russ.)

23. Khudaykulova A.V. 2016a. Novoe v upravlenii mezhdunarodnymi konfliktami: oposredovannye voyny vmesto gumanitarnykh interventsii [Conflict management in the new century: Back to proxy wars?]. *International Trends*, vol. 14, no. 4 (47), pp. 67–79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5. (In Russ.)

24. Khudaykulova A.V. 2016b. Teorii bezopasnosti tret'ego mira [Security theories of Third World]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 16, no. 3, pp. 412–425. (In Russ.)

25. Yudin N.O. 2024. Transnatsional'naya korporatsiya kak aktor gumanitarnoi diplomatii [TNC as an actor of humanitarian diplomacy]. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 2, pp. 147–150. (In Russ.)

26. Aaltola M. 2009. *Western spectacle of governance and the emergence of humanitarian world politics*. New York, Palgrave Macmillan.

27. Acharya A. 2020. From heaven to Earth: 'Cultural idealism' and 'moral realism' as Chinese contributions to global international relations. In: Qin Y. (ed.). *Global IR theory*. London, Routledge, pp. 158–185.

28. Alesina A., Dollar D. 2000. Who gives foreign aid to whom and why? *Journal of Economic Growth*, vol. 5, no. 1, pp. 33–63.

29. Ali M., Banks G., Parsons N. 2015. Why donors give aid and to whom? A critique of the historical and contemporary aid allocation regime. *The Dialogue*, vol. X, no. 2, pp. 116–131.

30. Arvin B.M., Baum C. 2007. Tied and untied foreign aid: A theoretical and empirical analysis. *Keio Economic Studies*, vol. 34, no. 2, pp. 71–79.

31. Barnett M. 2013. *Empire of humanity: A history of humanitarianism*. Ithaca, Cornell University Press.

32. Barnett M. 2005. Humanitarianism transformed. *Perspectives on Politics*, vol. 3, no. 4, pp. 723–740.

33. Becker B. 2020. Colonial legacies in international aid: Policy priorities and actor constellations. In: Schmitt C. (ed.). *From colonialism to international aid: External actors and social protection in the Global South*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 161–186.
34. Bell D. 2010. *Ethics and world politics*. Oxford, OUP.
35. Bourguignon F., Platteau J.-P. 2015. The hard challenge of aid coordination. *World Development*, vol. 69, pp. 86–97.
36. Bourguignon F., Sundberg M. 2007. Aid effectiveness: Opening the black box. *The American Economic Review*, vol. 97, no. 2, pp. 316–321.
37. Brautigam D. 2009. *The dragon's gift: The real story of China and Africa*. Oxford, OUP.
38. Campbell D., Shapiro M.J. 1999. *Moral spaces: Rethinking ethics and world politics*. Minnesota, University of Minnesota Press.
39. Cook A., Gong L. 2021. Humanitarian diplomacy in the Asia-Pacific: Part I. *Asian Journal of Comparative Politics*, vol. 6, no. 3, pp. 183–187. DOI: 10.1177/205789112110456.
40. Crawford N. 2002. *Argument and change in world politics: Ethics, decolonization, and humanitarian intervention*. Cambridge, Cambridge University Press.
41. Dávid-Barrett E., Fazekas M., Hellmann P. et al. 2020. Controlling corruption in development aid: New evidence from contract-level data. *Studies in Comparative International Development*, vol. 55, pp. 481–515.
42. Davutoğlu A. 2013. Turkey's humanitarian diplomacy: Objectives, challenges and prospects. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, vol. 41, no. 6, pp. 865–870.
43. De Lauri A. 2018. Humanitarian diplomacy: Research agenda. *CMI Brief*, no. 4, pp. 1–4.
44. Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. 2024. The role of the IBSA Fund in foreign aid policies of IBSA and BRICS member states. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 17, no. 1, pp. 113–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-113-134.
45. Doucouliagos C., Manning E. 2009. The allocation of development aid assistance: Do new donors have old motives? *Proceedings of the Australasian Public Choice Conference*. Burwood, Deakin University. P. 1–28.
46. Douzinas C. 2007. The many faces of humanitarianism. *Parrhesia*, no. 2, pp. 1–28.
47. Dreher A., Fuchs A., Nunnenkamp P. 2013. New donors. *International Interactions*, vol. 39, no. 3, pp. 402–415.
48. Dreher A., Nunnenkamp P., Thiele R. 2011. Are 'new' donors different? Comparing the allocation of bilateral aid between nonDAC and DAC donor countries. *World Development*, vol. 39, no. 11, pp. 1950–1968.
49. Duffield M. 2007. *Development, security and unending war. Governing the world of peoples*. Cambridge, Polity.

50. Duffield M. 2019. Post-humanitarianism: Governing precarity through adaptive design. *Journal of Humanitarian Affairs*, vol. 1, no. 1, pp. 15–27.

51. Egeland J. 2013. Humanitarian diplomacy. In: Cooper A.F., Heine J., Thakur R. (eds.). *The Oxford Handbook of modern diplomacy*. Oxford, OUP, pp. 352–368.

52. Fuchs A., Dreher A., Nunnenkamp P. 2014. Determinants of donor generosity: A survey of the aid budget literature. *World Development*, vol. 56, pp. 172–199.

53. Gong L. 2021. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building. *Asian Journal of Comparative Politics*, no. 3, pp. 1–15. DOI: 10.1177/20578911211019257.

54. Guillot P. 1994. France, peacekeeping and intervention. *International Peacekeeping*, vol. 1, no. 1, pp. 30–43.

55. Haang'andu P., Béland D. 2020. Transnational actors and the diffusion of social policies: An ideational approach. In: Schmitt C. (ed.). *From colonialism to international aid: External actors and social protection in the Global South*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 305–332.

56. Halimatusa'diyah L. 2015. Zakat and social protection: The relationship between socio-religious CSOs and the government of Indonesia. *Journal of Civil Society*, vol. 1, no. 1, pp. 79–99. DOI: 10.1080/17448689.2015.1019181.

57. Minear L., Smith H. (eds.). 2007. *Humanitarian diplomacy: Practitioners and their craft*. Tokyo, United Nations Press.

58. Jones S. 2015. Aid supplies over time: Addressing heterogeneity, trends, and dynamics. *World Development*, vol. 69, pp. 31–43. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.12.014.

59. Knack S., Rogers F.H., Eubank N. 2011. Aid quality and donor rankings. *World Development*, vol. 39, no. 11, pp. 1907–1917.

60. Knack S., Smets L. 2012. Aid tying and donor fragmentation. *World Development*, vol. 44, pp. 63–76. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.09.006.

61. Kolb R. 2003. Note on humanitarian intervention. *International Review of the Red Cross*, no. 849, pp. 119–134.

62. Kotilainen N. 2016. *Visual theaters of suffering: Constituting the Western spectator in the age of humanitarian world politics*. Helsinki, Unigrafia.

63. Lewis A.M. 2023. *Humanitarian and military intervention in Libya and Syria: Parliamentary debate and policy failure*. New York, Routledge.

64. Maxwell D., Gelsdorf K. 2019. *Understanding the humanitarian world*. London, Routledge.

65. Minor A.D. 2014. *Faith in finance: The role of Zakat in international development*. Austin, The University of Texas at Austin. Master of Arts and Master of Global Policy Studies, Dissertation.

66. Mol R. et al. 2022. India's health diplomacy as a soft power tool towards Africa: Humanitarian and geopolitical analysis. *Journal of Asian and African Studies*, vol. 57, no. 6, pp. 1109–1125. DOI: 10.1177/0021909621103953.

67. Morales H. 2017. *Ayuda Oficial al Desarrollo de Cuba en el Mundo*. Guatemala.

68. Narang N. 2015. Assisting uncertainty: How humanitarian aid can inadvertently prolong civil war. *International Studies Quarterly*, no. 59, pp. 1–12. DOI: 10.1111/isqu.12151.

69. Palagashvili L., Williamson C.R. 2021. Grading foreign aid agencies: Best practices across traditional and emerging donors. *Review of Development Economics*, vol. 25, no. 2, pp. 654–676. DOI: 10.1111/rode.12747.

70. Panajoti T. 2009. Humanitarian crises and world politics: The conflict between ethics and pragmatism in humanitarian intervention decisions. *Critique: A Worldwide Journal of Politics*, fall/spring, pp. 77–98.

71. Panda J.P. 2016. Institutionalizing the African reach: Reviewing China's and India's multilateral drives. *Journal of Asian and African Studies*, no. 6, pp. 1–20. DOI: 10.1177/0021909615622348.

72. Paulo S., Reisen H. 2010. Eastern donors and Western soft law: Towards a DAC donor peer review of China and India? *Development Policy Review*, vol. 28, no. 5, pp. 535–552.

73. Puri J., Aladysheva A., Iversen V. et al. 2017. Can rigorous impact evaluations improve humanitarian assistance? *Journal of Development Economics*, vol. 9, no. 4, pp. 519–542. DOI: 10.1080/19439342.2017.1388267.

74. Ratajczak M., Broś N. 2023. Humanitarian diplomacy: The case of Switzerland and Sweden. *Politeja*, no. 82, pp. 143–163. DOI: 10.12797/Politeja.20.2023.82.08.

75. Régnier P. 2011. The emerging concept of humanitarian diplomacy: Identification of a community of practice and prospects for international recognition. *International Review of the Red Cross*, vol. 93, no. 884, pp. 1211–1237.

76. Round J.I., Odedokun M. 2004. Aid effort and its determinants. *International Review of Economics & Finance*, vol. 13, no. 3, pp. 293–309.

77. Seybolt T.B. 2009. Harmonizing the humanitarian aid network: Adaptive change in a complex system. *International Studies Quarterly*, vol. 53, pp. 1027–1050.

78. Steinwand M.C. 2015. Compete or coordinate? Aid fragmentation and lead donorship. *International Organization*, vol. 69, no. 2, pp. 443–472. DOI: 10.1017/S0020818314000381.

79. Straus O.S., Wheeler E.P., Ion T.P. et al. 1912. Humanitarian diplomacy of the United States. *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1907–1917)*, vol. 6, pp. 45–59.

80. Tokatlian J.G. 2011. Latinoamérica y sus 'alianzas' extrarregionales: entre el espejismo, la ilusión y la evidencia. In: Wollrad D., Maihold G., Mols M. (eds.). *La agenda internacional de América Latina: Entre nuevas y viejas alianzas*. Buenos Aires, Nueva Sociedad, SWP, Friedrich Ebert Stiftung, pp. 139–160.

81. Vickers B. 2013. Africa and the rising powers: Bargaining for the 'marginalized many'. *International Affairs*, vol. 89, no. 3, pp. 673–693. DOI: 10.2307/23473849.

82. Yaffe H. 2023. Cuban medical internationalism: A paradigm for South–South cooperation. *International Journal of Cuban Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 203–224. DOI: 10.13169/intejcubastud.15.2.0203.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024;
одобрена после рецензирования 18.06.2024;
принята к публикации 01.08.2024

The paper was submitted 08.04.2024;
approved after reviewing 18.06.2024;
accepted for publication 01.08.2024

К.С. Стригунов*

ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БРАЗИЛИИ КАК СУБЪЕКТЫ НЕКЛАССИЧЕСКИХ ВОЙН В ФОРМЕ КРИМИНАЛЬНОГО МЯТЕЖА

*Автономная некоммерческая организация
дополнительного профессионального образования
«Академия политических наук»
125481, Москва, ул. Свободы, 91, к. 2, помещ. 9*

Современные преступные организации (ПО) являются фактором, всё больше дестабилизирующим как отдельные государства и их общества, так и международную систему. На определенном уровне развития они оказываются в состоянии подрывать суверенитет и территориальную целостность государств через установление контроля над некоторыми их территориями. Это может привести к ситуации криминального мятежа, под которым понимается механизм конфронтации с государством, возникающий, когда организованная преступность становится вызовом существованию последнего как такового. В этом отношении особенный интерес представляет изучение опыта стран Латинской Америки и Карибского бассейна, в частности Бразилии. В первой части статьи рассмотрены дискуссии относительно применимости понятий «внутренний вооруженный конфликт» (ВВК) и «неклассическая война» для описания ситуации криминального мятежа в этой стране. Особое внимание уделено двум ключевым критериям ВВК: интенсивности насилия и степени организованности противоборствующих сторон. Автор заключает, что по обоим критериям в Бразилии имеет место состояние неклассической войны в форме криминального мятежа, достигшего уровня ВВК. Во второй и третьей частях проанализированы факторы, которые способствовали превращению конкретных бразильских ПО — «Первой столичной команды» («Primeiro Comando da Capital», PCC) и «милиций» — в акторов полноценного криминального мятежа. В случае с PCC речь идет прежде всего о таких факторах,

* Стригунов Константин Сергеевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Академия политических наук» (e-mail: sks6891@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6202-7493).

как переход к более гибким сетцентричным принципам организации, перенимание опыта партизан-террористов, сопровождающееся растущей интернационализацией деятельности ПО, на фоне милитаризации бразильской полиции. В случае с «милициями» особое внимание уделено феномену «вооруженной политики», когда организованная преступность оказывается встроена непосредственно и неразрывно в государственный аппарат. Автор заключает, что в Бразилии присутствуют все признаки криминального мятежа, поскольку его основные негосударственные субъекты достигли такого уровня организационной сложности, когда они в состоянии подрывать суверенитет государства, устанавливая доминирование хотя бы на части его территории и выступая в качестве стороны ВВК. Специфика ситуации в Бразилии заключается в том, что такой мятеж осуществляется негосударственными насильственными акторами, которые изначально не имеют политической/идеологической мотивации, однако, могут оказывать настолько же разрушительное воздействие на общество и государственные институты, как если бы эти субъекты ставили перед собой политические цели.

Ключевые слова: Бразилия, преступные организации, криминальный мятеж, внутренний вооруженный конфликт, неклассические войны, негосударственные насильственные акторы, «Первая столичная команда», «милиции», банды третьего уровня

Для цитирования: Стригунов К.С. Преступные организации Бразилии как субъекты неклассических войн в форме криминального мятежа // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 125–175. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-125-175.

Konstantin S. Strigunov

BRAZILIAN CRIMINAL ORGANIZATIONS AS SUBJECTS OF NON-CLASSICAL WARS IN THE FORM OF CRIMINAL REBELLION

*Academy of Political Sciences
91-2, Svobody str., Moscow, 125481*

Modern criminal organizations are increasingly destabilizing both individual states and the international system in general. As they reach a certain level of

development, they are able to undermine the sovereignty and territorial integrity of states through the establishment of control over parts of their territories. This can lead to a situation of criminal rebellion, understood as a mechanism of confrontation with the state under which organized crime begins to pose a challenge to the very existence of the latter. In this regard, the case of Latin American and Caribbean countries and, in particular, Brazil is of special interest. The first section examines academic discussions regarding the applicability of the concepts of 'internal armed conflict' and 'unconventional warfare' to the situation of criminal rebellion in Brazil. Special attention is paid to two key criteria — the intensity of violence and the organizational level of the belligerent parties. The author concludes that with regard to both these criteria, there is a state of unconventional warfare in Brazil in the form of a criminal rebellion that has reached the level of the internal armed conflict. The second and third sections of the paper examine the factors that contributed to the transformation of specific Brazilian criminal organizations — the 'First Capital Command' (PCC) and the 'militias' — into actors of a full-fledged criminal rebellion. In the case of the PCC, these factors include the adoption of more flexible network organizational principles and the guerrilla tactics, accompanied by the growing internationalization of criminal activities, against the backdrop of further militarization of the Brazilian police. In the case of the 'militias', the author focuses on the concept of 'armed politics', which describes a situation where organized crime pervades the entire state apparatus. The author concludes that the situation in Brazil shows all the signs of a criminal insurgency, when certain criminal organizations have reached such a level of organizational complexity that they are able to undermine the sovereignty of the state by establishing control over at least part of its territory and acting as a belligerent in the internal armed conflict. The specific of the situation in Brazil is that such an insurgency is carried out by non-state violent actors who formally do not pursue any political/ideological goals. However, due to their destructive potential they should be treated as if they had political goals.

Keywords: Brazil, criminal organizations, criminal rebellion, internal armed conflict, unconventional warfare, non-state violent actors, 'First Capital Command', 'militias', third generation gangs

About the author: Konstantin S. Strigunov — PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Academy of Political Sciences (e-mail: sks6891@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6202-7493).

For citation: Strigunov K.S. 2024. Brazilian criminal organizations as subjects of non-classical wars in the form of criminal rebellion. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 125–175. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-125-175. (In Russ.)

Растущие возможности негосударственных насильственных акторов (НГНА¹) и появление их новых форм представляют собой угрозу как для национальной безопасности государств, так и для международной безопасности в целом. Кроме того, НГНА участвуют в современных военных конфликтах, в том числе отличных от традиционных войн. Следовательно, данный феномен требует глубокого научного осмысления.

НГНА определяются как особые организации, которые:

- 1) мотивированы и способны использовать насилие для достижения своих целей;
- 2) не интегрированы в формализованные государственные институты, такие как регулярные армии, президентская гвардия, полиция или специальные силы;
- 3) обладают определенной степенью автономии в отношении политики, военных операций, ресурсов и инфраструктуры [Hofmann, Schneckener, 2011].

В то же время НГНА могут тайно или открыто поддерживаться или использоваться государственными субъектами. К НГНА относятся ополчения, военизированные формирования, наемники, повстанцы, террористические организации, а кроме того — преступные организации (ПО) с изначально неполитической (экономической) мотивацией².

В последние три десятилетия в ряде стран произошла радикальная организационная трансформация некоторых НГНА, обусловленная глобализацией и факторами, которые стали следствием действий государств. В результате ПО превратились в организационно сложные, разветвленные структуры, способные при определенных условиях бросить вызов правительственным силам. При достижении достаточно высокого эволюционного уровня у некоторых ПО с изначально неполитической мотивацией могут возникнуть

¹ Также известны под названием «негосударственные вооруженные акторы» и «негосударственные вооруженные группы».

² Организации, нацеленные на извлечение прибыли незаконным путем. Отметим, что, например, террористические организации и повстанцы также относятся к ПО, однако изначально имеют политическую/идеологическую мотивацию. К некриминальным негосударственным акторам относятся, например, международные неправительственные организации и транснациональные корпорации. Далее, говоря о ПО, мы будем иметь в виду именно ПО с изначально неполитической мотивацией (если не оговорено иное).

признаки террористических, квазитеррористических³ и повстанческих группировок. Кроме того, эти ПО способны объединяться в сети с террористами и партизанами, что приводит к возникновению феномена конвергенции, под которым понимается союз этих НГНА. Например, террористы и повстанцы могут воспользоваться глобальным незаконным рынком, чтобы обеспечить свою деятельность и приобрести оружие и другие средства, жизненно важные для их операций.

В свою очередь многие транснациональные преступные организации (ТПО), как отмечают М. Миклаучич и Ж. Брюэр в работе [Convergence..., 2013: 16], приняли методы террористического насилия, иногда называемые «пропагандой действием», в качестве способа борьбы со своими соперниками и достижения своих целей. Это относится ко многим крупным латиноамериканским бандам («марас») и картелям. Так, в Мексике прибегают к подобным методам картели «Семья Мичоакана» («La Familia Micoacana»), «Синалоа» («Cartel de Sinaloa», CDS), «Картель нового поколения Халиско» («Cártel de Jalisco Nueva Generación», CJNG) и бывший картель «Лос Зетас» («Los Zetas»)⁴. На Гаити террористические инструменты использует криминальный конгломерат «G9», возглавляемый экс-полицейским Джимми «Барбекю» Шеризье⁵. В Колумбии подобные методы применяют

³ Квазитерроризм — это использование террористических методов или тактики в ситуациях, которые сами по себе не являются террористическими преступлениями: Disorders and terrorism // Office of Justice Programs. U.S. Department of Justice. 1976. Available at: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/Digitization/39469NCJRS.pdf> (accessed: 15.06.2024).

⁴ Террористическое нападение в Морелии, штат Мичоакан: Mexico drug war fast facts // CNN. 20.03.2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2013/09/02/world/americas/mexico-drug-war-fast-facts/index.html> (accessed: 15.06.2024). Уничтожение армейского вертолета боевиками CJNG: Mexican Army helicopter was shot down with rocket-propelled grenades // The Wall Street Journal. 04.05.2015. Available at: <https://www.wsj.com/articles/mexican-army-helicopter-was-shot-down-with-rocket-propelled-grenades-1430783784> (accessed: 15.06.2024). О террористических методах «Los Zetas»: Toledano J. Los Zetas: A look at Mexico's most violent cartel // Grey Dynamics. 27.02.2024. Available at: <https://greydynamics.com/los-zetas-a-look-at-mexicos-most-violent-cartel/> (accessed: 15.06.2024). Террористическая атака в Саламанке, штат Гуанахуато: Bomb at bar in Mexico kills 2, as gangs turn to explosives // The Associated Press. 21.09.2021. Available at: <https://apnews.com/article/mexico-drug-cartels-84c82140f0d1af8d5f31b2ed2943523c> (accessed: 15.06.2024).

⁵ О действиях гаитянских банд, которые применяют террористические методы, см.: Gamba L. Haiti's gang violence has people living in regime of terror // Anadolu Ajansi.

так называемые BACRIM (от исп. *bandas criminales* — преступные группировки), появившиеся после демобилизации ультраправых военизированных формирований, известных как «Объединенные силы самообороны Колумбии» (Autodefensas Unidas de Colombia, AUC)⁶. В Сальвадоре аналогично действует ТПО «Mara Salvatrucha» (MS-13) — группировка, которую в США обвиняли в терроризме⁷. Кроме того, как отмечается в работе [Escenarios y desafíos de la seguridad..., 2017] и в некоторых докладах ООН⁸, растущая конвергенция незаконной деятельности подобных НГНА дала им больше возможностей уклоняться от контрмер государства и преодолевать логистические проблемы.

На определенном уровне своего развития ПО в состоянии подрывать суверенитет и территориальную целостность государства через установление контроля над некоторыми его территориями. Это можно охарактеризовать как криминальный мятеж, под которым понимается такая форма конфронтации с государством, когда организованная преступность начинает представлять вызов существованию последнего как такового [Bustamante, 2020]. В случае криминального мятежа речь идет о высокоорганизованных ПО, которые в состоянии осуществлять социальный контроль через коррупцию, создание атмосферы страха и специфической субкульту-

18.10.2022. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/americas/haiti-s-gang-violence-has-people-living-in-regime-of-terror/2714101#> (accessed: 16.06.2024).

⁶ В частности, «Гайтанистские силы самообороны Колумбии» (Autodefensas Gaitanistas de Colombia, AGC): Daniels J. 'It's total terror': Colombian cartel retaliates over kingpin's arrest // The Guardian. 08.05.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/08/gulf-clan-cartel-armed-strike-colombia-otoniel-dairo-antonio-usuga> (accessed: 16.06.2024).

⁷ Речь идет о высшем руководстве этой ПО, известном как «Ranfla Nacional». См.: EEUU acusa de terrorismo a 'líderes de mayor rango' de la Mara Salvatrucha // France 24. 15.01.2021. Available at: <https://www.france24.com/es/minuto-a-minuto/20210115-eeuu-acusa-de-terrorismo-a-l%C3%ADderes-de-mayor-rango-de-la-mara-salvatrucha> (accessed: 16.06.2024). Обвинение в терроризме главарей MS-13 опубликовано на сайте Министерства юстиции США (прокуратура США, Восточный округ Нью-Йорка): Three of the highest-ranking MS-13 leaders in the world arrested on terrorism and racketeering charges // U.S. Department of Justice. 23.02.2023. Available at: <https://www.justice.gov/usao-edny/pr/three-highest-ranking-ms-13-leaders-world-arrested-terrorism-and-racketeering-charges> (accessed: 16.06.2024).

⁸ Informe del Secretario General sobre el tráfico y los movimientos transfronterizos ilícitos // United Nations. 19.10.2012. Available at: <https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2014/9594.pdf> (accessed: 10.02.2024).

туры, возникающей на территориях, где господствуют или имеют значительное влияние банды и картели. В условиях такого силового контроля участники ПО обладают потенциалом удерживать захваченные ими территории и не допускать на них правительственные силы, включая полицию, военных и др.

В данной работе автор рассматривает высокоразвитые бразильские ПО и ставит вопрос, могут ли они считаться де-факто политическими субъектами и участниками криминального мятежа как формы неклассических войн. Гипотеза исследования состоит в том, что некоторые бразильские ПО в ходе своей эволюции трансформировались в банды третьего уровня⁹ согласно схеме Джона Салливана [Sullivan, 1997], являющиеся основными НГНА криминального мятежа, либо приблизились к этому уровню. Сам криминальный мятеж относится нами к форме неклассических войн — вооруженных конфликтов, в которых государство делает основной акцент не на масштабном применении вооруженных сил, а на информационных операциях, экономических санкциях (если противником выступает другое государство), террористических и диверсионных операциях, использовании сетевым образом организованных групп¹⁰, будь то протестные движения или иррегулярные формирования [Стригунов, 2024], например ПО, террористические организации и повстанцы. Отметим, что у достаточно высокоразвитых ПО типа банд и картелей существуют боевые подразделения, выполняющие аналогичную функцию, что и у повстанцев. Эти НГНА в некоторых исследованиях относятся к гибридным угрозам¹¹, рассматриваемым в данной работе в качестве элементов неклассических войн. Несмотря на наличие научной литературы, посвященной использованию НГНА в межго-

⁹ В оригинале используется термин *generation*, т.е. поколение.

¹⁰ В контексте темы данного исследования под сетевыми группами мы понимаем иррегулярные формирования с преимущественно сетевой формой организации. Такие формирования могут быть у повстанцев, террористов или высокоорганизованных ПО. Примерами ПО с сетевой формой организации являются некоторые картели и «марас» [Wu et al., 2024].

¹¹ Например, в исследовании «Гибридная угроза: преступность, терроризм и повстанческое движение в Мексике»: *The hybrid threat: Crime, terrorism and insurgency in Mexico*. Proceedings of the Joint Policy and Research Forum // Joint Policy and Research Forum co-convened by the George Washington University Homeland Security Policy Institute and the Center for Strategic Leadership, U.S. Army War College. December 2011. Available at: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA557724.pdf> (accessed: 10.05.2024).

сударственных конфликтах (см., например: [Бартош, 2017; Hoffman, 2007]), остается недостаточно изученным участие в неклассических войнах НГНА в качестве самостоятельных субъектов.

Одной из основных научных дискуссий о высокоорганизованных преступных группировках с изначально экономической мотивацией является дискуссия об угрозе, которую эти ПО могут представлять суверенным государствам. В таблице обобщены ключевые положения двух существенно различных и конкурирующих подходов к осмыслению этой проблемы, которые условно можно назвать «доминирующим» (устоявшимся) и «новым» (активно развивающимся).

Основные различия между этими подходами связаны с тем, как они определяют мотивацию, движущую высокоразвитыми ПО в их деятельности. Как показано в работе [Bunker, 2013], главенствующий взгляд на организованную преступность оперирует парадигмой безопасности, которая в свою очередь опирается на положения политического реализма. Один из основных принципов, продвигаемых в рамках последнего, заключается в том, что только государства способны эффективно бросать вызов другим государствам, а негосударственные образования (например, ПО) не могут подняться до такого уровня, чтобы стать угрозой национальной безопасности. Кроме того, организованная преступность лишена какой-либо политической основы и, следовательно, не способна участвовать в политически мотивированном восстании. С точки зрения доминирующей парадигмы члены высокоразвитых ПО рассматриваются как жестокие предприниматели, чьи усилия сосредоточены на незаконном рынке и противостоящих им участниках других ПО (картелей, банд). Согласно этому подходу противодействие государству со стороны таких высокоразвитых ПО и возникающая между последними междоусобная борьба (картель против картеля, банда против банды) не представляют угрозы целостности государства, а для борьбы с картелями и сложноорганизованными бандами (помимо примитивных ПО) достаточно правоохранительных органов. При этом ПО не в состоянии создавать квазигосударства. Среди основных сторонников данного подхода, основывающихся в своих исследованиях в том числе на традиционных криминологических и социологических методах, выделяются Ф. Уильямс [Williams, 2012], П. Кан [Kan, 2012]. Есть и другие исследователи (например, [Морозов, 2018]), считающие,

**Ключевые положения основных подходов к исследованию
высокоразвитых ПО**

Ключевые вопросы	Доминирующий подход	Новый подход
Рассматриваются ли картели и высокоорганизованные банды в качестве политических субъектов?	Нет (повстанческое движение имеет только политическую основу)	Да (преступники в состоянии выступать в роли повстанцев)
Как рассматриваются картели и высокоорганизованные банды?	Организованная преступность (в том числе транснациональная)	Новые де-факто военно-политические субъекты (в состоянии противостоять государству; в отдельных случаях демонстрируют квазигосударственные признаки)
Как рассматриваются члены картелей и высокоорганизованных банд?	Преступники	Преступники-солдаты (преступники-повстанцы)
Что в центре внимания картелей и высокоорганизованных банд?	Незаконный рынок	Незаконный рынок и создание криминальных анклавов (зон безнаказанности)
Имеет ли место политизация картелей и высокоорганизованных банд?	Нет	Де-факто
Какова степень угрозы, исходящей от картелей и высокоорганизованных банд?	Преступления высокой интенсивности (отсутствует угроза целостности государства)	Военные конфликты низкой интенсивности (прямая угроза целостности государства)
Какой уровень реагирования на данную угрозу требуется от государства?	Достаточно правоохранительных органов	Усилий только правоохранительных органов недостаточно, поэтому активно применяются вооруженные силы (имеет место прямая угроза национальной безопасности)

что ПО не могут быть де-факто политическими субъектами и создавать квазигосударства.

Основная идея нового подхода состоит не только в том, что НГНА могут эффективно бросать вызов государствам (например, через установление территориального контроля), но и в том, что они активно участвуют в ранних стадиях «ведения войны и государственного строительства» (согласно Ч. Тилли [Tilly, 1985: 169–187], М. ван Кревелду [Van Creveld, 1991] и В. Фелбаб-Браун¹²). В частности, развитые мексиканские картели рассматриваются как новые военные организации, использующие «солдат-преступников» и ставшие прямой угрозой целостности мексиканского государства. Несмотря на то что изначально мотивация преступных повстанческих движений имеет экономическое происхождение, сами высокоразвитые ПО типа картелей и высокоорганизованных банд за счет создания ими множества «зон безнаказанности» (свободных от государственного влияния) становятся де-факто политическими. Поскольку подобные субъекты являются участниками военных конфликтов низкой интенсивности, соответствующие меры реагирования со стороны государства включают применение вооруженных сил и других элементов обеспечения национальной безопасности. Эти элементы необходимы для выявления и ликвидации главарей ПО, разрушения крупных картелей и банд, а также для восстановления власти государства на территориях, подконтрольных преступным группировкам.

На обозначенные особенности современных ПО указывал, в частности, экс-глава ныне упраздненной Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванов в рамках своего выступления на круглом столе в Институте Латинской Америки РАН (16 декабря 2015 г., Москва): «Особое беспокойство вызывает тот факт, что в последние годы в Центральной Америке картелизация переходит на качественно новый уровень: от картелей семейного типа — к синдикатам-индустриям, гибким адаптивным структурам, имеющим свою контрразведку и разведку, силы быстрого реаги-

¹² Felbab-Brown V. Conceptualizing crime as competition in state-making and designing an effective response // The Brookings Institution. 21.05.2010. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/conceptualizing-crime-as-competition-in-state-making-and-designing-an-effective-response/> (accessed: 16.06.2024).

рования, парамилитарные отряды¹³ и пенитенциарную систему, транспортно-логистические и иные службы, что уже с полным основанием позволяет их квалифицировать в качестве квазигосударственных образований, своего рода “государства в государстве”, что, по сути, может рассматриваться как действенная оппозиция, использующая наркотики для роста своего могущества»¹⁴. Среди сторонников подхода, согласно которому высокоразвитые ПО рассматриваются как преступные повстанцы, также следует выделить Р. Банкера [Bunker, 1997], Л. Мура [Moore, 2002], Дж. Салливана [Sullivan, 2019], М. Мэнваринга [Manwaring, 2005], Б.Ф. Мартынова, В.М. Лунина [Современная организованная преступность..., 2017].

Отметим, что подобные дискуссии ведутся не только в научных кругах, но и в профессиональных интернет-изданиях, таких как «Small Wars Journal» и «Insight Crime», в исследовательских центрах и государственных структурах, среди военных экспертов, в том числе в России, странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), а также на Западе.

Если говорить о собственно академических исследованиях феномена НГНА, связи организованной преступности и терроризма, то следует выделить работы А.С. Васнецовой [Васнецова, 2019], Н.В. Румянцева, В.Н. Омелина [Румянцев, Омелин, 2018], И.М. Клеймёнова [Клеймёнов, 2017], Т. Макаренко [Makarenko, 2004], Л. Шелли и Дж. Пикарелли [Shelley, Picarelli, 2005]. Способность террористических групп трансформироваться в ТПО исследовали К. Дишман [Dishman, 2001] и Ф. Уилльямс [Report on terrorism, 1998: 62–92]. Криминальные мятежи, в том числе в ЛАКБ, активно изучают Дж. Салливан [Sullivan, 2019] и Р. Банкер [Networks, terrorism and global insurgency, 2005].

При этом в фокусе внимания исследователей чаще всего оказываются страны ЛАКБ, что неудивительно: из всех совершаемых в мире убийств 26% происходят в четырех латиноамериканских государствах — Бразилии, Колумбии, Мексике и Венесуэле, а в целом

¹³ Примерами могут служить CJNG и наркогруппировки в Колумбии типа AGC. У этих ПО имеются свои иррегулярные формирования — точно так же, как у традиционных партизан.

¹⁴ Виктор Иванов об антинаркотической дипломатии и геополитике России в Латинской Америке // Нет наркотикам. 18.12.2015. Доступ: http://www.narkotiki.ru/5_81672.htm (дата обращения: 20.06.2024).

по региону этот показатель составляет 33%¹⁵. Именно в ЛАКБ существует множество ПО, относящихся к НГНА, часть из которых достигли такого высокого уровня развития, что могут действовать в международном масштабе. В отечественной научной среде о преступности в ЛАКБ, теоретических проблемах криминализации и ее результатах, а также о конвергентной преступности (в том числе наркотрафике и терроризме) и эволюции криминальных кланов был написан ряд фундаментальных трудов [Транснациональный наркобизнес..., 2002; Организованная преступность..., 2014; Современная организованная преступность..., 2017]. Кроме того, данные вопросы исследовали такие авторы, как Л.Р. Клебанов и С.В. Полубинская [Клебанов, Полубинская, 2022], Д.В. Морозов [Морозов, 2018], З.В. Ивановский [Ивановский, 2019], А.С. Колесник [Колесник, 2019], А.Н. Пятаков [Пятаков, 2023]. Отметим, что зарубежные авторы, например А. Баптиста [Baptista, 2019], Э. Ариас [Arias, 2013], А. Бустаманте [Bustamante, 2020], Дж. Салливан [Sullivan, 1997], К. Диас [Dias, 2009], Дж. Фонсека [Fonseca, 2020], этим вопросам также уделяют значительное внимание. Однако даже при наличии внушительного числа трудов отечественных и зарубежных исследователей остается довольно много пробелов в том, что касается специфики эволюции ПО и НГНА вообще и их трансформаций в частности.

Особый интерес в контексте данной дискуссии представляет кейс Бразилии. В экспертной среде ведутся активные споры о том, является ли противостояние ПО и государства, а также между самими ПО в этой стране внутренним вооруженным конфликтом (ВВК) и криминальным мятежом. Так, некоторые эксперты отрицают наличие ВВК в Бразилии, считая, в частности, что государство сохраняет контроль над своей территорией и де-юре, и де-факто [Foley, 2022]. Другие полагают, что ситуация в стране не достигает порога, необходимого для того, чтобы считаться ВВК. По мнению этих авторов, насилие в Бразилии ни по степени интенсивности, ни по уровню организации негосударственных вооруженных группировок не соответствует тому, чтобы быть квалифицированным как

¹⁵ Muggah R., Tobón K. Citizen security in Latin America: Facts and figures // Igarapé Institute. April 2018. Available at: <https://igarape.org.br/wp-content/uploads/2018/04/Citizen-Security-in-Latin-America-Facts-and-Figures.pdf> (accessed: 10.05.2024).

подобный феномен [Palma, 2023]. Вместе с тем есть исследователи, которые высокий уровень насилия в Бразилии и организованность ПО рассматривают как аргументы в пользу тезиса о наличии в этой стране криминального мятежа и ВВК [Silva, 2018; Diniz, McBrien, 2022].

Выбор Бразилии для данного исследования обусловлен также тем, что в этом государстве, для которого в целом характерен весьма высокий уровень преступности, за последние несколько десятилетий ситуация в сфере безопасности не только не улучшилась, но, напротив, заметно ухудшилась. Так, количество убийств на каждые 100 тыс. человек в большинстве бразильских штатов с 1980 г. выросло в разы, а в отдельных штатах (например, в Мараньяне) — более чем на порядок¹⁶. В абсолютных величинах показатель гибели населения Бразилии вследствие противостояния между ПО и государством, а также между самими ПО является наибольшим в ЛАКБ и одним из наибольших в мире. Для сравнения: в Колумбии в 2010–2021 гг. количество насильственных смертей находилось в диапазоне от 11 452 до 16 440 человек в год¹⁷, в Мексике — от 25 760 до 36 770 человек¹⁸. В Бразилии в тот же период от рук преступников погибали свыше 40 тыс. человек в год, а в отдельные годы — более 60 тыс. человек (рис. 1), т.е. по данному показателю она превосходила Колумбию и Мексику вместе взятые. Из этого следует, что в Бразилии сохраняются условия для перманентно высокого уровня организованного насилия и вместе с тем существуют специфические факторы, поддерживающие его. Если государство не в состоянии радикально уменьшить такое насилие, то речь идет как о слабости государственных институтов, так и о высоком уровне организации местных НГНА, способных не только адаптироваться под давлением силовых ведомств, но и оказы-

¹⁶ См.: Taxa homicídios. Mapa da violência do IPEA // Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada. 2021. Available at: <https://www.ipea.gov.br/atlasviolencia/dados-series/20> (accessed: 12.02.2024).

¹⁷ Number of victims of intentional homicides in Colombia from 2010 to 2022 // Statista Research Department. 08.12.2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/917683/colombia-number-homicides/> (accessed: 02.05.2024).

¹⁸ Number of victims of intentional homicide in Mexico from 2000 to 2021 // Statista Research Department. 09.08.2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/312488/number-of-homicides-in-mexico/> (accessed: 02.05.2024).

вать мощное противодействие государству вплоть до осуществления локального территориального контроля.

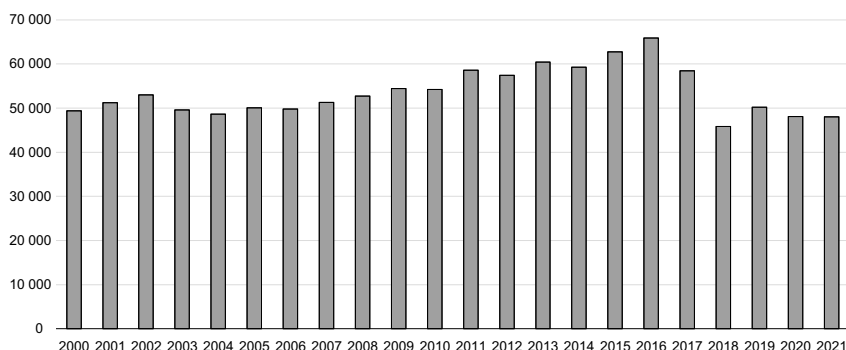

Рис. 1. Количество убийств в Бразилии по годам

Составлено автором на основе: Taxa homicídios. Mapa da violência do IPEA // Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada. 2021. Available at: <https://www.ipea.gov.br/atlasviolencia/dados-series/20> (accessed: 12.02.2024).

Кроме того, за последние 35 лет в Бразилии возникли новые ПО, деятельность которых в отдельных случаях достигла международного размаха. Так, крупнейшая бразильская ПО, известная под названием «Первая столичная команда» («Primeiro Comando da Capital», РСС¹⁹), о которой речь пойдет дальше, действует по всей Южной Америке, а ее операции охватывают также США, Европу, Африку и Азию²⁰ [Castro et al., 2023; Pavão dos Santos, 2021]. Благодаря известным сведениям об этой ПО на ее примере легче всего проследить эволюционный путь от локальной тюремной банды до уровня ТПО.

Бразильский кейс интересен еще и тем, что в последние два десятилетия на целые районы ряда бразильских городов стали активно распространять свое влияние ПО под названием «милиции», имеющие тесные связи с силовыми структурами и другими государ-

¹⁹ О генезисе этой ПО см.: [Pavão dos Santos, 2021; Lima et al., 2022].

²⁰ Treasury uses new sanctions authority to combat global illicit drug trade // U.S. Department of the Treasury. 15.12.2021. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0535> (accessed: 17.06.2024).

ственными ведомствами. Значительный рост площади контролируемых «милициями» территорий в последние 15–20 лет указывает на существенные организационные изменения этих ПО, позволяющие им всё более эффективно вытеснять банды и официальные власти. Отметим, что в отечественной научной литературе этому типу ПО внимание почти не уделялось. В то же время за рубежом данный вопрос исследован гораздо лучше, что, в частности, отражено в работах таких авторов, как В. Коуто и К. Фильо [Couto, Filho, 2019], И. Линс и К. Мачадо [Lins, Machado, 2023], П. Мансо [Manso, 2020], Р. Пастор [Pastor, 2021], С. Петерке [Peterke, 2011]. При этом научная литература, посвященная «милициям», не отвечает на все вопросы о механизмах их эволюции, организации этих ПО, их взаимодействии с властью и других особенностях.

Таким образом, в Бразилии имеются сразу две существенно различающиеся между собой формы ПО как разновидности НГНА: противопоставляющие себя государству банды, наиболее ярким представителем которых является РСС, а также теснейшим образом связанные с государственными институтами «милиции», одновременно играющие роль параллельной власти на подконтрольных им территориях.

С учетом особенностей ПО Бразилии и недостаточной изученности их специфики исследование бразильских реалий представляется весьма актуальным. В то же время данный кейс вполне репрезентативен, поскольку некоторые бразильские ПО обладают признаками, характерными для преступных сообществ многих стран ЛАКБ, например способностями создавать сложные тюремно-уличные комплексы²¹, осуществлять экспансию за пределы своего города или штата, устанавливать территориальный контроль, милитаризоваться.

В данной статье автор ставит своей целью показать, что действия бразильских ПО в отношении государства имеют признаки криминального мятежа и являются формой неклассических войн, достигающих порога ВВК. Задачи исследования состоят в том, чтобы выявить факторы, способствующие криминальному мятежу в Бразилии, на примере конкретных ПО — РСС и «милиций».

²¹ Под тюремно-уличным комплексом понимается совокупность взаимосвязанных структурных элементов ПО, действующих как в тюрьмах, так и на улицах.

Соответствие криминального мятежа в Бразилии понятиям «внутренний вооруженный конфликт» и «неклассическая война»

Под ВВК понимается затяжное вооруженное противостояние между правительственными силами и одной или несколькими вооруженными группировкам либо между разными ПО на территории государства. Вооруженное противостояние должно достичь хотя бы минимального уровня интенсивности, а стороны, участвующие в конфликте, должны проявить хотя бы минимальную организованность²². ВВК определяются и регулируются статьей 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г. («общая статья 3»²³), и вторым Дополнительным протоколом («Дополнительный протокол II») 1977 г. к Женевским конвенциям²⁴.

При этом, следуя подходу Я. Клеффнера, мы полагаем, что вооруженная группа может считаться «организованной» при условии, если она обладает командной структурой, дисциплинарными правилами и механизмами [Kleffner, 2019]. Схожим образом «организованность» определяется документами Управления ООН по наркотикам и преступности²⁵. В качестве «интенсивного» рассматривается такое насилие, которое включает гибель людей, ранения, разрушение или повреждение объектов в ходе противоборства сторон. Сам критерий

²² Non-international armed conflict (NIAC) // United Nations Office for Disaster Risk Reduction. 15.01.2020. Available at: <https://www.undrr.org/understanding-disaster-risk/terminology/hips/so0002#> (accessed: 10.02.2024); How is the term 'armed conflict' defined in international humanitarian law? // International Committee of the Red Cross. March 2008. Available at: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/opinion-paper-armed-conflict.pdf> (accessed: 12.02.2024).

²³ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Организация Объединенных Наций. Конвенции и соглашения. 12.08.1949. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 10.02.2024).

²⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) // Международный Комитет Красного Креста. 08.06.1977. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁵ В документе «организованность» определяется такими факторами, как «существование той или иной формы командной структуры и сопутствующих дисциплинарных правил и механизмов, управляющих группой»: Categorization of an armed conflict // UNODC. 2024. Available at: <https://www.unodc.org/e4j/zh/terrorism/module-6/key-issues/categorization-of-armed-conflict.html> (accessed: 18.06.2024).

организованности мы в равной степени применяем и к вооруженным силам государства, и к НГНА. Наконец, когда несколько НГНА и государственные вооруженные силы противостоят друг другу, уровень интенсивности конфликта рассматривается кумулятивно. Это означает, что высокая интенсивность может быть достигнута за счет накопления насилия, возникающего между всеми такими субъектами независимо от того, действуют они изолированно или вступают в альянсы, но при условии, что акты насилия со стороны нескольких НГНА происходят в географическом и временном континууме²⁶. Данный континуум необходим для отделения актов насилия, которые происходят в определенном месте и в пределах достаточной временной близости, от разрозненной серии актов насилия, совершаемых различными НГНА в течение длительного времени и рассредоточенных в пространстве (географически). Для определения уровня интенсивности мы используем классификацию Уппсальского университета, согласно которой при количестве смертей от 25 до 1000 человек в год конфликт считается незначительным, а свыше 1000 — относится к войне²⁷.

Говоря о Бразилии, следует отметить, что в этой стране ежегодно гибнут насильственной смертью десятки тысяч (!) человек. Пик убийств пришелся на 2016 г., когда погибли порядка 65 тыс. человек. Более того, даже в отдельных штатах показатель насильственных смертей огромен. Так, в штате Баия в 2021 г. погибли свыше 7 тыс. человек²⁸, и это не самый опасный штат. Таким образом, превышение порога ВВК в Бразилии имеет место на уровне как всей страны, так и ряда штатов.

Необходимо подчеркнуть, что мы считаем неправильным ограничивать феномен ВВК только случаями, когда речь идет о потерях противоборствующих сторон в ходе боевых действий исключительно между вооруженными силами государства и повстанческими/террористическими группировками или между самими повстанче-

²⁶ Этот аспект особенно выделяется в работе [Kleffner, 2019].

²⁷ UCDP/PRIO armed conflict dataset codebook. Version 19.1 // Uppsala Conflict Data Program. 2019. Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdpprio/ucdp-prio-acd-191.pdf> (accessed: 12.02.2024).

²⁸ Taxa homicídios. Mapa da violência do IPEA // Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada. 2021. Available at: <https://www.ipea.gov.br/atlasviolencia/dados-series/20> (accessed: 12.02.2024).

скими/террористическими группировками. Для того чтобы определить, относится ли то или иное противостояние к ВВК или нет, в первую очередь следует установить, соответствует ли ситуация в конкретной стране двум ключевым критериям ВВК: интенсивности насилия и наличию организации у противоборствующих сторон. Если соответствие критериям ВВК есть, то не имеет никакого значения мотивация НГНА — политическая она или экономическая²⁹. Это логично, поскольку для государства и общества неважно, что стало причиной разрушительного воздействия ПО на общественно-политическую систему. Пока организованное насилие имеет достаточную интенсивность, а вооруженные преступные группы обладают достаточным потенциалом для координации и осуществления боевых действий, речь идет о ВВК.

Значительная часть убийств в Бразилии, куда входят убийства самих преступников, государственных служащих и гражданских лиц, совершена именно организованной преступностью и не относится к преступлениям, например, на бытовой почве. На организованную преступность приходится от 70 до 80% убийств в Бразилии, включая гибель участников ПО, вступающих в вооруженное противостояние друг с другом или в столкновения с силовыми структурами³⁰. В комментарии Международного Комитета Красного Креста также подчеркивается, что необходимая интенсивность конфликта достигается тогда, «когда правительство вынуждено использовать военную силу против повстанцев, а не просто полицейские силы»³¹. В Бразилии власти давно и активно

²⁹ Как отмечают исследователи Женевской академии международного гуманитарного права и прав человека, в ВВК «клеяние вооруженной группы как террористической или преступной, а также цель или идеология группы не имеют значения». См.: Is there a non-international armed conflict in Ecuador? // The Geneva Academy. 02.02.2024. Available at: <https://www.geneva-academy.ch/news/detail/687-is-there-a-non-international-armed-conflict-in-ecuador> (accessed: 17.06.2024).

³⁰ См.: Westin R. Redução de homicídios pode gerar falsa sensação de segurança, dizem especialistas Fonte: Agência Senado // Agência Senado. 25.03.2022. Available at: <https://www12.senado.leg.br/noticias/infomaterias/2022/03/reducao-de-homicidios-pode-gerar-falsa-sensacao-de-seguranca-dizem-especialistas> (accessed: 17.06.2024).

³¹ Комментарий № 425 (от 2016 г.) к Конвенции (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих вооруженных силах: Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. Commentary of 2016 // International Committee of the Red Cross. 2016. Available

используют военных для борьбы с ПО³². Наконец, следует отметить, что количество насильственных смертей в год в Бразилии превосходит аналогичный показатель во многих странах, где действуют повстанцы/террористы, являющиеся признанными сторонами ВВК.

Что касается критерия организованности, то бразильские ПО обладают достаточным ее уровнем, поскольку способны осуществлять длительный силовой контроль над территориями и противостоять силовым ведомствам государства. Схожая ситуация в Мексике, где наркокартели контролируют целые районы, а для борьбы с ними власти применяют военных и Национальную гвардию³³. В Колумбии для противостояния ПО типа BACRIM, например AGC, также используются военные, как в случае с поимкой главаря этой организации по прозвищу «Отониэль» в ходе операции «Агаменон» («Operación Agamenón»)³⁴ в 2021 г.

В то же время мы полагаем, что в Бразилии противостояние ПО и государства, а также преступных группировок между собой следует рассматривать и как форму неклассических войн. Как уже отмечалось, для достижения военно-политического результата в неклассических войнах акцент делается, в частности, на использовании сетевых групп [Стригунов, 2024]. К ним относятся протестные

at: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gci-1949/article-3/commentary/2016?actTab=1949GCs-APs-and-commentaries#125> (accessed: 17.06.2024).

³² Примеры: Forças armadas são solução no combate ao crime organizado? // CartaCapital. 11.11.2023. Available at: <https://www.cartacapital.com.br/politica/forcas-armadas-sao-solucao-no-combate-ao-crime-organizado/%20%20;%20> (accessed: 17.06.2024); Militares e moradores fazem balanço da ocupação do Alemão // Globo. 2015. Available at: <https://g1.globo.com/rio-de-janeiro/noticia/2015/11/militares-e-moradores-fazem-balanco-da-ocupacao-do-alemao.html> (accessed: 17.06.2024); Maré — Um laboratório para o Rio: A ocupação militar na Maré (2014) e a Intervenção Federal (2018) // Centro de Estudos de Segurança e Cidadania. 27.05.2018. Available at: <https://cesecseguranca.com.br/participacao/mare-um-laboratorio-para-o-rio-a-ocupacao-militar-na-mare-2014-e-a-intervencao-federal-2018/> (accessed: 17.06.2024).

³³ Las fuerzas armadas mexicanas cumplirán labores de seguridad pública hasta 2024 // France 24. 12.05.2020. Available at: <https://www.france24.com/es/20200512-fuerzas-armadas-mexicanas-cumpliran-labores-seguridad-publica-2024> (accessed: 17.06.2024).

³⁴ Así fue la Operación Agamenón que logró dar con el paradero de alias 'Otoniel' // El Espectador. 24.10.2021. Available at: <https://www.elespectador.com/judicial/asi-fue-la-operacion-agamenon-que-logro-dar-con-el-paradero-de-alias-otoniell/> (accessed: 17.06.2024).

движения (например, в «цветных революциях») и организованные по сетевому принципу иррегулярные военизированные формирования. С помощью средств, методов и технологий неклассических войн возможно достижение военно-политического результата, сопоставимого с результатом в классических войнах, где акцент делается на масштабном использовании вооруженных сил в форме прямых военных действий.

В неклассических войнах хотя бы одна из сторон конфликта не применяет вооруженные силы (регулярные войска)³⁵. Государство, как правило, обладает армией, но если оно ведет неклассическую войну, то может не задействовать ее в форме традиционных масштабных военных действий, а использовать, например, сетевые группы, информационные операции. Вместе с тем государство может применять свои вооруженные силы и в ответ на развязанную другим государством неклассическую войну. Однако данный ответ в отношении государства-противника будет не прямой, а опосредованный, т.е. против иррегулярных военизированных формирований, использованных государством-противником, не участвующим в конфликте напрямую, как это было, например, в Сирии³⁶. В случае с криминальным мятежом НГНА, бросающие вызов государству, не обладают вооруженными силами в их традиционном понимании. При этом государство способно использовать против НГНА свои регулярные войска.

К основным негосударственным субъектам неклассической войны в Бразилии относятся развитые ПО, для которых характерен сетевой тип организации и которые способны бросить вызов государству, подорвать его суверенитет хотя бы на части его территории. В этой связи мы считаем, что в Бразилии имеет место состояние неклассической войны в форме криминального мятежа, достигшего

³⁵ Существуют небольшие государства, не имеющие регулярных войск, но у них, например, есть двустороннее соглашение с другим государством, которое обязуется оказать военную помощь в случае нападения. Пример — Андорра, которую в случае нападения обязаны защищать Франция и Испания, т.е. функцию вооруженных сил Андорры будут выполнять вооруженные силы этих двух государств («Соглашение о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»).

³⁶ В 2011 г. коалиция западных и ближневосточных стран развязала войну против правительства Сирии, использовав в качестве основного инструмента парамилитарные вооруженные формирования. См.: [Репко, 2017].

уровня ВВК. Этот мятеж не ставит задачу прямого захвата власти, а радикально меняет структуры управления, доступ к экономике и культурную жизнь [Khoday, 2016]³⁷. Специфика данного феномена заключается в том, что такой мятеж, достигающий уровня ВВК, одновременно являясь формой неклассических войн, осуществляется НГНА изначально без политической/идеологической мотивации. Вместе с тем криминальный мятеж оказывается возможным при достижении его субъектами, т.е. ПО с изначально неполитическими/неидеологическими целями, в ходе своей эволюции достаточно высокого организационного уровня, который позволяет им оказывать такое разрушительное воздействие на общество и государственные институты, как если бы эти субъекты ставили перед собой политические цели [Стригунов и др., 2022].

Важно отметить, что высокоорганизованные ПО с изначально экономическими целями способны влиять на государство и общество не менее, а в некоторых случаях — и более разрушительно, чем НГНА с политической мотивацией. Небольшие ПО, с которыми может справиться полиция, не в состоянии фактически достигать политических целей, поскольку не обладают соответствующими ресурсами и организацией. Однако по мере организационного усложнения и увеличения ресурсов ПО способны оказать настолько деструктивное влияние на общественно-политическую систему государства, что это имеет политические последствия, даже если сами ПО к этому не стремятся. Значит, де-факто они становятся политическими субъектами. Подчеркнем: речь не идет о формальных признаках, например о наличии политической программы, идеологии и декларации своих политических намерений. Так, террористы/повстанцы могут фактически контролировать территории государства и заявлять о стремлении выйти из его состава. Высокоорганизованная криминальная группировка с изначально экономической мотивацией не имеет политических целей и никак их не декларирует, но точно так же в состоянии контролировать значительные территории, устанавливая там свою фактическую

³⁷ Sullivan J. Criminal insurgency: Narcocultura, social banditry, and information operations // Small Wars Journal. 03.12.2012. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/criminal-insurgency-narcocultura-social-banditry-and-information-operations> (accessed: 13.02.2024).

власть. Далее, для противодействия бразильским ПО в условиях ВВК недостаточно усилий одной полиции, поэтому применяются войска. Разумеется, сказанное относится только к тем ПО, которые обладают необходимым уровнем организации. Сам факт того, что действия подобных высокоорганизованных ПО ведут к возникновению ВВК, означает, что они становятся де-факто политическими субъектами.

В этом отношении обращают на себя внимание выводы профессора Н. Гилмана, сделанные на основе изучения мексиканских картелей³⁸, согласно которым статус последних как политических игроков основан на трех факторах³⁹:

- они применяют значительное количество насилия для навязывания своей воли и разрешения незаконных договорных споров. Использование насилия приводит таких политических акторов в конфликт с одним из ключевых источников легитимности государства, а именно с его монополией на социально санкционированное применение силы, превращая картели из просто преступных бизнесменов в преступных повстанцев;

- в некоторых случаях эти новые де-факто политические субъекты начинают выступать в качестве частных судей, оказывать услуги в сфере здравоохранения, строить инфраструктуру, т.е. обеспечивать те блага, которые состоявшиеся государства должны предоставлять своим гражданам;

- картели всё больше контролируют значительные части мировой экономики и занимают экономически значимое место на территориях, где государство ослабевает.

Аналогичным образом обстоят дела с центральноамериканскими «марас», которые, как отмечается в отчете Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, «могут напрямую контролировать общество и де-факто осуществлять власть в регионах, где они действуют»⁴⁰.

³⁸ Аргументация, используемая Н. Гилманом для мексиканских картелей, подходит для любых ПО, обладающих достаточно высоким уровнем организации и ресурсов.

³⁹ Сама статья профессора Н. Гилмана опубликована в журнале «The American Interest»: Gilman N. The twin insurgency // The American Interest. 2014. Vol. 9. No. 6. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2014/06/15/the-twin-insurgency/> (accessed: 18.06.2024).

⁴⁰ Guidance note on refugee claims relating to victims of organized gangs // United Nations High Commissioner for Refugees. 31.03.2010. Available at: <https://www.refworld.org/policy/legalguidance/unhcr/2010/en/72812> (accessed: 18.06.2024).

Далее мы на конкретных примерах рассмотрим, какие факторы способствовали превращению бразильских ПО в субъектов неклассических войн в форме криминального мятежа. Для этого мы введем классификацию эволюционных уровней ПО, которая основана на работах Дж. Салливана, посвященных бандам⁴¹ [Sullivan, 1997]. Исследователь выделяет три уровня ПО:

1) банды первого уровня — это традиционные уличные банды, совершающие повседневную преступную деятельность; они территориально ориентированы, поскольку, когда преступность начинает организовываться, она имеет тенденцию доминировать в определенных районах;

2) банды второго уровня занимаются бизнесом, предприимчивы и сосредоточены на наркотиках, также могут осуществлять другую деятельность, например незаконный оборот оружия; масштаб их деятельности может соответствовать национальному или даже международному уровню;

3) банды третьего уровня действуют уже в глобальном масштабе, они в состоянии преследовать политические цели, поскольку склонны подменять государство в подконтрольных районах и защищать территориальную зону влияния так же, как повстанческие политические группы. Соответствуют трем главным критериям: политизация, изошренность (сложность) и интернационализация.

В контексте данного исследования наибольший интерес представляют банды третьего уровня.

⁴¹ Отметим, что в данном исследовании используется термин «банда» в более широкой трактовке, чем в ст. 209 УК РФ. Так, согласно ст. 209 УК РФ банда — это организованная устойчивая вооруженная группа, состоящая из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда в смысле УК РФ соответствует бандам первого или частично второго уровня в схеме Дж. Салливана. Однако при переходе на третий уровень банда (в широкой трактовке) приобретает признаки незаконного вооруженного формирования (из ст. 208 УК РФ следует, что незаконное вооруженное формирование может представлять собой объединение, отряд, дружину или иную группу, не предусмотренную федеральным законом), организации наемнического типа и повстанческой/террористической организации с политическими целями. Поскольку в данной статье речь идет преимущественно о ПО, обладающих признаками или частично соответствующих признакам банд третьего уровня согласно схеме Дж. Салливана, термин «банда» в данной работе употребляется в более широкой трактовке, чем в УК РФ.

«Primeiro Comando da Capital»

как участник криминального мятежа в Бразилии

Численность РСС составляет порядка 30–35 тыс. человек; кроме того, данная группировка контролирует еще 550 тыс. лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы [Coutinho, 2019]. Считается, что РСС была основана 31 августа 1993 г. восемью заключенными в тюрьме «Таубате», штат Сан-Паулу, и с тех пор претерпела существенную трансформацию, по ряду признаков эволюционировав до банды третьего уровня.

Возникновению РСС предшествовала бойня в тюрьме «Карандиру» (1992), когда были убиты 111 заключенных⁴². Часть выживших во время тех событий основали РСС. Это один из ярчайших примеров того, как скученность, не позволяющая отделять членов одной банды от другой [Современная организованная преступность..., 2017: 201], а также тяжесть условий заключения, плохое питание и т.д., вызывающие тюремные бунты [Клебанов, Полубинская, 2022], привели к становлению крупнейшей преступной группировки. Пройдя несколько стадий развития — от мелкой тюремной банды до гигантского преступного синдиката, чья гибкая структура напоминает «Аль-Каиду»⁴³ (запрещенная в России террористическая организация), РСС продемонстрировала колоссальный прогресс в совершенствовании своей организации.

Одним из ключевых факторов, способствовавших организационному усложнению РСС, стала изоляция главарей данной ПО в тюрьмах. Это было связано с тем, что после создания Федеральной пенитенциарной системы в Бразилии главарей группировок перемещали в федеральные тюрьмы. РСС не стала исключением, что нарушило командную структуру этой ПО, когда ее руководство утратило возможность передавать директивы своим подчиненным или их передача была затруднена. Данное событие произошло на эта-

⁴² Это произошло в результате вмешательства военной полиции штата Сан-Паулу в целях сдерживания восстания преступников в тюрьме «Карандиру». Данное событие имело широкий общественный резонанс в Бразилии.

⁴³ Sullivan J. From drug wars to criminal insurgency: Mexican cartels, criminal enclaves and criminal Insurgency in Mexico and Central America. Implications for global security // HAL SHS (Sciences de l'Homme et de la Société). 03.05.2012. Available at: <https://shs.hal.science/halshs-00694083/document> (accessed: 13.02.2024).

пе перехода к торговле наркотиками, когда группировка стала чаще прибегать к террористической тактике (попытки взорвать общественные здания, похищения людей, убийства судей и т.п.). Отойдя от вертикально-интегрированной формы организации в пользу децентрализованной структуры, группировка создала несколько «отделов», каждый из которых стал выполнять определенную функцию. В результате РСС начала работать как тайная преступная сеть, где обязанности были четко разделены [Fonseca, 2020]. В целом реакция ПО на изоляцию ее лидеров в виде создания автономных суборганизаций была логичной и привела к усложнению всей группировки (см.: [Schneider et al., 2019]), а также способствовала ее интернационализации и выходу на международные «рынки», поскольку изначально жесткая вертикальная интеграция и отбор в РСС препятствовали такому расширению, особенно в условиях противодействия со стороны государства и перемещения лидеров ПО в федеральные тюрьмы.

Другой особенностью РСС является фактор кооптации в нее профессионалов-террористов и партизан, обладающих обширным опытом повстанческой деятельности. Так, с 1999 г. с руководством РСС поддерживал контакты чилийский партизан-революционер Маурисио Эрнандес Норамбуэна, бывший участник Патриотического фронта им. Мануэля Родригеса. В 2002 г. он был арестован и отправлен в бразильскую тюрьму за похищение бразильского бизнесмена Вашингтона Оливетто [Arruda, 2020]. Как отмечают М. Кристино и К. Тоньолли, РСС стала гораздо более сложной с точки зрения ее структуры и образа действий в течение периода контактов с М. Норамбуэной [Christino, Tognolli, 2017]. По мнению авторов, подобные корректировки были бы невозможны без внешнего влияния. Спецгент Федеральной полиции Бразилии Гильерме Фонсека также указывает на сходство организационной структуры, реализованной РСС на этом этапе, со структурой нескольких левых террористических организаций предыдущих десятилетий [Fonseca, 2020].

Кроме того, приблизительно в то же время (начало 2000-х годов) участники РСС стали активно применять террористические методы для оказания давления на власти (например, теракты в мае 2006 г.⁴⁴).

⁴⁴ В штате Сан-Паулу с 12 по 20 мая 2006 г. участники РСС осуществили нападения, известные как «Майские преступления», в отместку за изоляцию 765

Лидер РСС Маркос Уильямс Хербас Камачо, известный под прозвищем «Маркола», фактически стал учеником М. Норамбуэны, переняв у того концепции асимметричной и городской партизанской войны, а также развил политическую программу РСС⁴⁵, что отмечается в работе [Coutinho, 2019], т.е. имело место сочетание структурных изменений с идеологическими адаптациями. Сама же идеология РСС строилась на антисистемных (антигосударственных) принципах, равенстве и справедливости⁴⁶, отраженных в лозунгах фракции «брат не убивает брата», «преступники должны объединяться»⁴⁷, «мир, справедливость, свобода, равенство и союз» и т.п., которые стали частью ее политизации, на что указывается в работе [Fonseca, 2020].

РСС интернационализирует свою деятельность, как установили ряд исследователей [Castro et al., 2023; Pavão dos Santos, 2021]. В частности, она демонстрирует растущую заинтересованность в вербовке новых членов, например бывших участников демобилизованной в 2016 г. группировки «Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа» («Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia — Ejército del Pueblo», FARC-EP) [см. подробнее: Klein, 2019]. Интерес этот связан с возможностью пройти военную под-

заключенных из этой группировки в тюрьме накануне праздника Дня матери (Dia das Mães). Преступники убили 59 агентов служб безопасности на улицах и подняли восстание в 74 тюрьмах Сан-Паулу. Кроме того, в ходе актов насилия, в которых принимали участие как преступники, так и полиция вместе с «группами истребления» (grupos de extermínio), погибли 505 гражданских лиц. См.: Jozino J. Após ataques de maio de 2006, PCC se estruturou como organização mafiosa // UOL (Universo Online). 12.05.2022. Available at: <https://noticias.uol.com.br/colunas/josmar-jozino/2022/05/12/apos-ataques-de-maio-de-2006-pcc-se-estruturou-como-organizacao-mafiosa.htm> (accessed: 18.06.2024).

⁴⁵ Л. Коутиньо, по всей видимости, имеет в виду первый опубликованный устав «Партии преступников» («Partido do Crime» — так называлась РСС в самом начале своего существования), также известный как «Устав 1997 года». С полным текстом этого документа можно ознакомиться в работе Р. де Анжелиса (приложение А): A ordem da 'paz justa e liberdade': Uma análise da organização institucional e ideológica do PCC e do comando vermelho e sua força paralela ao estado nas comunidades // Universidade Estadual da Paraíba. 2020. Available at: https://dspace.bc.uepb.edu.br/jspui/bitstream/123456789/22480/2/RAFAEL_DE_ANGELIS.pdf (accessed: 18.06.2024).

⁴⁶ Идеология РСС исследовалась, в частности, в работе [Baptista, 2019].

⁴⁷ Дословно фраза (третий пункт в «Уставе 1997 года») звучит так: «A união da Luta contra as injustiças e a opressão dentro das prisões» — «Единство борьбы против несправедливости и угнетения в тюрьмах».

готовку у бывших колумбийских партизан и добиться контроля над маршрутами перевозки наркотиков на стыке границ государств бассейна реки Амазонки⁴⁸. Кроме того, расследования, проведенные Федеральной полицией Бразилии, выявили связи между РСС и «Хезболлой» в операциях по незаконному обороту наркотиков. Бразильские преступники обеспечивают защиту ливанским дилерам и выступают в качестве их логистических операторов, отправляющих наркотики через бразильские порты в Африку, Европу и на Ближний Восток⁴⁹. Смычка с партизанскими и террористическими организациями⁵⁰ способствовала эволюции РСС до банды третьего уровня. Она заимствовала навыки, методы и тактику инсургентов, во многом — как результат вербовки их боевиков, которые в ряде случаев кардинально преобразуют кооптирующие их криминальные структуры.

Наконец, еще одним фактором, повлиявшим на эволюцию РСС, была милитаризация бразильской полиции. Во время правления военной хунты в Бразилии (1964–1985) ее перевели под юрисдикцию вооруженных сил [Bicudo, 2000: 95]. Однако даже после принятия Конституции 1988 г. функции военной полиции остались неизменными. По мнению Х. Бикудо, бразильская полиция ведет войну с преступностью, используя те же методы, которые применяют военные для борьбы с партизанами [Bicudo, 2000: 96]. Исследователи указывают на то, что военная полиция действует так, как будто

⁴⁸ О связях диссидентов FARC-EP и РСС сообщил бывший министр обороны Колумбии Луис Карлос Вильерас: Brazil's PCC is recruiting FARC dissidents: Colombia Defense Minister // InSight Crime. 01.02.2017. Available at: <https://insightcrime.org/news/brief/brazil-pcc-recruiting-farc-dissidents-colombia-defense-minister/> (accessed: 15.02.2024).

⁴⁹ О связях РСС и «Хезболлы» см.: Polícia Federal aponta elo entre facção brasileira e Hezbollah // O Globo. 11.09.2014. Available at: <https://oglobo.globo.com/politica/policia-federal-aponta-elo-entre-facciao-brasileira-hezbollah-14512269> (accessed: 15.02.2024). Кроме того, информацию об этих связях подтвердило итальянское Управление расследований по борьбе с мафией: Relazione del Ministro dell'Interno al Parlamento sull'attività svolta e sui risultati conseguiti dalla Direzione Investigativa Antimafia // Ministero dell'Interno. Luglio-Dicembre 2022. Available at: https://direzioneeinvestigativaantimafia.interno.gov.it/wp-content/uploads/2023/09/DIA_secondo_semestre_2022Rpdf.pdf (accessed: 15.02.2024).

⁵⁰ В России «Хезболла» не признана террористической организацией; таковой ее признали США, Израиль, Великобритания и ряд других стран.

в стране введен режим чрезвычайного положения [Pastor, 2021: 64]. Ситуация схожа с тем, что произошло в Мексике, где власти применили контрповстанческую тактику против ПО, но в итоге это не только не помогло в борьбе с ними, но и «усилило то явление, которое нужно было сдерживать» [La crisis de seguridad..., 2018: 93]. Криминальные структуры усвоили этот опыт и использовали его против государства. Например, нанимаемые ПО сотрудники силовых структур обучают преступников, в том числе проводят с ними огневую подготовку, отрабатывают тактику действий в городских районах, таких как фавелы, готовят пути отхода, учат конспирации. Фактически использование партизанских подходов и военной тактики привело к милитаризации самой преступности⁵¹, что также способствовало выводу ПО на новый организационный уровень.

Вследствие перечисленных факторов РСС радикально усложнилась и интернационализировала свою деятельность, расширив свои связи в странах Южной Америки (Боливии, Колумбии, Парагвае, Перу, Чили) и за ее пределами (например, в Европе, установив контакты с итальянской мафией Ндрангетой), став ТПО. Данная группировка в силу характера своих действий в ряде случаев де-факто стремится достичь политических целей. Некоторые авторы, говоря о бразильской преступности, указывают, что эти ПО всё больше привлекают внимание властей и самого общества из-за социальной и политической нестабильности, которую они порождают (см.: [Leão, Blanco, 2022]). В совокупности данные обстоятельства свидетельствуют в пользу утверждения о том, что РСС является участником криминального мятежа как формы неклассической войны.

Отметим, что в Бразилии есть и другие ПО, противостоящие друг другу и государству. Однако в данном исследовании мы ограничились РСС, поскольку:

- ее пример позволяет проследить эволюцию ПО до банды третьего уровня;
- РСС лучше всего демонстрирует то, как ПО, достигнув достаточно высокого организационного уровня, оказывается в состоянии оспаривать власть государства на некоторых территориях;

⁵¹ Об использовании бывших военных фракцией РСС см.: No Rio, ex-militares ensinam táticas do Exército a facções // *Veja*. 15.03.2018. Available at: <https://veja.abril.com.br/brasil/no-rio-ex-militares-ensinam-taticas-do-exercito-a-faccoes> (accessed: 15.02.2024).

- ни одна другая ПО Бразилии не отвечает признакам банд третьего уровня.

Наиболее близкой к РСС группировкой по уровню сложности, но не по размаху преступной деятельности является группировка «Красная команда» («Comando Vermelho», CV [подробнее см.: Земцова, 2020]). Отметим, что в 2016 г. РСС и CV прервали продолжительное перемирие, длившееся порядка 20 лет, и возобновили вооруженное противостояние друг с другом [Neves, 2019]. Другие группировки пытаются копировать опыт РСС, но в то же время по своим структуре и масштабам преступной деятельности несравнимы с ней.

«Милиции» как участники криминального мятежа в Бразилии

На рубеже 1990–2000-х годов в Бразилии стали развиваться новые формы криминальных сообществ, получивших название «ополчения», или «милиции» (порт. *milícias*), чьи генезис и специфика отличаются от локальных банд и более крупных ПО. В современной Бразилии термин «милиции» («ополчения») обозначает группы, состоящие из сил безопасности, в частности военной полиции, которые помимо своей официальной службы берут на себя функцию защиты и обеспечения «безопасности» в районах, где доминируют или предположительно угрожают местному населению торговцы наркотиками [Peterke, 2011]. Основная мотивация членов этих групп носит прежде всего финансовый характер [Misse, 2007]. «Милиции» возникают в наиболее бедных районах, характеризующихся отсутствием государственных учреждений и служб, и эксплуатируют местных жителей, например, взимая «плату за безопасность». У этих групп нет разрешения властей на применение силы; они оспаривают монополию государства на законное насилие. Данные ПО используют самоназвание «милиции» («ополчения») для создания видимости легитимности.

Исторически «милиции» берут свое начало в «эскадронах смерти» (порт. *grupos de extermínio* — буквально «группы истребления») по типу «Grupo de Diligências Especiais» («Группа специальных расследований») — подпольной организации, созданной в 1950-х годах для внесудебной ликвидации преступников. Данная модель действий распространилась по всей Бразилии в 1950–1960-е годы (этот вопрос

подробно освещался в работе [Misse, 2006]). Во времена военной диктатуры они стали еще сильнее [Pastor, 2021]. В 1970–1980-е годы эти группы расширили свое влияние в западной зоне Рио-де-Жанейро⁵².

Следующий период, между 1990-ми и 2000-ми годами, характеризовался выстраиванием прочных отношений между «эскадронами смерти» и местными политиками: первые оказывали услуги вторым. Как отметили авторы исследования «Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки», простое введение войск для борьбы с наркотрафиком в фавелах Рио-де-Жанейро в середине 1990-х годов без налаживания предварительной работы по ликвидации экономической базы (наркопроизводство, транзит наркотиков и другие источники незаконной прибыли) и общественной поддержки криминалитета было контрпродуктивно, поскольку в подобных условиях сами военные начинали встраиваться в криминальный бизнес [Организованная преступность..., 2014: 47]. «Милиции» — яркий тому пример. По мнению И. Линса и К. Мачадо, новизна «милиций» заключалась не в их роли «эскадронов смерти», а в прочных связях с политикой, в их политизации [Lins, Machado, 2023]. Всё это определило формы политических действий, а также способствовало неформальным контактам между «ополченцами» и политиками.

Для описания связи между «милициями», политикой и государством мы используем термин «вооруженная политика», введенный Н. Барнсом [Barnes, 2017]. Все организации, применяющие насилие в политическом и криминальном спектрах, взаимодействуют с государством, которое формирует «правила игры» и природу политической власти. «Милиции», изменяя институты власти в целях создания местного политического порядка [Arias, 2013], подменяют собой государство. Согласно типологии ПО Н. Барнса это означает, что «милиции» теснейшим образом сотрудничают с государственными ведомствами, в результате чего организованная преступность оказывается встроена непосредственно в государственный аппарат. Представители «ополчений» присутствуют не только в законодательных органах, но также в правительстве и государственных ведомствах вследствие коррупции и кооптации государственных

⁵² Одна из самых известных «милиций» называлась «Liga da Justiça» («Лига справедливости»).

чиновников. Политика безопасности, назначения и продвижения по службе, законодательство во многих городских советах и законодательных собраниях определяются «ополченцами»⁵³. Как отмечают авторы исследования «Вооруженный территориальный контроль в Рио-де-Жанейро»⁵⁴, в настоящее время связь между «милициями» и полицией, особенно (но не исключительно) военной, приобрела структурный характер.

Например, речь идет о том, что усилиями «милиций» проводятся назначения на командные должности, определяются приоритетные направления полицейских операций. В связи с этой тенденцией в некоторых частях столичного региона Рио-де-Жанейро и прилегающих районах полиция действует как вспомогательное средство защиты интересов местной группировки «ополченцев»⁵⁵. Обширный материал о связях политиков и чиновников высокого ранга с «милициями» ранее представила ныне упраздненная Парламентская комиссия по расследованию (Comissão Parlamentar de Inquérito). Среди обвиняемых в связях с «милициями» — депутат штата Рио-де-Жанейро Наталину Жозе Гимарайнш. Обвинение также было предъявлено бывшему депутату штата и бывшему руководителю гражданской полиции Рио-де-Жанейро Альваро Линсу⁵⁶.

Еще одним примером связи «ополченцев» с политиками и государственным аппаратом может служить деятельность сына экс-президента Бразилии Жаира Болсонару Флавио Болсонару (ранее он занимал пост сенатора). В его окружении были люди, связанные с членами «милиции». По инициативе Ф. Болсонару медали Тираден-

⁵³ См.: Dirceu J. O aumento das milícias expõe a ausência do Estado, escreve José Dirceu // Poder 360. 12.05.2021. Available at: <https://www.poder360.com.br/opiniaio/o-aumento-das-milicianas-expoe-a-ausencia-do-estado-escreve-jose-dirceu/> (accessed: 19.06.2024).

⁵⁴ Controle territorial armado no Rio de Janeiro // Rede Fluminense de Pesquisas sobre Violência, Segurança Pública e Direitos Humanos. 2020. Available at: <http://estaticog1.globo.com/2020/10/26/textodaredesobremiliciaversaoampliadafinal.pdf> (accessed: 19.06.2024).

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ См. «Итоговый отчет Парламентского комитета по расследованию действий ‘милиции’ в штате Рио-де-Жанейро»: Relatório Final da Comissão Parlamentar de Inquérito destinada a investigar a ação de milícias no âmbito do estado do Rio de Janeiro // Poder360. 2008. Available at: <https://static.poder360.com.br/2024/01/relatorio-final-cpi-das-milicias-marcelo-alerj-2008.pdf> (accessed: 20.06.2024).

тиса (главная награда законодательного собрания Рио-де-Жанейро) был удостоен Адриано Магальяеш, бывший капитан «Батальона специальных полицейских операций» («Batalhão de Operações Policiais Especiais», ВОРЕ), ныне скрывающийся от правосудия по подозрению в руководстве «милицией», которая стала известна как «Escritório do Crime» («Бюро преступлений») ⁵⁷. После того как А. Магальяеш был арестован по обвинению в убийстве, Ф. Болсонару нанял в свой офис его мать и жену ⁵⁸. Другой член «Escritório do Crime», майор военной полиции Рональд Перрейра, также был награжден Ф. Болсонару ⁵⁹.

Подобный уровень проникновения в государственные структуры позволяет «ополченцам» часто безнаказанно участвовать в незаконных действиях [Barnes, 2017], в отличие от ПО типа РСС. Специфика «милиций» в том, что они являются не антисистемной силой, подобно другим ПО, а своеобразным девиантным институтом, трансформированным в преступный коллективный субъект. В то же время «милиции» способны наносить государству не меньший вред, чем крупнейшие банды, и осуществлять территориальный контроль. «Ополченцы» действуют автономно, адаптируясь, когда представители власти решают им противостоять, поэтому их распространение (например, в Рио-де-Жанейро) также вносит вклад в общий высокий уровень насилия, отвечающий признакам ВВК. Так, в 2019 г. в столице штата Рио-де-Жанейро показатель убийств составил 28,41 на каждые 100 тыс. человек ⁶⁰. Учитывая численность населения этого города в 2019 г., оцениваемую в 6,718 млн человек ⁶¹, в абсолютном выражении число преднамеренных убийств превы-

⁵⁷ Rodrigues A., del Río A. Estado miliciano: A consolidação da ideologia // Le Monde Diplomatique Brasil. 07.05.2019. Available at: <https://diplomatie.org.br/estado-miliciano-a-consolidacao-da-ideologia/> (accessed: 20.06.2024).

⁵⁸ Подробно о связях Ф. Болсонару с «ополченцами» см.: [Manso, 2020].

⁵⁹ Oliveira C. As ligações dos Bolsonaro com as milícias // Intercept Brasil. 22.01.2019. Available at: <https://www.intercept.com.br/2019/01/22/bolsonaros-milicias/> (accessed: 20.06.2024).

⁶⁰ Taxa de homicídios, a cada 100 mil habitantes // Rede Social Brasileira por Cidades Justas e Sustentáveis. 2019. Available at: <https://casa-fluminense.redesocialdecidades.org.br/br/RJ/casa-fluminense/regiao/rio-de-janeiro/taxa-de-homicidios-a-cada-100-mil-habitantes> (accessed: 23.02.2024).

⁶¹ Datapedia em Rio De Janeiro // Datapedia. 2022. Available at: <https://datapedia.info/cidade/5072/rj/rio-de-janeiro#mapa> (accessed: 24.02.2024).

сило 1,9 тыс. человек. Отметим, что не существует подробной статистики о том, сколько преднамеренных убийств в Рио-де-Жанейро связано именно с преступной деятельностью «милиций». Однако на основании того, что в подконтрольных им районах осуществляется меньше рейдов полиции⁶², логично предположить, что уровень насилия там ниже, чем на подконтрольных бандам территориях, а также на тех участках, которые оспариваются «милициями» и другими преступными группировками.

Таким образом, «милиции» соответствуют признакам банд третьего уровня, кроме, пожалуй, интернационализации. Впрочем, с учетом скорости экспансии данных ПО их переход на международный уровень является вопросом времени. Так, по данным исследования «Историческая карта вооруженных группировок в Рио-де-Жанейро»⁶³, с 2006 по 2021 г. «милиции» в Рио-де-Жанейро увеличили площадь своего территориального контроля на 387% — с 52,6 до 256 км². Разумеется, речь идет о суммарной площади, контролируемой разными «милициями», которые также противостоят и друг другу.

Нельзя утверждать, что бразильские «милиции» — абсолютно уникальное явление. Нечто схожее есть в Колумбии, где возникло объединение ультраправых военизированных формирований («эскадронов смерти») AUC, которые после периода демобилизации (2003–2006) фрагментировались и полностью перешли на торговлю наркотиками (так называемые наркопарамилитарес) [Guerra y violencias..., 2009]. Другой ближайший аналог — отряды самообороны (*autodefensas*) в Мексике, например, в штате Мичоакан [Le Cour Grandmaison, 2021]. Вместе с тем «милиции» в Бразилии гораздо теснее связаны с государством; более того, в некотором смысле они и есть государство, поскольку организационно не выделяются из него. Если в Колумбии подразделения самообороны создавались

⁶² A expansão das milícias no Rio de Janeiro: Uso da força estatal, mercado imobiliário e grupos armados // Instituto Fogo Cruzado, Grupo de Estudos dos Novos Ilegalismos, Universidade Federal Fluminense (Geni-UFF). 2020. Available at: <https://geni.uff.br/dados/> (accessed: 10.05.2024).

⁶³ Mapa histórico dos grupos armados do Rio de Janeiro // Instituto Fogo Cruzado, Grupo de Estudos dos Novos Ilegalismos, Universidade Federal Fluminense (Geni-UFF). Setembro 2022. Available at: https://geni.uff.br/wp-content/uploads/sites/357/2022/09/Relatorio_Mapa_Grupos_Armados_Geni_WEB.pdf (accessed: 26.02.2024).

армией и крупными землевладельцами для борьбы с герильей [Манухин, 2019], а мексиканские *autodefensas* набирались из числа местного населения, то «милиции» в Бразилии имеют очень тесные контакты с государственным аппаратом и предпринимают активные действия по проникновению в политику. Часто «ополченцы» формально служат в полиции и других ведомствах, однако не выполняют свои функции, в действительности занимаясь противозаконной деятельностью и прикрываясь своим официальным статусом.

В результате «милиции», являясь элементами государства, функционируют фактически против него. Как следствие, на подконтрольных им территориях возникает, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: власть формально контролирует эти территории, но в действительности этот контроль фиктивен. Дело в том, что присутствуют «милиции» в районах городов как государственные агенты, но действуют в своих частных интересах, используя для этого преступные средства и методы, включая насилие. Связь «милиций» с государством и политикой настолько сильна, что их невозможно разделить или объявить «милиции» террористами и вступить с ними в переговоры о демобилизации, как это было с АУС. Участники «милиций» в Бразилии фактически устанавливают параллельную государству власть в районах ряда городов, тем самым внося свой вклад в криминальный мятеж.

* * *

Проведенный анализ показал, что РСС соответствует трем ключевым признакам банд третьего уровня, «милиции» — двум признакам: сложности и политизации, которая особенно выделяется, поскольку «ополченцы» интегрированы с государственными ведомствами и политиками. Впрочем, на наш взгляд, независимо от того, ставят ли ПО перед собой политические/идеологические цели или нет, их воздействие на государство ведет к политически значимым последствиям или стремится к этому. Степень насилия в Бразилии, соответствующая ВВК, и достижение рядом ПО признаков банд третьего уровня позволяют сделать вывод о наличии в стране криминального мятежа.

Вместе с этим мы считаем, что криминальный мятеж следует рассматривать как особую форму неклассических войн. В начале

работы мы указали, что все неклассические войны обладают фундаментальным признаком — отсутствием масштабного применения вооруженных сил хотя бы одной из сторон конфликта. НГНА, к которым относятся и банды, и «милиции», не обладают регулярными войсками. Неклассические войны в форме криминального мятежа помимо отсутствия применения армии со стороны НГНА обладают еще одной характерной особенностью — увеличением сетевой составляющей в организации данных субъектов. Это, в частности, касается «милиций», достигших экспоненциального расширения не в последнюю очередь за счет кооптации политиков, играющих важную роль в сетях⁶⁴ «ополченцев». Сетевая организация банд также выполняет значимую функцию, в том числе в тюрьмах, чему посвящен ряд исследований, в которых изучались тюремные сети бразильских ПО, включая РСС, с использованием соответствующего анализа⁶⁵ (например, работа М. Табоаса [Tabóas, 2022]). Мы полагаем, что децентрализации, сетевизации (т.е. переходу к преимущественно сетевой форме организации) и, как следствие, усложнению ПО способствует ряд перечисленных в данной работе факторов. На рис. 2 показана схема эволюции РСС до банды третьего уровня, включающая основные факторы развития этой группировки.

Трансформация РСС в банду третьего уровня способствует криминальному мятежу и поддержанию ВВК в Бразилии. Вместе с тем усложнение организации, важной и неотъемлемой составляющей которого является переход к более сетевой форме, позволяет сделать вывод о том, что РСС также выступает как актор неклассической войны, поскольку у нее отсутствуют явные политические цели. Однако тот факт, что ПО не декларируют политические намерения (например, свергнуть действующую власть или выйти из состава Бразилии), на наш взгляд, не имеет принципиального значения. Преступные группировки не просто стремятся влиять на политику государства в правоохранительной сфере к своей выгоде, но и дей-

⁶⁴ Речь идет именно о сетевой форме организации «милиций».

⁶⁵ Имеется в виду анализ социальных сетей (англ. *social network analysis*) — особый метод, который анализирует закономерности отношений узлов (акторов) и их соединений (связей) на основе математических вычислений. В данном случае речь идет о криминальных сетях. Указанный метод активно применяется в криминологии. Исследования «милиций» с использованием анализа социальных сетей отражены в работе [Couto, Filho, 2019].

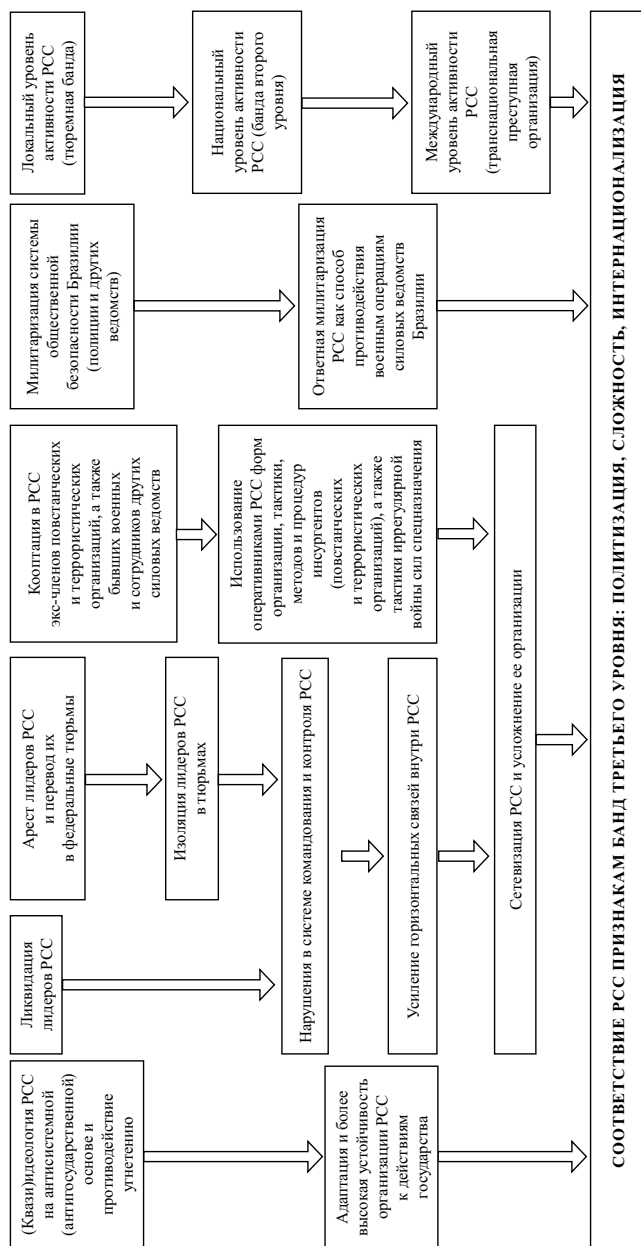

Рис. 2. Схема эволюции RCC (приведенные процессы параллельны и совместно способствуют возникновению у RCC трех признаков банд третьего уровня)

ствуют так, что власть вынуждена реагировать в том же ключе, как если бы имела дело с НГНА с политической мотивацией (повстанцами, террористами). Как следствие, ситуация выходит далеко за рамки сугубо вопросов общественной безопасности, превращаясь в прямую угрозу национальной безопасности государства, в том числе его территориальной целостности. ПО оспаривают государственный суверенитет на части территории страны через силовой и социальный контроль. Государство вынуждено противодействовать этому уже с использованием вооруженных сил, что увеличивает интенсивность насилия, являющегося одним из ключевых факторов поддержания ВВК в Бразилии. В этой связи выводы некоторых авторов о полном контроле территорий государством и отсутствии ВВК в Бразилии (см.: [Foley, 2022; Palma, 2023]) мы ставим под сомнение.

У эволюции «милиций» имеется своя специфика. На рис. 3 показаны факторы развития этих НГНА.

Разница между бандами и «милициями» состоит в том, что последние, будучи выходцами из «эскадронов смерти» и силовых ведомств, изначально обладают высоким уровнем организации и подготовки, но при этом остаются интегрированными в государственный аппарат. Если традиционные ПО являются антисистемной силой, то «милиции» есть искаженная форма институтов, которые трансформировались в преступные группировки, используя слабости институциональной системы Бразилии. Пока «милиции» не в полной мере отвечают признакам банд третьего уровня, однако полагаем, что это лишь вопрос времени, учитывая их способность к экспансии, тенденцию к организационному усложнению и высокую степень адаптивности. Так, несмотря на противодействие государства, «милиции» сохраняют значительный потенциал для территориального контроля и инфильтрации во властные структуры. Следовательно, де-факто они достигают политических целей и результата или стремятся к этому. Первоначально «милиции» осуществляют территориальный контроль и проникают в государственные структуры в целях обеспечения своей преступной деятельности. Однако на следующем этапе, по мере интеграции в политику и будучи способными физически препятствовать проникновению на подконтрольную им территорию государственных силовых структур, они становятся важным политическим фактором.

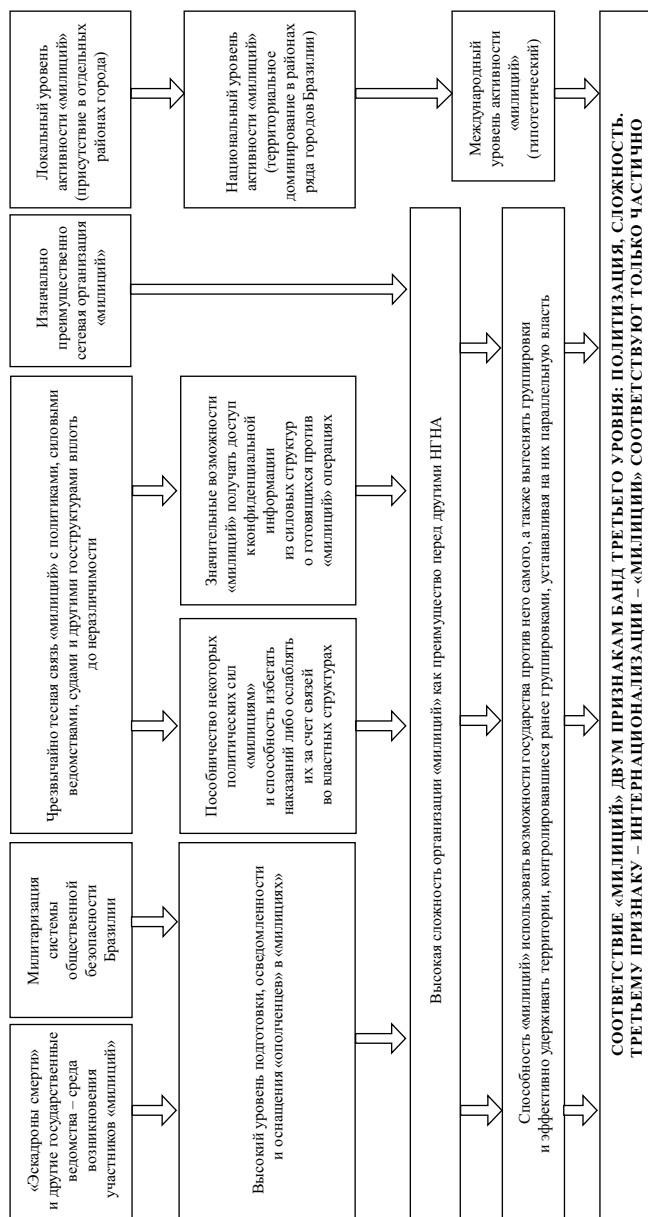

Рис. 3. Схема эволюции «милиций», соответствующих двум из трех признаков банд третьего уровня (кроме высшей стадии — интернационализации)

В этом ситуация в Бразилии схожа с тем, что происходит в Мексике, Колумбии, Гватемале и других странах ЛАКБ.

Важно еще и то, что фактор мотивации (он у «милиций» преимущественно «экономический» — извлечение прибыли незаконным путем) не имеет принципиального значения: если действия «милиций», равно как и других ПО (или вообще любых НГНА), оказывают на государство такое влияние, как если бы они ставили перед собой политические цели и достигали их, то мотивация как определяющий критерий для дифференцирования ПО от идеологически и политически мотивированных НГНА теряет значимость. Это позволяет отнести «милиции» к де-факто политическим организациям, что сближает их с группировками типа РСС.

На основании приведенных аргументов мы делаем следующий вывод. В Бразилии присутствуют все признаки криминального мятежа, поскольку его основные негосударственные субъекты (ПО) достигли такого уровня организационной сложности, когда они в состоянии подрывать суверенитет государства, устанавливая доминирование хотя бы на части его территории и выступая в качестве стороны ВВК. Это заставляет поставить под сомнение выводы ряда отечественных авторов (например: [Морозов, 2018]), которые считают, что наркоструктуры предпочитают опосредованно контролировать территории, поэтому возникновение квазигосударств исключено. В действительности только лишь опосредованный контроль не всегда имеет место в силу того, что некоторые ПО осуществляют именно прямой контроль территорий с использованием для этого физического насилия⁶⁶. Они подрывают возможности правительства, подавляя полицию и правовую систему посредством

⁶⁶ Исследование специфики насильственного территориального доминирования, осуществляемого в ходе криминального повстанческого движения организованной преступностью в Бразилии, провел доктор философии, старший военный прокурор Бразилии и адъюнкт-профессор Университета Бразилиа Карлос Фредерико де Оливейра Перейра: Commentary: ADPF 635. The interweaving of the international human rights law and the international humanitarian law in the repression of the territorially dominant third generation gangs in the city of Rio de Janeiro, Brazil // Small Wars Journal. 18.07.2022. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/commentary-adpf-635-interweaving-international-human-rights-law-and-international> (accessed: 01.03.2024). Кроме того, данный вопрос рассматривал научный сотрудник в области борьбы с терроризмом Федеральной полицейской академии (Бразилия) и агент бразильской Федеральной полиции Кристиан Вианна де Азеведо: Vianna de Azevedo C. Criminal

применения силы и за счет численности, организации и вооружения, зачастую превосходящего таковое у силовых структур. Физическое насилие может использоваться как для принуждения уже существующих государственных органов, так и для вытеснения их и установления своей фактической власти. И в том, и в другом случае власть достигается через насилие — прямое, включая убийства местных политиков, чиновников (например, мэров, судей) и представителей правоохранительных органов, или опосредованное (с санкции ПО). Это позволяет говорить о наличии квазигосударственных признаков у некоторых высокоорганизованных ПО.

Почти все основные ПО Бразилии (банды и «милиции») формально имеют неполитическую или квазиидеологическую мотивацию. Однако именно в силу наложения факторов, обсуждавшихся в данном исследовании, эти ПО в состоянии деструктивно воздействовать на государство, как если бы они изначально стремились подорвать его суверенитет хотя бы на части его территории. Рассматривать эти организации исключительно как неполитические, а следовательно, как рядовую преступность, но просто большего масштаба, по мнению автора данной работы, фундаментально неверно.

Обсуждаемый феномен с учетом всей его специфики невозможно адекватно объяснить без оценки действий ПО, приводящих к последствиям, которые имеют политические признаки. Особое значение приобретает причинно-следственная связка «территориальный контроль — ВВК», поскольку способность силовым путем даже локально оспаривать суверенитет государства и этим нарушать его территориальную целостность в принципе не может быть только криминальной целью. Для того чтобы сложилась подобная ситуация, нет необходимости в политических программах и полноценной идеологии у негосударственного субъекта. Она становится следствием внутренней логики развития высокоорганизованных ПО, когда достижение ими своих криминальных (неполитических) целей оказывается невозможным без достижения де-факто политической цели (территориального доминирования), а значит, данные цели становятся неразделимы и неразличимы. Это особенность криминального мятежа как формы неклассических войн вообще и в Бразилии — в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартош А.А. Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 44–61. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.3.20815.
2. Васнецова А.С. Взаимосвязь терроризма с организованной преступностью // Национальная безопасность / Nota Bene. 2019. № 5. С. 66–79. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.5.28002.
3. Земцова С.И. «Первый столичный отряд» и «Красная команда» как основные преступные наркосообщества Бразилии // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 66–71. DOI: 10.51980/2542-1735_2020_2_66.
4. Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов (часть 1) // Латинская Америка. 2019. № 7. С. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3.
5. Клебанов Л.Р., Полубинская С.В. Преступность в Бразилии: особенности, противодействие, направления исследований // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 299–310. DOI: 10.17223/15617793/474/32.
6. Клеймёнов И.М. Международный терроризм и транснациональная организованная преступность // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3 (52). С. 159–162. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.3.159-162.
7. Колесник А.С. Транснациональная организованная преступность как угроза безопасности государств Латинской Америки // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 2 (28). С. 210–216.
8. Манухин А.А. Содействие выходу из внутреннего вооруженного конфликта и постконфликтному развитию на примере отношений Колумбии и США (часть 1) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11. № 4. С. 137–171.
9. Морозов Д.В. Преступность в Латинской Америке: нестандартные подходы к изучению проблемы // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 95–101. DOI: 10.31857/S0044748X0000027-8.
10. Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: ИЛА РАН, 2014.
11. Пятаков А.Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93.
12. Репко С.И. Гибридные войны США (1979–2017) // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. № 778. С. 156–165.

13. Румянцев Н.В., Омелин В.Н. Взаимосвязь организованной преступности с международными террористическими, экстремистскими группировками // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 209–213. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10333.

14. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Под ред. Б.Ф. Мартынова. М.: Весь мир; ИЛА РАН, 2017.

15. Стригунов К.С. Современные неклассические войны: формы, методы, технологии. М.: Горячая линия — Телеком, 2024.

16. Стригунов К.С., Манойло А.В., Петренко А.И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет темной глобализации. М.: Горячая линия — Телеком, 2022.

17. Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза / Под ред. А.Н. Глинкина. М.: РОССПЭН, 2002.

18. Arias E. The impacts of differential armed dominance of politics in Rio de Janeiro, Brazil // Studies in Comparative International Development. 2013. Vol. 48. No. 3. P. 263–284.

19. Arruda A. O primeiro comando da capital como ameaça para a segurança nacional. Rio de Janeiro: Escola de Comando e Estado-Maior do Exército, 2020.

20. Baptista A. A ideologia a serviço do crime: O Primeiro Comando da Capital segundo a teoria da insurgência. Rio de Janeiro: Escola de Guerra Naval, 2019.

21. Barnes N. Criminal politics: An integrated approach to the study of organized crime, politics, and violence // Perspectives on Politics. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 967–987. DOI: 10.1017/S1537592717002110.

22. Bicudo H. A unificação das polícias no Brasil // Estudos Avançados. 2000. Vol. 14. No. 40. P. 91–106.

23. Bunker R. Epochal change: War over social and political organization // Parameters. 1997. Vol. 27. No. 2. P. 15–25. DOI: 10.55540/0031-1723.1821.

24. Bunker R. Introduction: The Mexican cartels — organized crime vs. criminal insurgency // Trends in Organized Crime. 2013. Vol. 16. P. 129–137. DOI: 10.1007/s12117-013-9194-4.

25. Bustamante A. Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales // Entretextos. 2020. Vol. 12. No. 35. P. 1–17. DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556.

26. Castro A. et al. Organização criminosa transnacional: A internacionalização do Primeiro Comando da Capital // Revista Ibero-Americana De Humanidades, Ciências E Educação. 2023. Vol. 9. No. 10. P. 6734–6752. DOI: 10.51891/rease.v9i10.12208.

27. Tilly Ch. War making and state making as organized crime // Bringing the state back in / Ed. by P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169–187.

28. Christino M., Tognolli C. Laços de sangue: A história secreta do PCC. São Paulo: Matrix, 2017.

29. Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization / Ed. by M. Miklaucic, J. Brewer. Washington, D.C.: National Defense University Press, 2013.

30. Coutinho L. The evolution of the most lethal criminal organization in Brazil — the PCC // Prism: A Journal of the Center for Complex Operations. 2019. Vol. 8. No. 1. P. 56–67.

31. Couto V., Filho C. Milícias: O crime organizado por meio de uma análise das redes sociais // Revista Brasileira de Sociologia. 2019. Vol. 7. No. 17. P. 201–221. DOI: 10.20336/rbs.480.

32. Dias C. Da guerra à gestão: A trajetória do Primeiro Comando da Capital (PCC) nas prisões de São Paulo // Revista Percurso: Sociedade, Natureza e Cultura. 2009. Vol. 2. No. 10. P. 79–96.

33. Diniz V., McBrien J. Children and drug trafficking in Brazil: Can international humanitarian law provide protections for children involved in drug trafficking? // Societies. 2022. Vol. 12. No. 6. P. 1–16. DOI: 10.3390/soc12060183.

34. Dishman C. Terrorism, crime and transformation // Studies in Conflict and Terrorism. 2001. Vol. 24. No. 1. P. 43–58. DOI: 10.1080/10576100118878.

35. Escenarios y desafíos de la seguridad multidimensional en Colombia / Ed. by C. Alvares. Bogotá: Escuela Superior de Guerra, 2017.

36. Foley C. Legitimate targets: What is the applicable legal framework governing the use of force in Rio de Janeiro? // Stability: International Journal of Security and Development. 2022. Vol. 10. No. 4. P. 1–19. DOI: 10.5334/sta.826.

37. Fonseca G. The use of terrorist tools by criminal organizations: The case of the Brazilian Primeiro Comando da Capital (PCC) // Perspectives on Terrorism. 2020. Vol. 14. No. 4. P. 64–82.

38. Guerra y violencias en Colombia, herramientas e interpretaciones / Ed. by J. Restrepo, D. Aponte. Bogotá: CERAC, 2009.

39. Hoffman F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007.

40. Hofmann C., Schneekener U. Engaging non-state armed actors in state and peace-building: Options and strategies // International Review of the Red Cross. 2011. Vol. 93. No. 883. P. 603–621. DOI: 10.1017/S1816383112000148.

41. Kan P. Cartels at war: Mexico's drug-fueled violence and the threat to U.S. national security. Sterling: Potomac Books, Inc., 2012.

42. Khoday A. Resisting criminal organizations: Reconceptualizing the 'political' in international refugee law // McGill Law Journal. 2016. Vol. 61. No. 3. P. 461–509.

43. Kleffner J. The legal fog of an illusion: Three reflections on 'organization' and 'intensity' as criteria for the temporal scope of the law of non-international armed conflict // *International Law Studies*. 2019. Vol. 95. No. 1. P. 172–177.

44. Klein C. O processo de pacificação das FARC e os efeitos no crime organizado transnacional na fronteira terrestre do Brasil. Rio de Janeiro: Escola de Comando e Estado-Maior do Exército, 2019.

45. La crisis de seguridad y violencia en México. Causas, efectos y dimensiones del problema / Ed. by C.A. Flores Pérez. México: Centro de Investigaciones y Estudios Superiores en Antropología Social, 2018.

46. Le Cour Grandmaison R. Becoming a violent broker: Cartels, autodefensas, and the state in Michoacán, Mexico // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2021. No. 112. P. 137–158. DOI: 10.32992/erlacs.10874.

47. Leão A., Blanco G. A busca do estado em combater a evolução do crime organizado em Santa Catarina // *Revista de Ciências Jurídicas e Empresariais*. 2022. Vol. 23. No. 1. P. 2–11. DOI: 10.17921/2448-2129.2022v23n1p2-11.

48. Lima M., Oliveira A., Leão S. O impacto das organizações criminosas na sociedade Brasileira à luz da série guerra sem fim: O povo // *Recima21 — Revista Científica Multidisciplinar*. 2022. Vol. 3. No. 6. P. e361566. DOI: 10.47820/recima21.v3i6.1566.

49. Lins I., Machado C. O crime é político: Elementos teóricos para uma análise neoinstitucionalista das milícias no Rio de Janeiro // *Revista Brasileira de Ciência Política*. 2023. No. 42. P. 1–33. DOI: 10.1590/0103-3352.2023.42.271780.

50. Makarenko T. The crime-terror continuum: Tracing the interplay between transnational organised crime and terrorism // *Global Crime*. 2004. Vol. 6. No. 1. P. 129–145. DOI: 10.1080/1744057042000297025.

51. Manso P. A república das milícias: Dos esquadrões da morte à era Bolsonaro. São Paulo: Todavia, 2020.

52. Manwaring M. Street gangs: The new urban insurgency. Carlisle: US Army War College Press, 2005.

53. Misse M. Crime e violência no Brasil contemporâneo: Estudos de sociologia do crime e da violência urbana. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2006.

54. Misse M. Mercados ilegais, redes de proteção e organização local do crime organizado no Rio de Janeiro // *Estudos Avançados*. 2007. Vol. 21. No. 61. P. 139–157.

55. Moore L. The structure of war: Early fourth epoch war research // *Small Wars & Insurgencies*. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 159–170. DOI: 10.1080/09592310208559189.

56. Networks, terrorism and global insurgency / Ed. by R. Bunker. London; New York: Routledge, 2005.

57. Neves A. Atores não estatais-violentos no Brasil como desafios à paz: Um estudo de caso sobre o conflito entre Comando Vermelho e Primeiro Comando da Capital (2016-2018). João Pessoa: Universidade Federal da Paraíba, 2019.

58. Palma N. Is Rio de Janeiro preparing for war? Combating organized crime versus non-international armed conflict // *International Review of the Red Cross*. 2023. Vol. 105. No. 923. P. 795-827. DOI: 10.1017/S1816383123000127.

59. Pastor R. Pelo estado, com o estado e no estado: Análise das peças e mecanismos que compõem o fenômeno das milícias no Rio de Janeiro: PhD Thesis. Recife, 2021.

60. Pavão dos Santos R. O Primeiro Comando da Capital como uma questão de segurança Internacional // *Revista Hoplos*. 2021. Vol. 5. No. 9. P. 92-108.

61. Peterke S. Legitimidade e legalidade das 'milícias' no Brasil atual // *Prima Facie*. 2011. Vol. 10. No. 18. P. 86-107.

62. Report on terrorism / Ed. by G. Jervas. Stockholm: Swedish Defence Research Establishment, 1998.

63. Schneider É. et al. Dynamic networks model mediated by confinement // *Applied Network Science*. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 1-17. DOI: 10.1007/s41109-019-0143-2.

64. Shelley L., Picarelli J. Methods and motives: Exploring links between transnational organized crime and international terrorism // *Trends in Organized Crime*. 2005. Vol. 9. No. 2. P. 52-67. DOI: 10.1007/s12117-005-1024-x.

65. Silva A. O combate às facções criminosas cariocas sob os princípios de David Galula. Rio de Janeiro: Escola Superior de Guerra, 2018.

66. Sullivan J. The challenges of territorial gangs: Civil strife, criminal insurgencies and crime wars // *Revista Do Ministério Público Militar*. 2019. Vol. 46. No. 31. P. 13-30.

67. Sullivan J. Third generation street gangs: Turf, cartels, and net warriors // *Transnational Organized Crime*. 1997. Vol. 3. No. 3. P. 95-108.

68. Tabôas M. As organizações criminosas e sua rede de relacionamento: Um estudo sobre os presos custodiados na penitenciária federal em Brasília: PhD Thesis. Brasília, 2022.

69. Van Creveld M. The transformation of war. New York: The Free Press, 1991.

70. Williams P. The terrorism debate over Mexican drug trafficking violence // *Terrorism and Political Violence*. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 259-278. DOI: 10.1080/09546553.2011.653019.

71. Wu J. et al. A social network analysis of an MS-13 network: Structure, leadership roles, and the use of confidential informants // *International Criminology*. 2024. P. 1-13. DOI: 10.1007/s43576-024-00113-9.

REFERENCES

1. Bartosh A.A. 2017. Paradigma gibridnoi voyny [Hybrid warfare paradigm]. *Voprosy bezopasnosti*, no. 3, pp. 44–61. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.3.20815. (In Russ.)
2. Vasnetsova A.S. 2019. Vzaimosvyaz' terrorizma s organizovannoi prestupnost'yu [The link between terrorism and organized crime]. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene*, no. 5, pp. 66–79. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.5.28002. (In Russ.)
3. Zemtsova S.I. 2020. 'Pervyi stolichnyi otrjad' i 'Krasnaya komanda' kak osnovnye prestupnye narkosoobshchestva Brazili [First Command of the Capital and 'Red Command' as main criminal drug trafficking organizations in Brazil]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 2 (39), pp. 66–71. DOI: 10.51980/2542-1735_2020_2_66. (In Russ.)
4. Ivanovskii Z.V. 2019. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii: sotsial'naya panorama i dinamika politicheskikh protsessov (chast' 1) [Latin America in the new Millennium: Social panorama and dynamics of political processes (part 1)]. *Latinskaya Amerika*, no. 7, pp. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3. (In Russ.)
5. Klebanov L.R. Polubinskaya S.V. 2022. Prestupnost' v Brazili: osobennosti, protivodeistvie, napravleniya issledovaniy [Crime in Brazil: Features, counteraction, research directions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 474, pp. 299–310. DOI: 10.17223/15617793/474/32. (In Russ.)
6. Kleimenov I.M. 2017. Mezhdunarodnyi terrorizm i transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' [International terrorism and transnational organized crime]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, no. 3 (52), pp. 159–162. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.3.159-162. (In Russ.)
7. Kolesnik A.S. 2019. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' kak ugroza bezopasnosti gosudarstv Latinskoi Ameriki [Transnational organized crime as a threat to the security of Latin American states]. *GoS-Reg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*, no. 2 (28), pp. 210–216. (In Russ.)
8. Manukhin A.A. 2019. Sodeistvie vykhodu iz vnutrennego vooruzhennogo konflikta i postkonfliktnomu razvitiyu na primere otnoshenii Kolumbii i SShA (chast' 1) [Promoting internal armed conflict resolution and peacebuilding: The case of the US–Colombia relations (part I)]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 11, no. 4, pp. 137–171. (In Russ.)
9. Morozov D.V. 2018. Prestupnost' v Latinskoi Amerike: nestandartnye podkhody k izucheniyu problem [The crime in Latin America: Non-standard approaches in the researching on the issue]. *Latinskaya Amerika*, no. 7, pp. 95–101. DOI: 10.31857/S0044748X0000027-8. (In Russ.)

10. Martynov B.F. (ed.). 2014. *Organizovannaya prestupnost' — vyzov bezopasnosti Latinskoj Ameriki* [The organized crime — the security challenge to the Latin America]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

11. Pyatakov A.N. 2023. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' v stranakh Latinskoj Ameriki: sovremennye tendentsii razvitiya i voenno-silovye sposoby protivodeistviya [Transnational organized crime in Latin America: Current trends and prospects for military crime-fighting operations]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93. (In Russ.)

12. Repko S.I. 2017. Gibriddnye voyny SShA (1979–2017) [American hybrid wars (1979–2017)]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennyye nauki*, no. 778, pp. 156–165.

13. Rumyantsev N.V., Omelin V.N. 2018. Vzaimosvyaz' organizovannoi prestupnosti s mezhdunarodnymi terroristicheskimi, ekstremistskimi gruppirovkami [Relationship between organized crime and international terrorist and extremist groups]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, no. 3 (43), pp. 209–213. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10333. (In Russ.)

14. Martynov B.F. (ed.). 2017. *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoj Amerike i stranakh Karibskogo basseina* [Contemporary organized crime in Latin America]. Moscow, Ves' mir, ILA RAN Publ. (In Russ.)

15. Strigunov K.S. 2024. *Sovremennye neklassicheskie voyny: formy, metody, tekhnologii* [Modern non-classical wars: Forms, methods, technologies]. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. (In Russ.)

16. Strigunov K.S., Manoilo A.V., Petrenko A.I. 2022. *Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii* [Drug cartels and criminal networks. The dawn of dark globalization]. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. (In Russ.)

17. Glinkin A.N. (ed.). 2002. *Transnatsional'nyi narkobiznes: novaya global'naya ugroza* [Transnational drug trafficking: A new global threat]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

18. Arias E. 2013. The impacts of differential armed dominance of politics in Rio de Janeiro, Brazil. *Studies in Comparative International Development*, vol. 48, no. 3, pp. 263–284.

19. Arruda A. 2020. *O Primeiro Comando da Capital como ameaça para a segurança nacional*. Rio de Janeiro, Escola de Comando e Estado-Maior do Exército.

20. Baptista A. 2019. *A ideologia a serviço do crime: O Primeiro Comando da Capital segundo a teoria da insurgência*. Rio de Janeiro, Escola de Guerra Naval.

21. Barnes N. 2017. Criminal politics: An integrated approach to the study of organized crime, politics, and violence. *Perspectives on Politics*, vol. 15, no. 4, pp. 967–987. DOI: 10.1017/S1537592717002110.

22. Bicudo H. 2000. A unificação das polícias no Brasil. *Estudos Avançados*, vol. 14, no. 40, pp. 91–106.
23. Bunker R. 1997. Epochal change: War over social and political organization. *Parameters*, vol. 27, no. 2, pp. 15–25. DOI: 10.55540/0031-1723.1821.
24. Bunker R. 2013. Introduction: The Mexican cartels — organized crime vs. criminal insurgency. *Trends in Organized Crime*, vol. 16, pp. 129–137. DOI: 10.1007/s12117-013-9194-4.
25. Bustamante A. 2020. Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales. *Entretextos*, vol. 12, no. 35, pp. 1–17. DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556.
26. Castro A. et al. 2023. Organização criminosa transnacional: A internacionalização do Primeiro Comando da Capital. *Revista Ibero-Americana De Humanidades, Ciências E Educação*, vol. 9, no. 10, pp. 6734–6752. DOI: 10.51891/rease.v9i10.12208.
27. Tilly Ch. 1985. War making and state making as organized crime. In.: Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds.). *Bringing the state back in*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 169–187.
28. Christino M., Tognolli C. 2017. *Laços de sangue: A história secreta do PCC*. São Paulo, Matrix.
29. Miklaucic M., Brewer J. (eds.). 2013. *Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization*. Washington, D.C., National Defense University Press.
30. Coutinho L. 2019. The evolution of the most lethal criminal organization in Brazil — the PCC. *Prism: A Journal of the Center for Complex Operations*, vol. 8, no. 1, pp. 56–67.
31. Couto V., Filho C. 2019. Milícias: O crime organizado por meio de uma análise das redes sociais. *Revista Brasileira de Sociologia*, vol. 7, no. 17, pp. 201–221. DOI: 10.20336/rbs.480.
32. Dias C. 2009. Da guerra à gestão: A trajetória do Primeiro Comando da Capital (PCC) nas prisões de São Paulo. *Revista Percurso: Sociedade, Natureza e Cultura*, vol. 2, no. 10, pp. 79–96.
33. Diniz V., McBrien J. 2022. Children and drug trafficking in Brazil: Can international humanitarian law provide protections for children involved in drug trafficking? *Societies*, vol. 12, no. 6, pp. 1–16. DOI: 10.3390/soc12060183.
34. Dishman C. 2001. Terrorism, crime and transformation. *Studies in Conflict and Terrorism*, vol. 24, no. 1, pp. 43–58. DOI: 10.1080/10576100118878.
35. Alvares C. (ed.). 2017. *Escenarios y desafíos de la seguridad multidimensional en Colombia*. Bogotá, Escuela Superior de Guerra.
36. Foley C. 2022. Legitimate targets: What is the applicable legal framework governing the use of force in Rio de Janeiro? *Stability: International Journal of Security and Development*, vol. 10, no. 4, pp. 1–19. DOI: 10.5334/sta.826.

37. Fonseca G. 2020. The use of terrorist tools by criminal organizations: The case of the Brazilian Primeiro Comando da Capital (PCC). *Perspectives on Terrorism*, vol. 14, no. 4, pp. 64–82.
38. Restrepo J., Aponte D. (eds.). 2009. *Guerra y violencias en Colombia, heramientas e interpretaciones*. Bogota, CERAC.
39. Hoffman F. 2007. *Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars*. Arlington, Potomac Institute for Policy Studies.
40. Hofmann C., Schneekener U. 2011. Engaging non-state armed actors in state and peace-building: Options and strategies. *International Review of the Red Cross*, vol. 93, no. 883, pp. 603–621. DOI: 10.1017/S1816383112000148.
41. Kan P. 2012. *Cartels at war: Mexico's drug-fueled violence and the threat to U.S. national security*. Sterling, Potomac Books, Inc.
42. Khoday A. 2016. Resisting criminal organizations: Reconceptualizing the 'political' in international refugee law. *McGill Law Journal*, vol. 61, no. 3, pp. 461–509.
43. Kleffner J. 2019. The legal fog of an illusion: Three reflections on 'organization' and 'intensity' as criteria for the temporal scope of the law of non-international armed conflict. *International Law Studies*, vol. 95, no. 1, pp. 172–177.
44. Klein C. 2019. *O processo de pacificação das FARC e os efeitos no crime organizado transnacional na fronteira terrestre do Brasil*. Rio de Janeiro, Escola de Comando e Estado-Maior do Exército.
45. Flores Pérez C.A. (ed.). 2018. *La crisis de seguridad y violencia en México. Causas, efectos y dimensiones del problema*. México, Centro de Investigaciones y Estudios Superiores en Antropología Social.
46. Le Cour Grandmaison R. 2021. Becoming a violent broker: Cartels, auto-defensas, and the state in Michoacán, Mexico. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, no. 112, pp. 137–158. DOI: 10.32992/erlacs.10874.
47. Leão A., Blanco G. 2022. A busca do estado em combater a evolução do crime organizado em Santa Catarina. *Revista de Ciências Jurídicas e Empresariais*, vol. 23, no. 1, pp. 2–11. DOI: 10.17921/2448-2129.2022v23n1p2-11.
48. Lima M., Oliveira A., Leão S. 2022. O impacto das organizações criminosas na sociedade Brasileira à luz da série guerra sem fim: O povo. *Recima21 — Revista Científica Multidisciplinar*, vol. 3, no. 6, pp. e361566. DOI: 10.47820/recima21.v3i6.1566.
49. Lins I., Machado C. 2023. O crime é político: Elementos teóricos para uma análise neoinstitucionalista das milícias no Rio de Janeiro. *Revista Brasileira de Ciência Política*, no. 42, pp. 1–33. DOI: 10.1590/0103-3352.2023.42.271780.
50. Makarenko T. 2004. The crime-terror continuum: Tracing the interplay between transnational organised crime and terrorism. *Global Crime*, vol. 6, no. 1, pp. 129–145. DOI: 10.1080/1744057042000297025.

51. Manso P. 2020. *A república das milícias: Dos esquadrões da morte à era Bolsonaro*. São Paulo, Todavia.

52. Manwaring M. 2005. *Street gangs: The new urban insurgency*. Carlisle, US Army War College Press.

53. Misse M. 2006. *Crime e violência no Brasil contemporâneo: Estudos de sociologia do crime e da violência urbana*. Rio de Janeiro, Lumen Juris.

54. Misse M. 2007. Mercados ilegais, redes de proteção e organização local do crime organizado no Rio de Janeiro. *Estudos Avançados*, vol. 21, no. 61, pp. 139–157.

55. Moore L. 2002. The structure of war: Early fourth epoch war research. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 13, no. 2, pp. 159–170. DOI: 10.1080/09592310208559189.

56. Bunker R. (ed.). 2005. *Networks, terrorism and global insurgency*. London, New York, Routledge.

57. Neves A. 2019. *Atores não estatais-violentos no Brasil como desafios à paz: Um estudo de caso sobre o conflito entre Comando Vermelho e Primeiro Comando da Capital (2016–2018)*. João Pessoa, Universidade Federal da Paraíba.

58. Palma N. 2023. Is Rio de Janeiro preparing for war? Combating organized crime versus non-international armed conflict. *International Review of the Red Cross*, vol. 105, no. 923, pp. 795–827. DOI: 10.1017/S1816383123000127.

59. Pastor R. 2021. *Pelo estado, com o estado e no estado: Análise das peças e mecanismos que compõem o fenômeno das milícias no Rio de Janeiro*. PhD Thesis. Recife.

60. Pavão dos Santos R. 2021. O Primeiro Comando da Capital como uma questão de segurança Internacional. *Revista Hoplos*, vol. 5, no. 9, pp. 92–108.

61. Peterke S. 2011. Legitimidade e legalidade das ‘milícias’ no Brasil atual. *Prima Facie*, vol. 10, no. 18, pp. 86–107.

62. Jervas G. (ed.). 1998. *Report on terrorism*. Stockholm, Swedish Defence Research Establishment.

63. Schneider É. et al. 2019. Dynamic networks model mediated by confinement. *Applied Network Science*, vol. 4, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1007/s41109-019-0143-2.

64. Shelley L., Picarelli J. 2005. Methods and motives: Exploring links between transnational organized crime and international terrorism. *Trends in Organized Crime*, vol. 9, no. 2, pp. 52–67. DOI: 10.1007/s12117-005-1024-x.

65. Silva A. 2018. *O combate às facções criminosas cariocas sob os princípios de David Galula*. Rio de Janeiro, Escola Superior de Guerra.

66. Sullivan J. 2019. The challenges of territorial gangs: Civil strife, criminal insurgencies and crime wars. *Revista Do Ministério Público Militar*, vol. 46, no. 31, pp. 13–30.

67. Sullivan J. 1997. Third generation street gangs: Turf, cartels, and net warriors. *Transnational Organized Crime*, vol. 3, no. 3, pp. 95–108.

68. Tabôas M. 2022. *As organizações criminosas e sua rede de relacionamento: Um estudo sobre os presos custodiados na penitenciária federal em Brasília*. PhD Thesis. Brasília.

69. Van Creveld M. 1991. *The transformation of war*. New York, The Free Press.

70. Williams P. 2012. The terrorism debate over mexican drug trafficking violence. *Terrorism and Political Violence*, vol. 24, no. 2, pp. 259-278. DOI: 10.1080/09546553.2011.653019.

71. Wu J. et al. 2024. A social network analysis of an MS-13 network: Structure, leadership roles, and the use of confidential informants. *International Criminology*, pp. 1-13. DOI: 10.1007/s43576-024-00113-9.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024;
одобрена после рецензирования 03.07.2024;
принята к публикации 06.08.2024

The paper was submitted 02.04.2024;
approved after reviewing 03.07.2024;
accepted for publication 06.08.2024

ДИАЛОГ НАУЧНЫХ ШКОЛ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-176-184

Научное интервью / Research interview

В.П. Васильев*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: КРИЗИС ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В данном интервью, открывающем новую рубрику — «Диалог научных школ», заведующий кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.П. Васильев делится своими оценками итогов и значения состоявшейся в ноябре–декабре 2023 г. в Дубае (ОАЭ) 28-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP28). В частности, рассмотрены текущая динамика реализации Парижского соглашения по климату, ключевые положения докладов Всемирной организации здравоохранения и Международного энергетического агентства; особое внимание уделено дискуссиям, развернувшимся на полях конференции по вопросам использования ископаемого топлива и перехода к возобновляемым источникам энергии. В настоящий момент процесс реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) сталкивается с рядом серьезных препятствий — как финансово-экономического, так и социально-политического характера. Между тем невыполнение ЦУР чревато резким обострением проблем глобального неравенства, продовольственной безопасности и климатической миграции, особенно актуальных для наиболее уязвимых групп населения. По словам В.П. Васильева, в этих условиях Российская Федерация проводит

* *Васильев Владимир Петрович* — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vasvp15@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4133-3592).

долгосрочную климатическую политику, направленную на достижение с учетом национальных интересов и приоритетов социально-экономического развития баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением. Хочется надеяться, что ученые из МГУ смогут внести свой вклад как в совершенствование экологической политики Российской Федерации, так и в определение глобальной климатической повестки. А для этого в свою очередь важно развивать и укреплять диалог между ведущими научными школами Московского университета.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, экологические риски, изменение климата, парниковые газы, «чистый ноль», помощь развивающимся странам, глобальное неравенство

Для цитирования: Васильев В.П. Глобальные программы устойчивого развития: кризис достижения целей // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 176–184. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-176-184.

Vladimir P. Vasiliev

GLOBAL SUSTAINABLE DEVELOPMENT PROGRAMS: CHALLENGES TO THE ACHIEVEMENT OF THE GOALS

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In this interview the Head of the Chair of Sociology of Public Administration of the School of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Vladimir P. Vasiliev, shares his assessments of the results and significance of the UN climate Conference held in November-December 2023 in the UAE (Dubai). He examines the current dynamics of the implementation of the Paris Climate Agreement, the key provisions of the reports of the World Health Organization and the International Energy Agency, and focuses on the discussions that unfolded at the conference on the use of fossil fuels and the transition to renewable energy sources. It is noted that the process of implementing the Sustainable Development Goals (SDGs) is currently facing a number of serious obstacles, both economic and socio-political in nature. Meanwhile, failure to implement the SDGs is fraught with a sharp aggravation of the problems of global inequality, food security and climate migration, especially dangerous for the most vulnerable groups of the population. It is noted that under these conditions, the Russian Federation is pursuing a long-term climate policy aimed at achieving a balance between

anthropogenic greenhouse gas emissions and their absorption, in a way that is consistent with national interests and priorities of socio-economic development. Hopefully, scientists from Lomonosov Moscow State University will be able to contribute both to improving the environmental policy of the Russian Federation and to defining the global climate agenda. And for this, in turn, it is important to develop and strengthen the dialogue between the leading scientific schools of Moscow State University.

Keywords: renewable energy sources, environmental risks, climate change, greenhouse gases, 'net zero', development assistance, global inequality

About the author: *Vladimir P. Vasiliev* — PhD (Economics), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology of Public Administration, School of Sociology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vasp15@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4133-3592).

For citation: Vasiliev V.P. 2024. Global sustainable development programs: Challenges to the achievement of the goals. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 176–184. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-176-184. (In Russ.)

Николай Юдин: *Владимир Петрович, скажите, пожалуйста, в чем Вы видите актуальность и востребованность в современных условиях междисциплинарного диалога по вопросам реализации глобальных программ в области устойчивого развития?*

Владимир Васильев: В 2023 г. пройдена середина пути по реализации планов коллективных действий под эгидой ООН в области устойчивого развития и сокращения климатических рисков¹. Итоги работы в сфере климатической повестки были подведены на Конференции ООН по изменению климата в 2023 г. (Дубай, ОАЭ, 30 ноября — 12 декабря 2023 г.).

Ряд обстоятельств определяют общий ландшафт реализации стратегических планов и индикаторы климатической деятельности,

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года // Генеральная Ассамблея ООН. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 14.04.2024); Парижское соглашение. Рамочная конвенция об изменении климата ООН, 2015 // Организация Объединенных Наций. Доступ: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 14.04.2024).

что обуславливает необходимость их анализа в более широком международно-политическом контексте. Во-первых, следует отметить неопределенность в социально-экономической динамике, продолжающуюся после мирового кризиса 2008–2009 гг. и усугубленную COVID-19. Во-вторых, на нее накладываются усиливающие друг друга кризисные процессы, порождаемые изменением климата, ростом финансовой нестабильности и волатильностью цен на энергоносители и продовольствие. В-третьих, наблюдается обострение социального неравенства, ассоциируемого с экологическими рисками.

Н.Ю.: *Вы упомянули Конференцию ООН по изменению климата 2023 г. Как Вы оцениваете ее результаты и в чем видите ее значение с точки зрения достижения Целей устойчивого развития?*

В.В.: Главной темой конференции стало выполнение Парижского соглашения по климату, направленного на существенное сокращение глобальных выбросов парниковых газов и ограничение повышения глобальной температуры в этом столетии до 2°C при одновременном поиске средств для достижения еще более амбициозного показателя: не допустить повышения глобальной температуры выше 1,5°C по сравнению с базовым уровнем доиндустриального периода — 1850–1900-х годов. Реализация этой задачи непосредственно связана с кардинальным изменением модели потребления как отраслей производства, так и домохозяйств, с сокращением использования ископаемого топлива. Как отмечено в Парижском соглашении, парниковые газы ведут к изменению климата и к катастрофическим последствиям для населения.

Впервые на форуме высокого уровня были затронуты вопросы взаимосвязей между климатом и общественным здоровьем. В докладе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) показана масштабность проблем общественного здоровья в связи с климатическими аномалиями: рост смертности из-за жары среди людей старше 65 лет, вспышки инфекционных заболеваний. По данным ВОЗ, по причинам, связанным с загрязнением воздуха, в год происходит до 7 млн смертей². Главный путь для защиты людей — переход

²См. подробнее: Глобальное сообщество здравоохранения призывает участников КС28 срочно принять меры по защите здоровья от последствий изменения климата //

на чистые источники энергии, для чего необходимо наращивание инвестиций в низкоуглеродные системы здравоохранения.

Специальный доклад к конференции был подготовлен Международным энергетическим агентством (МЭА), представившим сценарий «Чистый ноль к 2050 году»³. В докладе дан факторный анализ ускоренного перехода на источники энергии, не выделяющие вредных веществ, такие как ветер и солнце, повышения энергоэффективности, электрификации транспорта, промышленности и зданий, расширения использования чистого водорода и других видов топлива с низким уровнем выбросов, а также инвестиций в технологии снижения выбросов. Стоит отметить, что, несмотря на некоторый негативизм со стороны властей отдельных стран и экологических организаций, МЭА и МАГАТЭ⁴ предлагают также расширение использования атомной энергии.

В ходе дискуссий на конференции были приняты решения о коллективных действиях в области климатической повестки. Предметом самых острых дебатов стало обсуждение вопроса о судьбах ископаемого топлива и переходе к возобновляемым источникам энергии как главному направлению работы, призванном избавить человечество от экологических катастроф и сохранить здоровье населения Земли. В итоге в резолюцию конференции был включен пункт об ускорении глобального отказа от ископаемого топлива в этом десятилетии «справедливым, упорядоченным и равноправным образом» и о полном прекращении выбросов углекислого газа в атмосферу к середине века. Рекомендовано на национальном уровне провести «глобальную инвентаризацию» и скорректировать свои долгосрочные планы, предусмотрев увеличение в три раза использования возобновляемых источников энергии и удвоение энергоэффективности⁵. Для финансирования сокращения климатических рисков в развивающихся странах решено увеличить

Всемирная организация здравоохранения. 27.11.2023. Доступ: <https://www.who.int/ru/news/item/27-11-2023-global-health-community-calls-for-urgent-action-on-climate-and-health-at-cop28> (дата обращения: 14.04.2024).

³Net zero roadmap: A global pathway to keep the 1.5°C goal in reach // International Energy Agency. September 2023. Available at: <https://www.iea.org/reports/net-zero-roadmap-a-global-pathway-to-keep-the-15-0c-goal-in-reach> (accessed: 14.04.2024).

⁴Международное агентство по атомной энергии. — *Прим. ред.*

⁵Conference of the Parties serving as the meeting of the Parties to the Paris Agreement. Fifth session. United Arab Emirates, 30 November to 12 December 2023 // United Nations.

вносы в созданный Фонд возмещения убытков и ущерба, а также разработать систему снижения последствий стихийных бедствий на основе поддержки инициативы «Заблаговременное предупреждение для всех»⁶.

Конференция, весьма разнообразная по представительству и форматам, несмотря на наличие различных взглядов, подтвердила стратегический вектор достижения целей сокращения экологических рисков и неравенства между странами.

Н.Ю.: *Вы отметили, что обсуждение ряда вопросов повестки конференции сопровождалось острыми дискуссиями. Какие проблемы вызвали наибольшие разногласия и какие в целом препятствия, на Ваш взгляд, существуют сегодня на пути достижения Целей устойчивого развития?*

В.В.: Представленная дорожная карта достижения углеродной нейтральности требует значительного увеличения инвестиций и непростых политических и экономических решений, призванных качественно повысить эффективность объектов возобновляемых источников энергии. Неудивительно, что эти вопросы вызывают острые дискуссии. Траектория перехода ставит как минимум и две новые социальные проблемы. Во-первых, использование новых источников энергии предполагает модификацию повседневного потребления в домохозяйствах, существенного изменения потребительского поведения. Во-вторых, необходимо в этой связи структурное изменение занятости населения: неизбежное ее сокращение в секторах ископаемой энергии и увеличение в отраслях возобновляемой энергетики.

На конференции были озвучены недостатки действующих институтов, тормозящих достижение запланированных индикаторов климатической повестки. Эти недостатки сводятся к следующему:

– отсутствует консенсус по темпам перехода к возобновляемым источникам энергии, что не отвечает необходимой энергетической сбалансированности развития;

Framework Convention on Climate Change. 13.12.2023. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_L17_adv.pdf (accessed: 14.04.2024).

⁶Early warnings for all: Monitoring progress // World Meteorological Organization. 04.04.2024. Available at: <https://wmo.int/activities/monitoring-and-evaluation-merp/early-warnings-all-dashboard> (accessed: 14.04.2024).

- крупнейшие энергетические компании мира не предприняли эффективных шагов по сокращению выбросов в атмосферу;
- финансовый механизм помощи развивающимся странам не был оптимизирован;
- не были разработаны целевые инструменты по сокращению климатического неравенства и ликвидации его последствий для уязвимых социальных групп населения.

Общий вывод по результатам реализации модели устойчивого развития был сформулирован Генеральным секретарем ООН А. Гутерришем: «Цели устойчивого развития находятся в серьезном кризисе. Предварительная оценка примерно 140 целевых показателей, по которым есть данные, демонстрирует, что только около 12% задач выполняются в соответствии с планом, а более половины, хотя и показывают некоторый прогресс, умеренно или сильно отстают от намеченного курса. При этом около 30% либо не изменились, либо опустились ниже уровня 2015 г.»⁷

Н.Ю.: *В этом контексте какие риски повлечет, на Ваш взгляд, невыполнение запланированных целей?*

В.В.: Речь идет о широком спектре экономических, политических и социальных рисков. По данным Всемирной метеорологической организации, 2023 г. оказался самым теплым за всю историю наблюдений, температура была выше базового доиндустриального уровня на 1,40°C, что привело к экстремальным погодным и климатическим явлениям на всех населенных континентах⁸. Обострились проблемы продовольственной безопасности, перемещения населения, воздействия на уязвимые группы.

Анализ причин и последствий климатических рисков показывает нарастание глобального неравенства. По данным экспертов, почти

⁷ Progress towards the Sustainable Development Goals: Towards a rescue plan for people and planet. Report of the Secretary-General (special edition) // United Nations. 10.07.2023. Available at: <https://hlpf.un.org/sites/default/files/2023-07/SDG%20Progress%20Report%20Special%20Edition.pdf> (accessed: 14.04.2024).

⁸ На конференции был представлен новый независимый реестр выбросов парниковых газов, подготовленный с использованием технологий искусственного интеллекта, обработавших спутниковые цифровые данные по выбросам парниковых газов. Provisional State of the Global Climate in 2023 // World Meteorological Organization. 30.11.2023. Available at: <https://wmo.int/publication-series/provisional-state-of-global-climate-2023> (accessed: 14.04.2024).

80% мировых выбросов парниковых газов генерирует промышленность стран, входящих в «G20», остальные 20% приходятся на государства доиндустриального или догоняющего развития⁹. Это обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость увеличения финансовой помощи развивающимся странам в рамках климатической повестки за счет промышленно развитых государств.

Климатические риски особенно больно бьют по наиболее уязвимым группам населения — женщинам и девочкам, молодежи, коренным народам, — которые оказываются в ситуации «многоаспектной уязвимости»¹⁰.

Н.Ю.: *Одним из главных направлений сокращения климатических рисков является переход к возобновляемым источникам энергии. Какие предложения прозвучали на конференции?*

В.В.: Это был один из самых обсуждаемых вопросов. Проблема не только в зеленой экономике. Нефтегазовые ресурсы, во-первых, неравномерно распределены по странам и континентам, во-вторых, иссякают у многих государств в обозримом будущем. В связи с этим появляется политическая конкуренция, звучат рекомендации поскорее свернуть национальные нефтегазовые сектора, предпринимаются попытки создать селективные институциональные препятствия для экспорта энергоресурсов и тем самым сократить их добычу. Вместе с тем понятно, что солнечные панели и ветровые установки не могут заместить объемы энергии от ископаемого топлива. Симптоматично, что на конференции подтверждена экологическая «реабилитация» атомной и гидроэнергетики, в статистических отчетах о росте использования возобновляемых источников энергии эти сектора занимают значительную долю.

Н.Ю.: *Какую позицию в этом контексте занимает Российская Федерация?*

В.В.: Позиция Российской Федерации по рассматриваемым проблемам была заявлена в опубликованной в преддверии конференции

⁹ Цифры и факты // Организация Объединенных Наций. Доступ: <https://www.un.org/ru/actnow/facts-and-figures> (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁰ См. подробнее: Climate change 2023: Synthesis report // Intergovernmental Panel on Climate Change. 2023. Available at: https://www.dlmplus.nl/wp-content/uploads/2023/10/IPCC_AR6_SYR_FullVolume-Climate-change-2023.pdf (accessed: 14.04.2024).

ООН Климатической доктрине¹¹, определяющей долгосрочную стратегию развития на основе результатов исследований изменения климата и влияния его последствий на различные отрасли экономики, население и окружающую среду. В качестве ключевой долгосрочной цели климатической повестки РФ определено достижение с учетом национальных интересов и приоритетов социально-экономического развития не позднее 2060 г. баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением¹².

Н.Ю.: *Большое спасибо за Ваше интервью! Хочется надеяться, что ученые из МГУ смогут внести свой вклад как в совершенствование экологической политики Российской Федерации, так и в определение глобальной климатической повестки. А для этого в свою очередь важно развивать и укреплять диалог между ведущими научными школами Московского университета.*

Статья поступила в редакцию 20.03.2024;
одобрена после рецензирования 15.04.2024;
принята к публикации 12.08.2024

The paper was submitted 20.03.2024;
approved after reviewing 15.04.2024;
accepted for publication 12.08.2024

¹¹ Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения: 14.04.2024).

¹² См. подробнее: Порфирьев Б.Н., Широков А.А. Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов: сценарии и реалии для России // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 5. С. 415–423.